

419003

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Станислав Мярковский

**НА ДОРОГАХ
АФГАНИСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт востоковедения

Станислав Мярковский

**НА ДОРОГАХ
АФГАНИСТАНА**

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1973

Stanisław Miarkowski
BurubahaJr!
NA DROGACH AFGANISTANU
W a r s z a w a, 1968

Редколлегия

К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Н. А. Симония

Перевод с польского

Н. Я. Севериной

Послесловие

Р. Т. Ахрамовича

Мялковский С.

М99 **На дорогах Афганистана.** Пер. с польск., М.
Главная редакция восточной литературы изд-ва
«Наука», 1973.

208 с. с карт. («Путешествия по странам Востока»).

Польский инженер, проживший около трех лет в Афганистане, описывает свои впечатления. Автор рассказывает о своих поездках по стране, о встречах и беседах с местными жителями, о тех переменах, которые на его глазах происходили в стране, а также о природе и памятниках старины Афганистана.

М $\frac{0281-2109}{042(02)-73}$ 141-73

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

КАК РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА?

В течение нескольких лет я работал с группой инженеров из разных стран на строительстве дорог в Афганистане.

Я не принадлежу к числу туристов, выскивающих экзотические чудеса, специально интересующихся памятниками старины и особенностями местных природных условий, взирающих на все свысока, изучающих чужую страну из окон автомобиля или гостиницы. Меня прежде всего занимают люди. Здесь я встречался с ними ежедневно, заходил в их квартиры, пастушьи шатры и ветхие деревянные чайханы, добирался до самых отдаленных деревень и одиноких селений, тесных, хаотично застроенных городишек и ярко расцвеченных базаров, министерских кабинетов и частных контор.

Я наблюдал за жителями Афганистана во время работы и отдыха, трапезы и веселья, молитвы и споров. В самой непосредственной близости я познавал их жизнь, обычаи и характеры. Порой дело доходило до недоразумений и даже столкновений, однако чаще завязывалась дружба, возникали десятки больших и маленьких привязанностей. Одни из них приходили сами собой, другие я завоевывал долго и упорно.

Я измерил добрую часть пространства страны, проводя работы в самых различных ее уголках. Меня забрасывало в тихие бело-зеленые долины и зияющие пропастями скалы, я пробирался по пустынному бездорожью и горным перевалам.

Я хочу рассказать об Афганистане, каким увидел его и воспринял. Хочу познакомить читателя со страной,

которая в течение нескольких лет была для меня вторым домом.

Я расскажу также о группе инженеров, которые, будучи оторванными от привычной жизни, находясь в условиях резкого горно-континентального климата, проектировали и строили дороги, преодолевали слабости, поддерживали друг друга, ссорились, тосковали... Описанные здесь события и факты достоверны, порой лишь изменена их последовательность.

БОЛЕЕ ЧЕТЫРЕХ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ НА ЮГО-ВОСТОК

В самолете было очень светло. Ослепительный блеск расстелившегося под нами белого ковра облаков вливался через маленькие иллюминаторы «Ильюшина». Минуту назад стюардесса объявила, что мы летим над территорией Афганистана. Поначалу я не заметил никакой разницы между тем, что видел в окрестностях Термеза, последнего пункта на территории СССР, где самолет совершил посадку, и страной по другую сторону пограничной Амударьи. Потянулись горы, но вскоре их закрыл сплошной слой облаков.

Визуальная связь с землей осуществлялась благодаря темным вершинам Гиндукуша, возвышающимся над белой сверкающей пеленой.

Стюардесса раздала кислородные маски и объяснила, как ими пользоваться.

Кроме инженера Зыгмунта Вжеснёвского, с которым мне приходилось работать и раньше, все пассажиры в самолете были жителями Афганистана. С двумя молодыми смуглолицыми студентами, возвращавшимися на каникулы домой, я познакомился еще в Ташкенте.

Солидный, седобородый мужчина в габардиновом пальто и серой каракулевой шапке сидел в обществе двух бледных брюнеток. Поначалу мне показалось, что они монахини, правда, одну из них, младшую, я принял сначала за мать прелестного двухлетнего малыша, похожего на цыганенка. Обе женщины были в очень темном свободном одеянии, которое завершало что-то среднее между капюшоном и фатой. С их одеждой резко контрастировали большие, подкрашенные глаза и яркие

губы, а еще резче — изящные туфельки из змеиной кожи, которые у нас были бы последним криком моды.

Я украдкой рассматривал всех по очереди. Два молодых человека то и дело подходили к элегантному, неподвижно сидящему бородачу, наклонялись к нему, подавали какие-то яства обеим дамам и вообще держались необыкновенно учтиво.

Воспользовавшись моментом, я тронул за локоть одного из юношей, высокого, красивого, с пухлыми губами, когда тот направлялся к стюардессе:

— Прошу прощения! Я мог бы с вами переговорить?

— Одну минуту.

Он попросил у стюардессы стакан воды для одной из дам и сел рядом со мной.

Мне было неловко спросить о том, что меня интересовало, — слишком изысканными казались манеры молодого человека. К счастью, он задал вопрос первым:

— Как вам нравится Афганистан?

— Судя по облакам и по тому, что из-за них видно, здесь должно быть очень красиво.

— О да, это фантастический край, вы еще убедитесь...

— И люди красивые. Взгляните на джептльмена, там впереди, — добавил я и, пытаясь подражать пожилому господину, который осторожно поглаживал бороду, стал теревить тремя пальцами свою седеющую бородку.

— О, это известная у нас личность. То же, что у вас епископ.

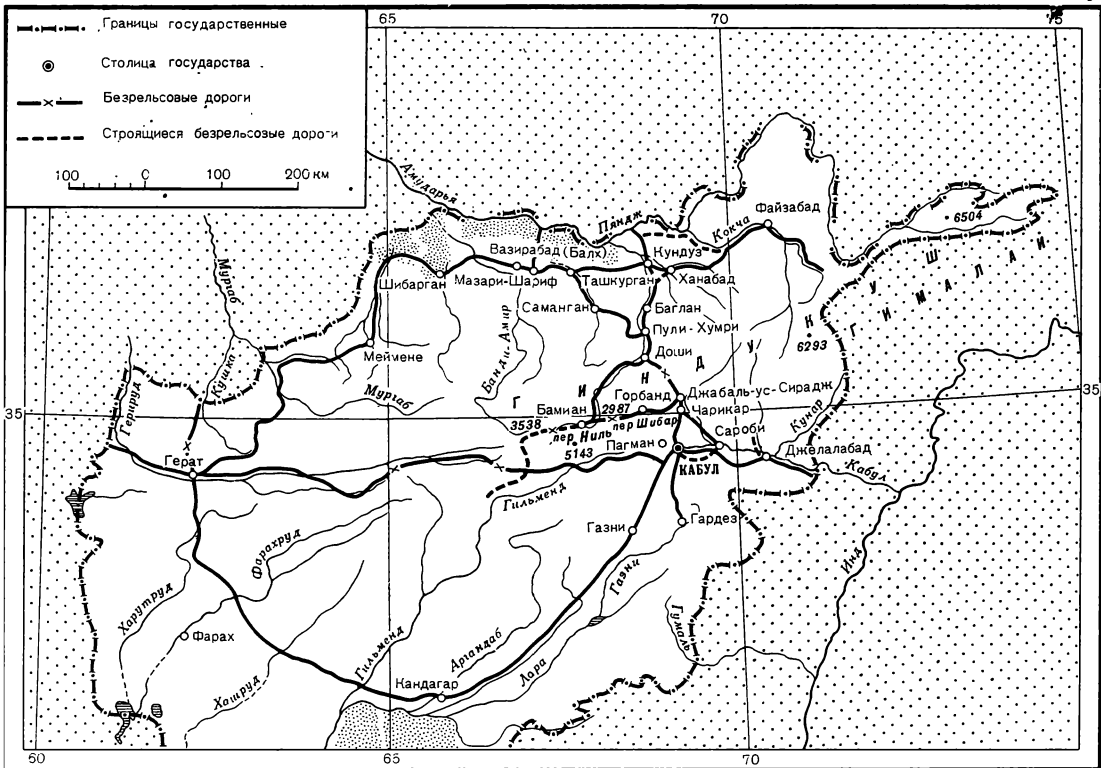
— А его сопровождающие?

На лицо моего собеседника набежала тень не то гнева, не то возмущения. На какое-то мгновение появилось выражение подозрительности и наконец нетерпения. Я понял, что допустил какую-то бестактность. Но молодой человек уже овладел собой и произнес абсолютно спокойно:

— Это его жены.

Я ждал такого ответа и всячески старался не обнаружить никаких эмоций, тем не менее сердце мое учащенно забилось. Это было первое соприкосновение с миром обычаев Востока.

Как я узнал позже, разговор о женщинах возможен лишь между близкими родственниками или старыми

друзьями, и то, как правило, в очень серьезном тоне.

— Прошу приготовиться к посадке!

Милым, певучим голосом стюардесса объявила об окончании полета сначала по-русски, потом по-английски.

Мой собеседник стремительно поднялся, выразив надежду встретиться в Кабуле, и присоединился к своей компании. Я пристегнул поясной ремень.

— Где они хотят совершить посадку — в облаках или на этих скалах? — Зыгмунт не мог скрыть своего беспокойства.

Я посмотрел в окно. Пышный ковер белых облаков был абсолютно плотным. «Ильюшин» делал большую петлю. И вдруг мы увидели под собой, как на макете, миниатюрные поля, дома, сады. Земля быстро приближалась. Еще две минуты, боль в ушах, несколько подскоков по неровной поверхности аэродрома, и самолет остановился перед небольшим деревянным бараком.

Я схватил дорожную сумку и первым ступил на бурю траву аэродрома. Следом за мной шел Вжеснёвский.

Большая группа мужчин в каракулевых шапках стояла у трапа. На нас никто не обратил внимания, и мы двинулись по направлению к бараку.

Вдруг Зыгмунт схватил меня за руку. Я обернулся. На последней ступени трапа стоял седобородый господин. К нему подходили люди и целовали руку, а он прижимал головы приветствующих к груди.

Чуть повыше стояли две дамы в черном. В их облике было что-то неземное. Ниспадающая складками ткань окутывала их с головы до ног, и лишь едва угадывалась линия плеч. Полоска густой сетки на уровне глаз позволяла предполагать, что эти странные фигуры передвигаются отнюдь не ощупью.

Меня охватило чувство огромной жалости и смущения. Я был свидетелем живучести жестокой традиции.

Почтенное семейство препроводили в черный, сверкающий лимузин.

Нас никто не встречал. Видимо, телеграмма еще не дошла до места назначения. Предстояло действовать самостоятельно. В бараке был проведен поспешный таможенный досмотр, отмечены паспорта. С немалым трудом мы погрузили свой багаж в автобус.

Выйдя из автобуса в центре города, мы оказались рядом с одноэтажным строением, прилегающим к внушительному, только что законченному зданию гостиницы «Кабул». Небольшое фойе и длинный коридор с расположенными по обе стороны двухместными номерами носили название «Старый отель».

Вечером, около шести, мы получили необходимую информацию и отправились с официальными визитами. Солнце стояло над горами. Тени от домов закрывали почти всю улицу. Было жарко. Мы смешались с пестрой толпой. Первое, что бросилось в глаза,— это отсутствие женщин. Лишь время от времени мелькала фигура в сером или коричневом одеянии. Теперь я знал, что непроницаемое покрывало, которое мы на польский манер называем чадрой, на самом деле именуется чадор.

Нас поразила неторопливость прохожих, которые шли прогулочным шагом, улыбаясь, приветствуя друг друга. По европейским и особенно нашим, варшавским, представлениям, они прохаживались без всякой цели. Трудно себе вообразить, чтобы человек, идущий куда-либо по делу, мог передвигаться не спеша. Несколько месяцев спустя я понял из случайно долетевшего до меня обрывка разговора, что неторопливость, размеренность движений — показатель независимости. Спешат только солдаты и прислуга, и то по приказу.

По типу одежды жителей Кабула можно разделить на три основные группы. Первая — европейский костюм и обувь, белая рубашка, галстук, каракулевая шапка на голове; вторая — белая, выпущенная поверх широких шаровар рубашка, кожаные сандалии, жилет, белая или черная чалма; наконец, третья группа — нечто среднее: пиджак поверх рубашки и жилета, шапка вместо чалмы. Этот последний стиль показался мне весьма забавным.

Спустя некоторое время я заметил, что по мере приближения к европеизированному району Шаринау европейский костюм становился все более характерным, прохожие в чалмах уже не попадались нам навстречу.

Улицы в Кабуле асфальтированы. Тротуар отделен от мостовой глубоким рвом шириной в несколько десятков сантиметров, наполненным водой. Здесь моют овощи, руки, полощут белье. Такой канал называется джуй. Джуй есть повсюду, где существует жизнь. Они несут воду. Сотни, тысячи километров джуи в городах, деревнях, на полях уже десятки столетий являются

объектом основной заботы и важнейшим источником существования опаленной солнцем страны. Можно обойтись без дорог, без мостов, шахт и фабрик, но только не без воды.

В Кабул дополнительно подается питьевая вода с гор, находящихся в двадцати километрах от города. Но лишь немногие дома европейского района подключены к этому трубопроводу. И всего несколько общедоступных кранов являются источником заработка водоносов.

Вот и сейчас перед нами движется полусогнутая фигура. Покачивающаяся походка, на голове — цветная круглая шапочка. За спиной — водонепроницаемый мешок из козьей шкуры, снятой целиком. Все отверстия в шкуре, за исключением одного, заткнутого колышком, — это водоспуск, — плотно зашиты. На склоненных почти до самой земли плечах водоноса — несколько десятков литров воды. Искаженное от усилий лицо ничего не выражает. Вероятно, глаза сказали бы больше... но их почти невозможно увидеть.

Минута — и раздутая от воды козья шкура, грязный кафтан, голубые шаровары и кожаные плетенки на ногах исчезли в темной глотке узенькой улочки.

Человек на службе у воды... Это можно воспринимать романтически, только вот носить тяжело... Долгие годы, а может быть и всю жизнь, ходит покачиваясь водонос, согбенный под тяжестью воды...

Некоторое время мы шли с Зыгмунтом рядом, не произнося ни слова, занятые только созерцанием.

Магазины попадались двух разновидностей: одни — совсем как наши, с витриной и входом, в других — покупали прямо на улице у сидящего среди товаров торговца.

Но вот мы попали в район, широкие, усаженные деревьями улицы которого утратили торговый характер. За высокими глиняными стенами виднелись пушистые зеленые кроны. В просветах между ними вырисовывались смутные очертания высоких горных цепей, пересеченных горизонтальными слоями белых облаков. На некоторых вершинах снежные шапки отражали красноватый блеск заходящего солнца.

Уже стемнело, когда мы прочли на медной табличке: «Посольство Польской Народной Республики». Короткое «Стой!», произвольное движение руки, поправ-

ляющей галстук,—и я нажимаю кнопку звонка у калитки, ведущей в сад.

На лестнице особняка показался служащий в белом костюме. Он проводил нас в салон, где через минуту появился поверенный в делах. Никогда прежде мне не приходилось иметь дело с дипломатами, но мое представление о них удивительно совпало с тем, что я увидел в посольстве: обаятельная улыбка, сдержанность движений, свободный, уверенный стиль поведения. В течение часа мы узнали обо всем, что хотел сказать нам советник, и ответили на его вопросы.

Эту беседу можно было смело назвать первой лекцией не столько об Афганистане, сколько о жителях этой страны, об их национальной гордости, гостеприимстве и о том значении, которое они придают такту во взаимоотношениях между людьми.

— И еще один деликатный совет,— закончил советник.— Прошу вас, ведите себя так, как будто вы не подозреваете о существовании в этой стране женщин.

Я припомнил разговор в самолете.

Беседа стала непринужденной. Нас представили торговому советнику и милым женам обоих сотрудников посольства. Кофе, пирожные, разговор обо всем и ни о чем: что слышно на родине, как живется здесь?

Через час мы покинули посольство. У калитки нас догнал человек в расстегнутой на груди белой рубашке и сказал по-польски:

— Прошу прощения, уважаемые инженеры. Не зайдете ли на минутку ко мне?

— С кем имеем честь? — забубнил Зыгмунт.

— Разумеется, дорогой соотечественник, непременно заглянем,— быстро подхватил я.

Из сада посольства боковая дверь вела на маленький соседний участок, где стоял низенький одноэтажный домик. Из ярко освещенных окон доносился смех и грубоватый мужской разговор. Когда мы вместе с провожатым попали в освещенное пространство, из дома вышли четыре человека в белых нейлоновых рубашках.

— Ну что, Владек, привел?

— Конечно.

— С вашего позволения,— обратился он к нам,— я представлю вам несколько иное общество, впрочем, об этом потом. А пока виски, «выборова», вишневка, копыак?

Я заметил, что у Зыгмунта запотели очки. Это был верный признак смущения.

— Может быть, нам следует сначала представиться. Мой приятель инженер...

— Не утруждайте себя, дорогой, нам о вас все известно. Имена, фамилии, даты рождения, место жительства и т. п. Это скорее нам следует представиться.

После нескольких тостов я уже был на «ты» с Владеком, Юзефом, Рышардом, Бронекком и Стефаном.

Владек был интендантом, шифровальщиком, шофером и первым секретарем посольства одновременно, Юзеф и Рышард — сотрудниками аппарата торгового советника, а Бронек и Стефан — инженерами, прибывшими в Афганистан двумя месяцами ранее в качестве первых законтракованных польских специалистов. За ними последовали мы с Вжеснёвским.

Я чувствовал себя здесь как рыба в воде. Грубоватые шутки чередовались с тонкой игрой слов — все произносилось с варшавским акцентом и все создавало обстановку, в которой я отдыхал душой.

Подошел Рышард.

— Завтра будьте готовы к десяти утра. Я заеду за вами, и мы отправимся в министерство общественных работ. Я обязан представить вас руководству министерства.

Через несколько минут мы ехали на дипломатическом «шевроле» по тускло освещенным улицам Кабула.

Утром меня разбудил Зыгмунт. Он уже успел прогуляться и сделать кое-какие покупки. Я вскочил с постели, быстро умылся и побрился.

— Витаминчиков бы, — промолвил Зыгмунт.

— Будет сделано, шеф! — весело ответил я и приступил к приготовлению овощного салата.

Лук, яйца, огурцы, помидоры, лимон — все нарезано, полито маслом и как следует перемешано. Каждому из нас полагалось еще по половине большой плоской лепешки, которая, как выяснилось позже, оказалась местным хлебом, его называют здесь цапатай. Это был наш первый завтрак в Афганистане.

В условленное время мы в обществе Рышарда выехали в министерство общественных работ. Оно находилось в Дарульамане — районе, расположенном далеко от центра города. Последний отрезок пути — прямая шестикилометровая широкая аллея с четырьмя рядами

остроконечных тополей по бокам, выходящая в парк, разбитый на горе. На вершине стоит здание бывшего парламента, теперь в нем разместилось наше министерство.

Несколько минут ожидания, и мы встречаемся с министром. Это полный, уже пожилой господин.

Рышард представил нас. Министр, как я сумел вскоре убедиться, прекрасно владел французским языком и неплохо знал английский. Тем не менее он приветствовал нас на языке дари. А потом поинтересовался, какое впечатление произвел на нас Кабул.

Кроме министра и переводчика в кабинете было еще несколько человек, по-видимому высоких должностных лиц. Я чувствовал на себе их изучающие взгляды.

По окончании церемонии обмена приветствиями министр Мухаммад Кабир перекинулся несколькими фразами с двумя смуглолицыми господами. Когда он поднялся с кресла, тотчас же встали и все присутствующие. Традиционное рукопожатие,— и вот мы, вновь принятые сотрудники, выходим в изогнутый дугой коридор. Нас сопровождают два начальника — Матин и Нури, а также переводчик Экбаль. Бросив Рышарду короткое: «Вечером увидимся», я вслед за Зыгмунтом поднимаюсь по широкой каменной лестнице.

Зал на втором этаже предназначался для иностранных специалистов. Здесь же работали Матин — начальник северных дорог, инженер, получивший образование в Германии, и Нури — начальник южных дорог, учившийся во Франции.

Около полудня «газик» Нури подвез нас в город. Надо было отметить в полиции. Наш переводчик Экбаль сам сел за руль. Машину он вел превосходно и болтал без умолку. Он знал множество анекдотов, забавных историй, над которыми смеялся вместе со слушателями. Экбаль умел хорошо наблюдать и легко подмечал смешное. Когда мы подъезжали к занимающему почти целый квартал управлению полиции, он рассказал нам такую историю:

— Однажды некий вельможа получил в подарок волка. Зверю отпускали ежедневно двадцать фунтов мяса. Ухаживать за ним должен был специальный служитель. Десять фунтов мяса он давал волку, а остальные брал

себе. Когда вельможа узнал об этом, он приказал своему человеку наблюдать за служителем. Мясом теперь стали пользоваться трое. Волк получал всего шесть фунтов. Человек, который доложил об этом вельможе, стал очередным надзирателем, и порция волка еще уменьшилась. Когда появились еще два контролера, волк подох с голоду.

Большой двор президиума был наполнен служащими и посетителями. Однако Экбаль, используя все свои знакомства и эрудицию, добился того, что мы быстро сдали паспорта. А через четверть часа уже получили заверение, что они будут оформлены в течение суток. Когда спустя три недели мы вновь стали обладателями коричневых книжечек с тисненым польским орлом на обложках, Экбаль был необыкновенно горд, считая, что дело уладилось очень быстро.

Нашим первым заданием был отчет о состоянии дел на дороге Кабул — Сароби. Столицу и расположенный в нескольких десятках километров на восток от нее Сароби связывают две трассы. Одна идет на Сараки — Латабанд, другая пролегает через каньон Танги-Гару.

На месте Кабульской котловины, видимо, было когда-то озеро, которое исчезло в результате тектонических смещений, открыв сток для реки через каньон Танги-Гару. Котловина расположена на высоте около тысячи восьмисот метров над уровнем моря, Сароби — на высоте нескольких сотен метров. Средний перепад воды в реке Кабул на отрезке в тридцать километров составляет около трех процентов. Это очень много, особенно если учесть, что именно сюда несут свои воды реки Горбанд, Панджшир с их многочисленными притоками. В Желалабаде, расположенном на высоте около шестисот метров над уровнем моря, Кабул — уже большая река. На территории Пакистана она как равноправный партнер сливается с Индом.

В Сароби фирмой «Сименс» сооружена электростанция. Как и повсюду, где ведется крупное строительство, здесь выстроены гостиница и дачный поселок.

Три расположенных почти на одной параллели города — Кабул, Сароби и Желалабад — красноречиво свидетельствуют о зависимости климата от высоты над уровнем моря. В Кабуле, где летом температура выше тридцати пяти градусов, а зима снежная и морозная, растительность почти такая же, как в Румынии или

Болгарии. В Сароби уже произрастают инжир и перечное дерево, а в Желалабаде, где никогда не бывает мороза и снега, множество пальм, апельсинов и прочих южных растений. Летом температура здесь часто поднимается выше пятидесяти градусов, а расположен он всего лишь в ста километрах от Сароби.

Всю неделю мы с Нури и Экбалем ездили по трассе Желалабад — Сароби. Росла пачка эскизов, записей. Измерения по большей части производились на глазок, а видел каждый из нас по-своему. Зыгмунт ни за что не хотел со мной соглашаться. Мы оба были уверены только в собственной правоте. Длительные споры чуть было не привели к возникновению двух самостоятельных отчетов.

Конечным результатом нашей деятельности должно было стать сводное описание работ, необходимых для того, чтобы превратить опасную, проложенную в трудных горных условиях дорогу в магистраль, соответствующую международным стандартам. Первые пятнадцать километров до входа в ущелье — сущий пустырь. Немного расширить, переоборудовать несколько переездов, поправить продольный профиль. Далее шел горный участок пути. С каждым километром надо было все выше поднимать голову, чтобы увидеть небо. Дорогу подмывала бурная горная река — огромные валуны и осыпи готовы были вот-вот обрушиться. Необходимо построить опорные стены, очистить откосы, увеличить арки, обеспечить хорошую видимость. Словом, произвести самые разнообразные работы — подрывные, земляные, строительные.

Местечко Махипар привлекает внимание туристов и наводит на раздумье инженеров. Река здесь с рычанием низвергается огромными каскадами, разбиваясь о большие камни. Все это происходит в длинном ущелье шириной в несколько десятков и глубиной в несколько сотен метров.

Дорога как будто выбита в черной скале. Никакого барьера или хотя бы каменного бордюра со стороны пропасти. Несколько коротких туннелей, пара крутых поворотов, — и мы опять у реки.

Можно было бы сократить здесь путь примерно километра на два, но для этого потребовалось бы по мень-

шей мере прыгнуть с парашютом. Сто пятьдесят метров совершенно отвесной скалы разделяют расположенные один над другим отрезки дороги. Выше — еще несколько сотен метров вертикальной скалы. Солнце заглядывает на дно каньона всего лишь на несколько часов в день. Я дал себе слово не увлекаться описаниями природы, но, кажется, все же его нарушил.

Сразу за туннелем, где скалы вновь раздвигаются, образуя гигантское ущелье, над пропастью возвышается пятиэтажное белое здание. По всей вероятности, оно было запланировано как туристский объект — кафе или гостиница, ибо расположение его необычно, да и вид отсюда открывается великолепный! Но пока здесь хранятся цемент, железо и другие строительные материалы. Это помещение служит также казармой для солдат дорожной службы.

По традиции наиболее дикий и самый красивый участок дороги мы проходим пешком. Пьем из холодных источников, бьющих прямо из отвесной скалы. Это одно из немногих мест в Афганистане, где европеец может позволить себе пить сырую воду без всякого риска для жизни.

В нескольких километрах от Махипара растет огромное тутовое дерево. Небольшой ручей образует здесь многочисленные каскады. Под старым деревом — каменный дом. Могучая зеленая крона закрывает верхнюю террасу. В этом живописном уголке, названном Шпульт-Баба, мы часто отдыхали после обеда.

В четверг, который оказался предпраздничным днем, мы выехали последний раз на трассу с целью описать конечный отрезок дороги через Сароби. На обратном пути должны были захватить Бронекка, который каждую пятницу проводил в Кабуле. Нури на этот раз с нами не было.

Мы миновали Махипар. Экбаль затянул какую-то песенку с очень сложным мотивом. Пел он фальцетом, как будто немного в нос. Пропев, как мне показалось, одну и ту же фразу несколько раз, взволнованно спросил:

— Вы, конечно, ничего не поняли?

Я отрицательно покачал головой.

— Ветер дует на запад и на восток, на юг и на север. Мои же чувства устремлены только туда, где находишься ты. Цветы бывают большие и маленькие,

красные и белые. Они ароматны. Много прекрасных цветов на свете, но я перестаю замечать их, когда появляешься ты. Ты одна можешь заменить все цветы на земле, и ветер, и дождь, и солнце.

— Прекрасная песня, Экбаль! Чья она?

— Моя. Я пишу иногда стихи. Однажды их даже напечатали в газете. Вам нравятся?

— Очень.

— Прошу вас,— обратился Экбаль к нам с Зыгмунтом,— приходите завтра ко мне в гости. Я приглашу еще нескольких друзей— будет весело. Я заеду за вами в семь вечера.

Мы миновали устье реки Панджшир и место, где по контракту с Советским Союзом должна быть сооружена плотина*. Сразу за только что построенным складом дорожного инвентаря начинался последний участок дороги, данные о котором надлежало включить в наш отчет. Эти два километра, отделяющие нас от Сароби, надо было пройти пешком.

Большую часть долины шириной в несколько километров занимало озеро. Высокий уровень воды в нем удерживался благодаря плотине, возведенной в том месте, где река снова попадала в скалистое ущелье. Дорога вилась по илестому склону, обходя небольшие, но глубокие овраги. Мы осмотрели высокие каменные столбы строящихся мостов, на которые она должна была выходить. Во время дождей ил становился мягким, расползался, что грозило оползнями и полным уничтожением дороги. Да, эти оседающие склоны — твердый орешек. Опорные стены во влажной почве не укреплены — для установки железобетонных креплений в Афганистане нет оборудования. Остается одно — уменьшить крутизну откоса. Потребуется произвести большие земляные работы. А это очень нелегко в стране, где достаточно своего камня, а цемент и железобетон нужно ввозить из-за границы. Вопрос о капиталовложениях, который у нас решался бы на уровне властей повета**, здесь рассматривал министр или даже премьер.

* Плотина гидроэлектростанции в Наглу, сооруженная при содействии СССР в 1960—1967 гг. и ставшая крупнейшей ГЭС Афганистана (мощность станции — 67,5 тысячи киловатт).— *Прим. ред.*

** Повет — единица административного деления в Польше, соответствует району.— *Прим. ред.*

Головы наши были полны разными планами и предложениями, когда мы наконец добрались до города. Гостиница в Сароби — прекрасное одноэтажное здание. В расположенном террасами парке растут перечные деревья, магнолии, азалии и другие субтропические растения.

За одним из столиков ресторана мы увидели Бронек и чету Фельзбахов. Они обедали.

Фельзбах отвечал за участок Танги-Гару. Бронек должен был ему помогать до приезда всей польской группы.

Я заметил, что Экбаль смотрел на Фельзбаха искподлбья, несмотря на самое сердечное расположение к нему последнего. Что-то здесь было не так.

Стояла страшная жара. Большой термометр на дверях показывал сорок один градус по Цельсию. Я чувствовал себя усталым и сонным. С трудом съел немного риса с мясом.

После обеда мы вышли на большую затененную террасу, где нам подали чай. Широкая водная гладь отделяла нас от цепи пологих гор. На отмели посреди озера было множество самой различной водоплавающей птицы. Неподвижные силуэты фламинго, цапель и аистов.

Зашел разговор о реконструкции дороги.

— Что вы думаете, господа, о работах, которые здесь проводятся? — спросил Эрик Фельзбах с типично тирольским акцентом.

— Прежде всего сюда предстоит вложить еще немало труда. Галереи, балконы, очистка, укрепление откосов — обо всем этом сказано в нашем отчете.

А полчаса спустя наш «газик» уже поднимался по склонам черных скал Танги-Гару. Впереди красное солнце спускалось к высоким краям ущелья. Сзади стеной клубилась пыль.

Я почувствовал вялость, клонило ко сну. Скамейки, расположенные вдоль бортов сотрясающегося кузова, не давали, однако, никаких шансов даже на иллюзию дремоты. Напротив меня Бронек и Зыгмунт, взявшиеся за дугообразные крепления, поддерживающие брезент, пытались сделать менее неприятными свои взаимоотношения с твердыми клеенчатыми сиденьями. И только Экбаль в своем темном костюме и светлой каракулевой шапке, казалось, ехал в пролетке на прогулку.

Мы «миновали» Шпульт-Баба. Начался самый опасный участок дороги — Махипар.

Неожиданно в машине что-то резко заскрежетало. Экбаль насторожился.

— Тормоза в порядке?! — крикнул он шоферу.

— В порядке, — ответил тот.

Вдруг раздался глухой треск, машина рванулась, мотор заглох. Прежде чем я понял, что произошло, Экбаль уже выскочил из кузова, схватил первый попавшийся камень и подсунил его под заднее колесо. Под второе подставил какой-то обломок. Только теперь шофер, молодой темнокожий парень, отпустил тормоз и вылез из кабины. Впереди в нескольких десятках шагов от нас чернел вход в туннель. Внизу гремела река. Высоко в горах, над огромным простором скалистой котловины, был виден Махипар.

Через минуту все мы склонились над мотором. У каждого была своя версия причин аварии. И лишь в одном мы были единодушны — дефект серьезный, требуется длительный ремонт, нужны запасные части.

Я был согласен с Экбалем, что сломалась шестерня в коробке передач. Мы возились с рычагом переключения скоростей, как вдруг в рев реки начал врываться рокот мотора. Внизу на повороте показалась большая, ярко окрашенная грузовая машина. Она шла медленно. Следом бежал человек в чалме. В руках он держал деревянный клин со стальными заклепками.

Красный капот с серебристой надписью «Интернэшл» приближался. Машина остановилась. Бежавший сзади помощник водителя моментально подсунил клин под заднее колесо.

Двенадцатитонные грузовые машины «интернэшл» доставляются американской фирмой со смонтированными шасси, мотором и капотом. Весь верх — дело рук местных механиков, плотников, художников. В шоферской кабине могут поместиться четыре-пять человек. Кузов — с высокими, в несколько метров бортами. Внутренняя отделка кабины представляет неограниченное поле деятельности местным мастерам палитры. Витиеватые, художественно выписанные строки Корана, оружие, дворцы, сады, райские птицы, девичьи лица — одним словом, все, что в условиях Востока может соответствовать нашему оленю на выгоне или деве с лебедем. Шоферская кабина украшена изнутри всевозможными подвес-

ками, бахромой, кистями и разнообразными искусственными цветами.

Машины такого типа перевозят товары, но иногда и людей. При этом плата за проезд по неписаному закону полностью поступает в карман водителя.

Поскольку местные жители путешествуют обычно с солидным багажом (ведь даже находясь в гостях у родственников, не мешает при случае заняться торговлей), грузовики бывают нагружены почти вдвое больше нормы.

Грузовик обслуживают шофер с помощником. Один господин, другой — слуга. Я еще не встречал на свете более тяжелых обязанностей, чем у помощника водителя. Он проезжает сотни километров, кое-как прицепившись к кузову сзади! Когда же грузовик преодолевает крутой подъем, несчастный бежит следом с большим деревянным клином, чтобы машина неожиданно не покатила назад. В горах нельзя надеяться только на тормоз. На виражах же над пропастью один метр вспять может оказаться гибельным.

Помощник не оставляет машину ни днем, ни ночью, дрожа от холода зимой, обжигаясь на солнце летом. Он сторожит, моет, убирает, грузит и всегда готов выполнить любое приказание водителя. А давая сигнал к отправке, протяжно, выкрикивает: «Бурубахайр! Доброго пути!» Вот и прозвали эти размалеванные грузовики «бурубахайрами».

«Пассажирские места» в машине можно подразделить на классы. Первый класс — в шоферской кабине. Если кандидатов на лучшие места больше, чем надо, проблему чаще всего решает имущественное положение, но право первенства принадлежит женщине.

Места второго класса — на лавке в передней части кузова. Опорой для ног служат крыша кабины шофера. При виде людей, сотрясающихся и раскачивающихся из стороны в сторону на высоте двух метров над землей, ничем не гарантированных от падения, создается впечатление, что при малейшем торможении они окажутся под колесами. Но все опасности передвижения меркнут перед безусловными достоинствами пейзажа и возможностью дышать свежим воздухом.

Третий класс — внутри кузова. Пассажир приравнивается здесь к прочему грузу.

Сидя на обочине дороги, я наблюдал, как из каби-

ны вышел могучий бородатый парень и не спеша направился к нам. Спор возобновился. Через минуту подъехал очередной «бурубахайр», остановился в нескольких метрах от нас, и его шофер присоединился к спорящим.

Когда солнце скрылось за черной стеной ущелья, на дороге стояли уже шесть грузовиков. Шоферы общими усилиями пытались привести в движение нашу машину.

Вместе с сумерками пришло решение. Наш водитель должен был остаться на ночь возле сломанной машины. Завтра он разберет коробку передач и даст знать, что ему необходимо прислать. Остальные вернутся в Кабул на грузовике.

Ждать больше было нельзя. Лишь небольшой участок ярко-красного неба освещал пространство между отвесными стенами Танги-Гару. Заработали моторы, зажглись огни фар. Под протяжные возгласы «Бурубахайр!» мы двинулись в путь.

Я оказался в кабине шофера первого грузовика, рядом с Экбалем.

— Почему столько машин остановилось из-за нас?— спросил я его.

— На наших дорогах существуют неписанные законы. Один из них — взаимопомощь,— ответил он.

— Но ведь никто не просил их останавливаться.

— В этом нет нужды. Сами остановятся. Без солидарности автомобильный транспорт был бы невозможен. В верблюжьих караванах действуют те же законы. Без них не обойтись в горах и в пустыне.

— А откуда вы возьмете запасные части?

— Дело для нас обычное... Видно, что вы недавно приехали в Афганистан. Запасные части иной раз путешествуют у нас подолгу, проезжают сотни километров, одни шоферы отдают их другим безвозмездно до тех пор, пока они не попадут в нужные руки. Водителю, для которого не существует закон солидарности, не место на наших дорогах. Он не проедет по ним и ста километров.

— Все, что вы говорите, Экбаль, очень здорово. Но мне кажется, что технически это невыполнимо. Ведь у вас тысячи машин и водителей. Насколько мне известно, никакой специальной информации о транспорте здесь нет. Так каким же образом кто-то, скажем, из Герата может узнать о том, что происходит в Танги-Гару?

Экбаль тихо рассмеялся.

— Водители у нас имеют свою устную газету. Здесь через каждые десять километров чайхана. Редко кто из шоферов не заходит туда. В больших городах они встречаются в так называемых транспортных клубах. Там обедают и пьют чай. Чашка чаю с дороги в наших условиях — необходимость. Это стало обычаем. После чая — беседа. По главным дорогам вести распространяются со скоростью автомобиля, и шоферы, если даже незнакомы, всегда всё знают друг о друге. Ведь прежде чем стать водителем первого класса, каждый из них в течение нескольких лет должен выкрикивать свое «Бурубахайр!» Шофер в Афганистане — это фирма, которой можно доверять. У вас, наверное, то же самое? Разве может быть иначе? Что бы тогда творилось во круг?

— Да... разумеется, — неуверенно сказал я после долгой паузы.

Зажатый между Эқбалем и щуплым молодым человеком в длинном чапане*, я задремал. Колышавшаяся в снопах света бахрама мешала как следует уснуть. Видимо, это своего рода афганское средство борьбы с дремотой.

Около десяти мы остановились у гостиницы «Кабул». Из другой машины вылез Зыгмунт.

— Завтра ужинаем у меня. Я заеду за вами в семь, — напомнил наш переводчик.

* Ч а п а н — стеганный теплый халат. — *Прим. ред.*

КАТТАГАН

Миновал седьмой день нашего пребывания в Баглане — столице провинции Каттаган*. Наступил поздний вечер. Зыгмунт уже поднялся на крышу, где обычно спал, — в комнате было страшно душно. В июне вечера в Афганистане, действительно, очень жаркие и большинство местных жителей летом спят на крышах. Я, правда, устоял перед искушением воспринять этот, безусловно, здоровый местный обычай и, лежа в гостиничном номере, перебирал в памяти события последних дней.

...В полночь, после шумного прощания с коллегами из Кабула, меня усадили в «Волгу». В ней уже сидели водитель и инженер Матин, мой непосредственный начальник. С министром Кабиром мы должны были встретиться завтра в Кундузе.

Мотор равномерно шумел, меня покачивало...

Когда я проснулся, мы были уже по другую сторону Гиндукуша. Солнце стояло высоко. Слева возвышалась почти отвесная стена скал, справа, внизу, бежала быстрая горная речка.

Матин повернул ко мне измученное лицо:

— Ну и спите же вы!

Я сделал вид, будто не понял иронии. После прощания в Кабуле сильно болела голова. Чай, выпитый в Дсши, подкрепил меня. Миновав Пули-Хумри и Баглан,

* По административному делению, существовавшему до марта 1964 года. В настоящее время город Баглан является центром одноименной провинции.— *Прим. ред.*

мы прибыли в Кундуз. К одноэтажному зданию гостиницы с прекрасным холлом, столовой и салоном вела аллея сосен. Окна маленьких, одноместных номеров выходили в сад, где росли абрикосовые деревья, сотни роз и пеларгоний.*

Перед полуднем прибыл министр. Я был приглашен на торжественный обед, который затянулся до вечера. Познакомился со всеми в управлении общественных работ провинции Каттаган: с начальником военного округа — дивизионным генералом, а также с полковником — командиром части, в которой я должен был служить.

Армия в Афганистане — это не только вооруженные силы, но и трудовые подразделения. Военные осуществляют транспортное и дорожное строительство, возводят плотины. Министерства обороны и общественных работ тесно связаны между собой.

Поздним вечером я повалился в постель и тут же заснул богатырским сном.

На следующий день мы с министром сехали по трассе, на которой предстояло многое сделать, — из Кызылкала на границе с Советским Союзом через Кундуз, Баглан, Пули-Хумри до Доши. Проехав несколько километров, цепочка машин останавливалась и потом следовала дальше. Мухаммад Кабир показывал, где нужно поднять дорогу, где прорыть туннель, расширить излучину, где соорудить опорную стену, мост, резервуар для обводнительных рвов. Обедали мы в военном лагере. Большие черно-белые орлы с желтыми клювами парили над нами.

Надо мной склонился улыбающийся Зыгмунт.

Я вскочил с постели и уже собрался в дорогу, когда в дверь тихо постучали. На пороге стоял хмурый переводчик Саид Мошреф.

— Доброе утро, инженер-саиб. Как спали?

Вместо меня ответил Вжеснёвский. Через минуту мы уже сидели в столовой. Появление Саида в столь ранний час не сулило ничего хорошего. Как и всегда, наш завтрак состоял из яиц, чая с молоком и хлеба. Саид ел медленно, не поднимая глаз. Это был худой, смуглый человек. Держался он несмело, немного по-женски. Саид оживлялся лишь тогда, когда заходили беседы на религиозные темы. Он понимал по-немецки, правда не

так хорошо, как Экбаль. Саид был муллой и владел арабским — читал стихи Корана в оригинале, что вызывало к нему особое уважение верующих. Мне порой казалось, что у него есть какая-то тайна. Он никогда не говорил прямо, что ему надо. Понять его было нелегко. Огромные черные глаза смотрели на мир недоверчиво, а мясистые губы придавали лицу скорбное выражение.

В обязанности Саида входило исполнение функций переводчика. От него требовалась некоторая помощь в технических работах и участие в урегулировании бытовых проблем. Саид постоянно жил в Кабуле. Здесь, в Баглане, он ночевал у двоюродного брата, а столовался с нами, что позволяло ему экономить свои скромные командировочные средства.

После еды я закурил. Зыгмунт вскочил с места и, как всегда, начал торопить с выездом на объекты. Саид медленно поднял глаза.

— Раим болен,— произнес он скорбно.

Мы с Вжеснёвским переглянулись. Так вот где собака зарыта!

— А что случилось с Раимом? — участливо спросил я.

— У него болит живот.

— Надо же! Бедняга! А Хасан, наверное, все еще не исправил машины?

— Машине Хасана конец. Сегодня нельзя ехать на объект. Вам придется работать над планами в гостинице. «Парва нист», инженер-саиб,— не стоит беспокоиться.

Я посмотрел на Зыгмунта — его лицо становилось все более красным. Чувствовалось, что он вот-вот взорвется. Зыгмунт отличался необыкновенной пунктуальностью. У него был свой определенный ритм жизни, и любое изменение в намеченной программе выводило его из равновесия. Я хорошо понимал товарища — нам предстояла уйма работы, и каждый час был на вес золота.

В мои обязанности входила разработка системы переделок, которые необходимо было произвести на уже существующей стокилометровой трассе Кундуз — Баглан — Пули-Хумри — Доши. Инженер Вжеснёвский проектировал новый шестикилометровый отрезок дороги между Старым и Новым Багланом. Вслед за шестами и измерительными приборами в дело сразу вступали бульдозеры военно-трудовой части.

Мы должны были разрабатывать проекты, составлять сметы, наблюдать за ходом работ. В европейских условиях этот комплекс обязанностей выполняли бы несколько десятков инженеров и техников.

Необходимо было мобилизовать все внутренние ресурсы, чтобы оправдать возложенные на нас надежды, несмотря на сорокаградусную жару, нехватку технических средств и вопреки местному «парва нист» («не стоит беспокоиться»).

Видя, что Вжеснёвский уже готов броситься в атаку, я предложил:

— Надо сейчас же навестить Раима и посмотреть, чем можно ему помочь. Саид, проводи меня.

Мы направились в сторону базара через парк.

По мере того как мы приближались к чайхане, где я намеревался застать Раима, Саид все больше отставал от нас. Он едва плелся в своем европейском костюме, который был ему немного велик. Каракулевая шапка криво сидела на низко опущенной голове. Вид у него был очень несчастный, и я решил перейти в наступление.

— Саид, да вы совсем больны. Вам следует поехать к доктору Хользингеру в Пули-Хумри. Что с вами?

— О инженер-саиб, у меня такие боли в желудке, что я просто не знаю, как быть.

— Вот видите! Но как же вас отвезти в больницу, если Раим болен. Нужно бы...

Я не закончил, потому что в этот момент к нам подбежал Раим.

На нем были белые, стянутые на щиколотках шаровары и выпущенная поверх рубаха. Наряд дополнял короткий незастегнутый жилет и серая каракулевая шапка набекрень. Аккуратно подстриженные усики свидетельствовали о стремлении к элегантности. Все существо Раима так и излучало здоровье и хорошее настроение.

— Салам алейкум, инженер-саиб, салам алейкум! — приветствовал он меня и переводчика.

Я посмотрел на Саида. Тот опустил голову еще ниже и спустя мгновение прошептал:

— Я очень болен. На работу ехать не могу.

Постепенно до меня начинало доходить, в чем дело.

— Саид, пусть Раим отвезет сначала инженера Вжеснёвского, а потом мы поедем с вами. Мне нужно

посмотреть, как ведется строительство опорных стен,— сказал я.

И чтобы предупредить дальнейшие объяснения, быстрым шагом направился к гостинице.

Зыгмунт уже успел погрузить инструменты и нервно прохаживался вокруг машины. Я коротко объяснил ему, что болен сам Саид, но, очевидно, он не хочет, чтобы об этом знало начальство,— отсюда и «болезнь» Раима.

За неделю нашего пребывания в Баглане мы усвоили несколько оборотов на языке дари, что позволяло нам объясняться с солдатами без помощи переводчика. Использование отдельных слов в сочетании с интенсивной жестикуляцией давало вполне удовлетворительные результаты. Выполнение приказов опережало вмешательство переводчиков. При таком положении дел Зыгмунт воспринял перспективу временного отказа от услуг Саида не только без протеста, но даже с удовольствием.

Сначала мы должны были отвезти Зыгмунта и Саида в Старый Баглан, где их уже ждали солдаты, которые должны были оказать помощь при обмерах, а затем вдвоем с Раимом поехать на объекты в направлении Доши.

Мы двигались по старой дороге. Она пролегла через равнину, среди обработанных полей. Через каждые сто метров машину подбрасывало на невысоких насыпях, удерживающих на определенных уровнях обводнительные каналы — джуи. В районе каналов неровная щебенчатая поверхность дороги размокла и стала вязкой. Неожиданные крутые повороты между запыленными садами вынуждали нас отклоняться от основного направления. Огромная туча желтой пыли неслась за автомобилем. По мере нашего передвижения мы сами, одежда и машина приобретали цвет дороги и придорожной растительности. Это старое шоссе, сооруженное тысячами опаленных солнцем рук при помощи примитивных орудий труда и «ослиного транспорта», когда-то считалось первоклассным. Теперь мы должны были построить лучшее.

Военный машинный парк — бульдозеры, катки, колонны грузовиков — позволял сооружать высокие насыпи, что предохраняло дорогу от соседства с обводнительными каналами. Новый тракт с плавными поворотами призван будет способствовать увеличению скоростей.

Афганистан, сегодня еще страна бездорожья, должен иметь хорошие дороги.

Пока же мы стучаемся головами о крышу разболтанного «газика» и движемся в направлении Старого Баглана со скоростью лошади. Новый Баглан, который мы только что проехали,— место пребывания властей. Одноэтажные, каменные, еще не совсем достроенные дома, широкие улицы, ряды молодых платанов и акаций...

На высоком пригорке — современное здание. Это резиденция губернатора. Еще несколько минут тряски, и мы приближаемся к группе солдат. Раим тормозит. Фаворит Зыгмунта — Исмаил произносит традиционное приветствие и вынимает из машины теодолит. Это большая честь — нести дорогой измерительный инструмент. Остальные солдаты разбирают шесты, рейки, ленту. Не прощаясь, мы отправляемся в обратный путь.

Раим, всегда такой разговорчивый, сейчас молчит. Наверное, стыдится за Саида, который страдает молча, скорчившись на заднем сиденье.

Проезжая через Новый Баглан, я решил заглянуть к Абдулахад.

Мудирйати Фаваидиама (управление общественных работ) * в провинции Каттаган было организовано следующим образом. Во главе стоял мудир ** — Абдул-хан. Ему подчинялись два директора: Сарвар-хан, постоянно проживающий в Пули-Хумри (он ведал дорогами к югу от Баглана), и Абдулахад, действующий на севере провинции. Оба считали себя учениками известных по всему Афганистану польских инженеров Вихжицкого и Хвасцинского. Но если Сарвар-хан обнаруживал признаки когда-то полученного образования, то его коллега не мог похвастаться приобретенными знаниями.

После нашего приезда произошел небольшой конфликт. По приказу инженера Матина провинциальная Фаваидиама должна была выделить нам одну из директорских машин. Жребий пал на «газик» Абдулахада.

* По прошествии некоторого времени вместо официального названия «Управление общественных работ», мы стали употреблять более короткое — «Фаваидиама», склоняя его на польский манер. — *Прим. авт.*

** Мудир — управляющий; уполномоченный министерства (в данном случае — министерства общественных работ) в провинции. — *Прим. ред.*

Однако мы не получили его и вынуждены были пользоваться одним автомобилем. Косые взгляды, которыми дарил нас Абдулахад, свидетельствовали о его внутренней борьбе между патриотическим долгом, призывающим к повиновению вышестоящим властям, и оскорбленным самолюбием.

На этот раз нам предстоял очередной разговор. Мы остановились перед новым, еще не законченным домом.

Больного Саида я оставил в машине, а сам постучал у входа и, несмотря на то, что дверь была открыта настежь, стал ждать, когда кто-нибудь появится. Порог дома в Афганистане можно переступить только с кем-либо из его обитателей, последний же не придет до тех пор, пока не будет подобран соответствующий рангу гостя личный состав принимающих.

Через минуту вышел сам хозяин, высокий, сухопарый человек. В выражении его худого остроносого лица было что-то хитрое и вместе с тем наивное. Поседевшие виски и легкий наклон туловища вперед свидетельствовали о том, что он уже на пороге старости.

— Салам алейкум!

— Алейкум-ас-салам, инженер-саиб!

— Машина готова?

— Фарда, господин!

Фарда означает «завтра». Завтра, которое может наступить через два дня, неделю или через месяц. Этим словом в Афганистане пользуются так же широко, как «пожалуйста», или «спасибо»; произносят его с улыбкой и безо всякой ответственности, как и воспринимают,

— Хорошо,— говорю,— я приду завтра.

— Пожалуйста, приходите. А сейчас, быть может, чаю?

— Нет, благодарю, у меня нет времени. Так до завтра?

Мы вежливо улыбаемся друг другу. Я подаю руку моему собеседнику и направляюсь к машине. «Ах, ты хитрец,— бормочу я, влезая в газик,— завтра я пришлю к тебе Зыгмунта, уж он-то не станет тебя благодарить».

Мы трогаемся. Я бросаю взгляд на Раима. Выражение лица у него лукавое.

— Хандэ,— произносит он неожиданно.

— Что такое «хандэ», Раим?

И начинается очередной урок языка дари. Я высту-

паю в роли незадачливого ученика, Раим — всезнающего учителя. Он посмеивается, прикрыв рукой рот. Я готов рассмеяться, хотя еще не понимаю как следует значения слова

Некоторое время мы едем молча, только Саид тихо стонет. И лишь когда подъезжаем к Пули-Хумри, Раим объясняет, в чем дело. «Хандэ» — это шутка, попытка одурачить. Так, значит, Абдулахад смеется надо мной! Ну нет, брат, я тебе этого не прощу. Завтра будет действовать Зыгмунт, а потом мы отправимся к мудиру. Теперь наша очередь шутить.

Баглан с Пули-Хумри соединяет новая, хорошая дорога, протяженностью в тридцать два километра. Проект ее разрабатывался советскими специалистами. Лишь кое-где дорогу надо обезопасить от размывов.

Быстрое течение реки Кундуз, отнюдь не первоклассное оборудование, как, впрочем, и квалификация местных строителей, а также интересы подрядчиков вынуждают производить некоторые работы по нескольку раз. Вода разрушила опорную стену. Что поделаешь — такова, видно, воля Аллаха! Строится новая стена. Опять наживается подрядчик, да и не только он.

Пули-Хумри — крупнейший промышленный центр Северного Афганистана. Здесь находятся текстильная фабрика и гидроэлектростанция. Строятся цементный завод*, вторая гидроэлектростанция** и т. д. Престиж города поднимают первоклассная гостиница и оборудованная по последнему слову техники больница, которой руководит хирург из Вены доктор Хользингер. Дорога, идущая из Кабула, здесь разветвляется: одна ветвь соединяет Пули-Хумри с северо-западными провинциями Мазари-Шариф и Меймене, другая — с северо-восточными: Каттаганом и Бадахшаном. Развитие торговли и мелкой промышленности в этих условиях — явление совершенно естественное. Огромные серали — подворья, застроенные мастерскими и лавками, образуют позади главных улиц целые лабиринты. Там можно починить машину, выгодно сделать покупки, а порой увидеть и сверканье ножа

С ночным обликом сералей как нельзя лучше вяжет-

* Предприятие, сооруженное в сотрудничестве с ЧССР, вступило в строй в 1962—1963 гг. — *Прим. ред.*

** ГЭС в Пули-Хумри, построенная при содействии Советского Союза, сдана в эксплуатацию в 1962 г. — *Прим. ред.*

ся слово «экзотика». Нужно обладать крепкими нервами и душой романтика, чтобы наблюдать за причудливыми тенями строений, мигающими огнями керосиновых светильников и бородами вооруженными кочевниками, для которых ружье или кинжал — порой решающий жизненный аргумент.

Когда мы въехали на залитые солнцем, окаймленные белыми домиками улицы Пули-Хумри, было жаркое утро. Вправо от центральной площади, за плотиной, на левом берегу Кундуза — европейский жилой район. Скромные одноэтажные строения скрыты в тенистых, зеленых садах.

Хользингеру мы нанесли визит одному из первых. У нас было для него письмо из Кабула. Кроме того, Зыгмунт утверждал, что поддержание дружеских отношений с единственным в этих краях врачом-европейцем — наш долг по отношению к самим себе. Я не противоречил ему. Поначалу нас приняли холодно. Беседа за кофе и виски носила характер экзамена, в итоге которого мы должны были как можно лучше понять друг друга, стать добрыми знакомыми. Результаты оказались, по-видимому, неплохими, ибо хозяйка дома, несмотря на весьма нерешительный отказ, оставила нас ужинать. Со своей стороны, я понял, что познакомился с интересными, мыслящими людьми. Их знание мира, и в частности Афганистана, поразило меня. Оба, и муж, и жена, были медиками, и, хотя практиковал только доктор, об их имущественном положении после шести лет пребывания в Пули-Хумри ходили легенды. Нельзя было не заметить внешней привлекательности супруги доктора, ее больших серых глаз, низкого мелодичного голоса, очаровательной улыбки. Нет ничего удивительного в том, что, покинув на время свой «газик» и нажав кнопку у входной двери, я забыл о болезни Саида.

Чуть повыше плеча одетого во все ослепительно белое боя, который открыл мне, я увидел льняные волосы и пару слегка прищуренных глаз.

— Ах, это вы, господин инженер. Прошу. Как мило, что вы о нас помните.

— Доброе утро, мадам, я и не предполагал, что в столь ранний час смогу поцеловать ваши ручки.

— Вы, поляки, всегда так галантны. Мы как раз завтракаем. Я надеюсь, вы присоединитесь к нам?

Я начал было отказываться, но не очень решительно, и через минуту уже оказался в столовой. Жалюзи на окнах были опущены, в комнате царил полумрак.

— Доброе утро, господин доктор! — приветствовал я человека, сидящего спиной к свету.

Сзади раздался отрывистый смех.

— Муж скоро придет. Вы разве не знакомы? А живете в одном отеле, если не ошибаюсь.

Я подошел ближе. Мистер Лонги улыбнулся мне. «Интересно, что он здесь делает в рабочее время?»

Хозяйка о чем-то быстро спросила Лонги по-итальянски, тот ответил, и оба засмеялись.

— Нам придется говорить по-английски, — сказала мадам. — Мистер Лонги, к сожалению, не знает немецкого.

В это мгновение в дверях блеснули очки доктора. Он поспешно подошел к столу и поздоровался со мной. Очевидно, с Лонги он уже виделся.

— Что вас привело к нам, господин инженер? — нервозно спросил доктор, отпивая маленькими глотками кофе.

Я объяснил цель моего визита и попросил осмотреть Саида.

— Разумеется, с удовольствием. Через четверть часа приму.

Я быстро допил кофе, упомянул, что у меня масса работы, поблагодарил за милый прием, и уже в дверях спросил доктора о плате. Тот улыбнулся.

— Не думайте об этом. Я рад что-либо сделать для вас. И ни слова больше. Пришлите своего переводчика.

— Спасибо, доктор. Большое спасибо. До свидания!

Я направился к машине.

— Ну, Саид, доктор ждет.

Саид со стоном выполз из-под брезента.

— А как же с деньгами, инженер-саиб?

— Платить не надо, идите.

— Будет больно?

— Не знаю, если даже и будет, то не больше, чем теперь. Ну идите же, Саид. В Баглан вернетесь на автобусе, может быть, нагоните нас по дороге.

Я подождал, пока мой переводчик скроется за дверями и, бросив короткое «Бурубахайр!», привел в движение Раима и машину.

Проехав несколько сотен метров, мы поравнялись с автомобилем в точности таким же, как наш.

— Это машина Сарвар-хана,— сказал Раим.

— Остановимся.

Через мгновение я пожимал руку высокому, хорошо сложенному мужчине лет сорока в европейском костюме и каракулевой шапке. Приятная, непринужденная улыбка осветила его лицо. Он знал несколько десятков русских слов и немного по-польски. Пользуясь скромным запасом выражений на дари и интенсивно жестикулируя, я пытался объяснить ему, что приехал осмотреть отрезок дороги от Доши до Баглана.

Мне хотелось создать у Сарвара впечатление, что к его деятельности я отношусь с полным доверием и свою помощь предлагаю лишь в решении наиболее ответственных вопросов.

Раим, который вышел из машины и не отставал от меня ни на шаг, сразу понял мое намерение.

За долгие часы совместного пребывания он научился расшифровывать мои жесты и очень точно, насколько я мог судить, передавал на дари смысл моих ломаных фраз.

Было видно, что Сарвар доволен. Все складывалось как нельзя лучше — дома его ждали подрядчики. Он предложил выпить чаю, а затем всем вместе осмотреть дорогу.

Я вздохнул при мысли о чае и дальнейшей потере времени.

— Мне лучше остаться здесь, пока все не будут готовы,— произнес я с надеждой, что мое предложение будет принято.

Сарвар вежливо улыбался, время от времени произнося: «Пожалуйста», на что я неизменно отвечал: «Спасибо». Положение создалось неловкое.

Вдруг я почувствовал, что кто-то тронул меня за локоть. Стоя на цыпочках, вытянувшись как струна, Раим пытался приблизиться к моему уху. Лицо у него было серьезное и озабоченное.

Я наклонился.

— Нехорошо без чая, нехорошо!

Я с недоумением посмотрел на Раима, потом на Сарвара, который продолжал улыбаться.

Раим настаивал:

— Нехорошо без чая! В Афганистане надо пить чай.

Кто его не пьет — тот не друг. Нехорошо без чая!

Ничего не поделаешь — таков стиль работы. Я усмехнулся и последовал за Сарваром..

Трое подрядчиков сидели у обводнительного канала рядом с домом Сарвара. Когда мы подошли ближе, они скрестили руки на груди и с полупоклоном произнесли приветственные слова. Одеты они были по-разному, но; несмотря на это, в глаза бросалось удивительное сходство в выражении лиц; в движениях, в манере шуриться и поджимать губы. Они одинаково униженно кланялись мудиру, который обращался с ними насмешливо и бесцеремонно.

Отношения между подрядчиками и государственными служащими складывались, как я позже в этом убедился, типично по-восточному. Стержнем этих отношений был «бахшиш», что может означать «подарок», «дар», «награда», «подношение», «чаевые» и черт знает что еще, — неременная составная часть экономической системы Востока. Бахшиш может стать выражением добродетели и особого уважения к подчиненному, а может перерасти и в преступление, которое карается тюремным заключением. В последнем случае мы определили бы его как «подкуп».

Когда чиновники в Афганистане, занимающие в течение нескольких лет определенные должности, строят себе дома, приобретают недвижимую собственность, машины при зароботке, которого едва хватило бы на скудное пропитание, — это никого не удивляет.

Способ вручения бахшиша, пожалуй, так же существен, как и его размер. Надо знать, сколько, как и кому вручить. Бахшиш отнюдь не всегда принимается. Не менее важно знать, сколько, как и от кого можно принять. То, что это сложная область взаимоотношений, — мне пришлось испытать на собственном опыте. Неоднократно самыми различными способами делались попытки завоевать мое расположение с помощью какого-либо подношения. Попытки были такими настойчивыми, что в конце концов достигли своей цели.

Однажды в Кабуле двое подрядчиков привезли мне маленькую хорошенькую газель. Со мной они даже не хотели разговаривать, просто объявили, что это подарок для моего сына. Устоять было трудно.

Чтобы спасти репутацию честного человека, который «не дает и не берет», я отправил ответный дар — два

польских термоса, но на следующий же день они опять оказались у меня. О том, чтобы отобрать у ребенка газель, разумеется, не могло быть и речи. Так я взял бахшиш.

И еще одна любопытная подробность. Бахшишем ни в коем случае не может служить угощение, даже если речь идет о самом изысканном блюде или грандиозном пиршестве. Никто, например, даже и не подумает платить за угощение, находясь в чайхане в обществе подрядчика. Однажды я попытался сделать нечто подобное, вызвав тем самым всеобщее веселье. Хозяин ресторанички вежливо кланялся, но руки держал за спиной. Банкнот, который я положил на ковер, вернулся ко мне в карман. Ничего не поделаешь — таков обычай.

Воспользовавшись привилегией европейца, я не снял обуви, как это сделали остальные гости, зато категорически отказался сесть на единственный в гостиной Сарвар-хана стул. Мне не хотелось выглядеть «королем» в окружении свиты. Рядом со мной на ковре расположился Раим, по другую сторону — мудир. Напротив нас, сохраняя приличную дистанцию, разместились трое мужчин в шароварах и чалмах.

Я полез в карман за папиросами. В пачке оказалась последняя, помятая и частично выкрошившаяся. Сарвар заметил, как я пытаюсь распрямить папиросу, вынул ее у меня из рук и отдал какое-то короткое распоряжение. Один из подрядчиков, толстый, низенький, в черной чалме, бесшумно сорвался с места и исчез за дверями. Через несколько минут он вернулся, красный, запыхавшийся, протягивая пачку папирос. Я отрицательно покачал головой и пробормотал: «Не стоит беспокоиться», — мне показалось это уместным в данной ситуации. Тогда мудир сам взял пачку у толстяка, распечатал ее, вынул папиросу и вложил мне в рот. Не оставалось ничего другого, как улыбнуться, поблагодарить и поскорее закурить, так как один из гостей уже порывался бежать за спичками.

Сарвар показал мне вещи, оставшиеся после Вихжицкого и Хвасцинского: фотографии, логарифмическую линейку, прочие мелочи, но ни единым словом не упомянул о технических проблемах, о работах, проводимых на дороге.

Подали чай. Напившись, мы без промедления отправились в путь. Нашим объектом был на этот раз сорокавосемикилометровый участок дороги Пули-Хумри — Доши, расположенный в верховье реки, где производилась большая часть работ.

Лишь через несколько километров невысокая горная цепь соединилась с рекой. Дорога оказалась зажатой между обрывистыми скалами и стремительным Кундузом. Здесь и возникли первые сложности.

Старые, полуразрушившиеся скалы нависали над дорогой. Многие из таких навесов надо было обрушить. Мы останавливались через каждые сто метров, я делал наброски, производил предварительные обмеры. Наконец мы добрались до места возведения первой опоры. Роль хозяина моментально принял на себя один из трех подрядчиков — худой, высокий как жердь человек в черной чалме и в зеленом чапане до самых щиколоток.

Машина еще не остановилась, а он уже выскочил и начал быстро спускаться к работающим внизу людям.

Узкая отвесная тропинка вела к берегу реки. Чтобы приблизиться к котловану, нужно было пробраться между бросающей прохладную тень скалой и шумящей тут же, на метр ниже, водой. Именно на этом, самом узком, месте был расстелен ковер, уставленный разноцветными чайниками и пиалами. На бумаге лежала горстка конфет, напоминающих по виду ягоды малины. «Жердь» в черной чалме уже поджидал нас. Сарвар жестом указал мне место на ковре под самой скалой.

Одиннадцать часов утра. На шоссе жара, как в печи, а здесь приятная прохлада и влажное дыхание пенящейся воды.

Я призвал на помощь всю силу воли, все свои представления о добросовестной работе и даже собственное честолюбие. Указал рукой на котлован и произнес:

— Сначала туда, потом сюда.

Ступая между пиалами и конфетами, я прошел по коврику, гордый тем, как лаконично выразился и какое произвел впечатление.

— Хорошо! — в недоумении буркнул Сарвар и поспешил за мной.

Котлован под фундамент для опоры был вырыт в двух метрах от берега реки. Твердая, глинистая, абсолютно водонепроницаемая почва позволяла рыть котлованы значительно ниже уровня воды при отсутствии

каких-либо специальных защитных сооружений. Фундамент, разумеется, был менее основательным, чем предусматривал проект. Первое же половодье подмыло бы опору и снесло ее. Я обратил на это внимание мудира и направился дальше, где уже начали бетонирование фундамента. В связи с прибытием комиссии работа была прервана.

Я растер на ладонях немного заготовленного бетона и убедился, что в нем больше извести, чем цемента, недопустимая вещь при постройке фундаментов подобного типа. Я очень удивился, ибо Сарвар, осуществлявший постоянное наблюдение за ходом строительства, не мог этого не заметить. Я показал ему размазанную на ладонях белую массу, резко отличающуюся от серого цемента, и позволил себе дипломатично заметить:

— Нехорошо все это.

Мудир с поднятыми кулаками бросился к «Черной чалме». Подрядчик весь сжался в комок. Его лицо оказалось у самой земли. Сарвар размахивал руками и выкрикивал какие-то сочные ругательства. Так продолжалось несколько минут.

Раим, как и два других подрядчика—низкий толстый и высокий толстый,—оставались полностью равнодушны к происходящему. Все как бы ожидали конца спектакля. Действительно, вскоре мудир перестал кричать, «Черная чалма» поднялся, и мы все пошли пить чай.

Во время чаепития я еще раз сказал, что фундамент недостаточно основателен, а в бетоне много извести. Все согласно закивали головами.

Тем не менее, проезжая мимо строительства на обратном пути, я обнаружил, что ничего не изменилось: котлован не углублен, бетон по-прежнему подозрительно светлый. Я принял решение немедленно доложить обо всем мудире Фаваидиама и воспрепятствовать приему объекта по завершении его строительства.

Выпив чаю и немного отдохнув, мы двинулись дальше. В пяти километрах отсюда «высокий толстый» соорудил два канала. История с чаем повторилась. И опять пролет оказался слишком маленьким, фундаменты — неосновательными, а привезенный камень — плохого качества. Как и в предыдущий раз, мудир с поднятыми кулаками отчитал подрядчика, после чего деловито осведомился об обеде. Выяснилось, что обед ждет нас в Доши, до которого оставалось еще несколько

десятков километров. Моим попутчикам предстояла полуденная молитва. Я сел в машину и уже в который раз стал тактично наблюдать за церемониалом.

На ковер, приготовленный для чаепития, встал мурдир, в двух шагах от него расположились подрядчики и Раим, лицами на юго-запад, к священной Мекке.

Закончив молитву, мои попутчики вернулись в машину, и мы поехали в сторону Доши. От места, где над глубоким ущельем советскими специалистами был выстроен мост, дорога пошла влево и, круто поднимаясь в гору, пересекла излучину реки. Контуры унылого, лишенного растительности плоскогорья, серые, покрытые высохшей травой пригорки создают здесь жалкую картину полного запустения. Только раз в году, сразу же после таяния снегов, эти места покрываются сочной зеленой травой и яркими цветами, но всего на один месяц. Потом все быстро засыхает и испепеляется под жаркими лучами солнца.

Доши — городок, расположенный в обширной долине. Здесь начинается дорога на Кабул, через хребет Гиндукуш, проектируемая и создаваемая советскими специалистами по специальному контракту*. Больших капиталовложений потребовало сооружение нескольких десятков сложнейших инженерных объектов, в том числе расположенного на высоте трех тысяч трехсот метров туннеля, длиной в два километра семьсот метров. Пересечение большой излучины старой трассы, пролегающей через перевал Шибар, сократит путь с юга на север приблизительно на двести километров, не говоря уже об улучшении качества дороги.

С юга долину Доши обрамляют черные скалы, с севера — белые, известковые. Техника шагнула и сюда, это чувствовалось по большим обводнительным каналам с мощеными руслами и бетонированными шлюзами.

На одном из таких каналов изобретательный хозяин построил летнюю чайхану. Через канал были переброшены балки и сооружено нечто вроде наших сельских танцплощадок. Прямо на досках расстелены ковры, несколько столиков и скамеек предназначались европейцам и богатым местным жителям. Низкая крыша из

* Высокогорная автомагистраль через хребет Гиндукуш, сооруженная при содействии Советского Союза в 1958—1964 гг., связала Кабул с северными районами страны. Строительство дороги велось в исключительно сложных природных условиях.— *Прим. ред.*

веток создавала тень, но не мешала движению воздуха. Самым удивительным в этом гастрономическом учреждении было водяное опахало. В центре чайханы был установлен круглый деревянный столб, а к столбу вертикально прикреплена рама с натянутым на нее ковром. Под действием воды, протекающей внизу, столб вращался, приводя в движение ковер-опахало.

Всего в нескольких шагах была расположена кухня — два стола и полукруглые подвешенные над треножниками котлы.

Мы сели за стол, накрытый скатертью, вымыв перед этим руки прямо в пенящемся канале.

В Доши вода из Саланга — одной из самых чистых рек. Я с удовольствием погрузил ладони в прохладную влагу, плеснул на лицо и грудь, смочил волосы и рубашку. Температура воздуха была около сорока градусов. Я еще раз плеснул на лицо. В воде что-то булькнуло. Мои темные очки! К столу я вернулся в дурном расположении духа.

Мудир окликнул обслуживающего нас бача *, и через минуту на столе появились две мисочки с ошпаренными кипятком ложками. Подрядчики и Раим ели руками.

Существуют два способа есть плов руками. При первом, его сначала уминают тремя вытянутыми пальцами — указательным, средним, безымянным, затем складывают пальцы в виде лотка и подносят ими пищу ко рту. Большим пальцем рис заталкивают в рот. При другом, рис собирают в горсть согнутым указательным пальцем.

Чтобы прослыть человеком благовоспитанным, нужно уметь действовать очень ловко и ни в коем случае не обронить ни зернышка риса.

Я хотел ехать сразу после обеда, однако на этот раз Сарвар мягко, но решительно запротестовал.

— Мотор перегрелся! — поддержал его Раим.

Ничего не поделаешь — подождем, пока остынет. По примеру мудира я расположился под «механическим» опахалом. Ритмичные порывы ветра и вращающийся над головой ковер рассеивали мысли, отрывали от действительности...

Я проснулся, когда солнце стояло уже на западной половине неба. На коврах под опахалом не было ни

* Б а ч а — мальчик-слуга в чайхане.— *Прим. ред.*

Раима, ни мудира, ни подрядчиков. Я вскочил и посмотрел на часы — около пяти. Ко мне подошел хозяин чайханы и начал что-то объяснять. Я хотел было расплатиться за обед, но он спрятал руки за спину и отрицательно покачал головой.

Я пошел в направлении, указанном хозяином. «Газик» стоял на дороге на прежнем месте, а сразу за поворотом обводнительного канала на расстоянии нескольких шагов друг от друга виднелись склонившиеся над водой фигуры в белом. Однообразными движениями они черпали ладонями воду, плескали себе на лицо, проводили пальцами за ушами, ладонями набирали воды в рот и чистили зубы: большим пальцем с правой стороны, указательным — с левой. Потом таким же образом набирали воды в нос и промывали ноздри. Шапки и чалмы были сняты, руки обнажены выше локтей.

Наблюдая за ними, я стоял за низким деревом граната.

Тут Раим начал развязывать шнурок, стягивающий шаровары, и я не спеша отправился обратно в чайхану.

Когда-то Саид сказал мне:

— Христос был великим пророком духа, Мухаммед — пророком духа и тела.

В Коране содержатся десятки предписаний по соблюдению правил гигиены. Санкционированные именем бога, подкрепленные авторитетом священных книг предписания эти систематизируют немало полезных правил, выработанных людьми, обитающими в жарком климате.

Омовение — религиозный обряд, но оно не может быть символическим. На этот счет существуют строгие правила. Вода должна стекать с локтей и подбородка. Стоячая вода заразна. Как питьевую можно использовать воду, спадающую с семи камней (окисление) или поступающую из недр земных (источники, колодцы).

Когда я приблизился к машине, до меня донеслись веселый голос Раима и басовитый смех мудира.

Через минуту наш «газик» поднимался в гору между белыми скалами. Зеленая долина Доши исчезла в облаках пыли. У меня за спиной Сарвар при содействии двух подрядчиков измывался над низеньким толстяком. Раим не принимал участия в развлечении и лишь время от времени, оторвав руки от руля, раздражался громким смехом.

Нам предстояло обследовать опорную стену со стороны обочины. Опора должна была предохранять дорогу от оползней. Пятидесятиметровый кусок стены уже полностью готов. Заканчивалось укрепление оставшихся нескольких десятков метров дороги.

Я распорядился обкопать кусок фундамента. Оказалось, что он заложен достаточно глубоко. Качество раствора и стройматериалов не вызывало подозрений. Я простучал стену камнем — звук был хороший, следовательно, и плотность неплохая.

— Хорошая работа, — сказал я мудирю.

Тот поспешно согласился:

— Здесь работали советские люди.

Это говорило о многом.

Я достал из кармана одну из купленных в Москве авторучек и протянул ее подрядчику:

— Вот вам сувенир из Москвы.

Подрядчик опустил глаза в знак благодарности, сложил руки на груди и поклонился.

Я посмотрел на окружающих. На их лицах застыло выражение недоумения: где это видано, чтобы подрядчику давали бакшиш. Видно, этот инженер из Польши не в своем уме.

Некоторое время я недоуменно стоял с сувениром в руке, пока ко мне не подошел Раим.

— Уже пора, инженер-саиб. Поедем.

Сарвар быстро сориентировался и стал громко советовать на поздний час. Я почувствовал себя неловко и молча сел в машину. Мудир устроился сзади, и мы тронулись. В туче пыли промелькнули три руки, поднятые над головами, и две чалмы: одна белая и одна черная.

До наступления темноты оставалось еще часа два. Надо было спешить, чтобы избежать конфликта с Зыгмунтом.

До Пули-Хумри мы добрались без приключений. Раим лихо развернулся перед домом Сарвара. Мудир настаивал, чтобы мы зашли к нему в гости. Я отказывался, убеждал, что уже поздно — лучше мы придем завтра, но ничего не помогало. Окончательный отказ мог обидеть, доводить до этого не следовало.

В конце концов Раим поехал к Вжеснёвскому, я должен был подъехать туда часа через два. Как и можно было предположить, ужин у Сарвара затянулся. Когда

я усаживался наконец в служебный «газик», стояла ясная, звездная, прохладная ночь.

В центре Пули-Хумри — площадь, на которую выходят три главные улицы. У нас бы их назвали Кабульская, Багланская, Кундузская или Мазаришарифская. На восточной стороне площади — большая чайхана, а рядом — въезд в главный автомобильный сераль.

Я был несколько обеспокоен, когда, вместо того чтобы повернуть налево, в сторону Баглана, мы сделали широкий круг и остановились около большой освещенной веранды. Неужели черноглазый Ашраф счел, что после ужина у мудира нам еще следует подкрепиться в чайхане? А может быть, он голоден. Невероятно, ведь я сам видел, как он поглощал плов. К шоферам в Афганистане относятся как к членам семьи: их охотно принимают в любое время.

На всякий случай я запротестовал. Но Ашраф все-таки вышел из машины, обошел вокруг нее, приблизился ко мне и стал что-то объяснять, показывая на въезд в сераль. Так, значит, не голод, а что-то другое остановило его. Я утвердительно закивал головой. Через минуту высокая, гибкая фигура нашего шофера исчезла в темноте.

Странный этот Ашраф. В левом ухе носит маленькое серебряное колечко. У сына Сарвара я видел точно такое же. Надо завтра же спросить у Саида, что оно означает.

Медленно тянулось время. Начиненный рисом и бараниной, накачанный чаем, я мечтал о постели в гостинице. Голова сделалась тяжелой... Я уже начал подумывать о том, как бы прилечь на заднем сиденье.

Неожиданно появился Ашраф. Он был взволнован. Начал что-то быстро говорить мне, указывая рукой на погруженный в темноту сераль. В его речи я различал часто повторяющееся слово «джанг», что означает «борьба», «битва». У меня не было ни малейшего желания сражаться. Чего он, собственно, хочет?

Ашраф распахнул дверцу машины, взял меня за руку и потянул к себе, не переставая говорить. Глаза у него сверкали, серебряное колечко поблескивало из-под чалмы.

Я позволил-таки извлечь себя из машины и нерешительно последовал за моим разгоряченным проводником. Мы уже почти скрылись среди домов, как вдруг Ашраф

приложил палец к губам, давая понять, что следует молчать.

Я подумал, не вернуться ли назад, но любопытство одержало верх. Мы продвигались вперед почти в полной темноте. Слабый свет звезд и едва восходящего месяца выхватывал из мрака причудливые очертания домов, сараев, деревьев. Мы пересекли обширный двор и вошли в узкий переулок. Моей путеводной звездой была белая чалма Ашрафа.

Пройдя несколько поворотов, мы услышали приглушенный говор. Монотонное бормотание прерывали отдельные выкрики. У меня создалось впечатление, будто мы приближаемся к месту какого-то конспиративного собрания. Наконец я увидел освещенную деревянную стену сарая, по которой беспокойно двигались человеческие тени. Общую картину заслонял лишь темный угол последнего строения. Шум становился все сильнее.

Ашраф сделал мне знак не двигаться дальше. Из-за его плеча я увидел небольшую площадку, освещенную керосиновыми лампами. Посредине — свободный круг диаметром в несколько шагов, остальное пространство сплошь занято сидящими и стоящими людьми. За ними всадники на конях, а в центре дерутся петухи. Их силуэты так и мелькают между головами в чалмах.

Я пригляделся повнимательнее. Зрителями были каттаганцы, которых я не знал. В служебных учреждениях, на базаре, в гостинице или в домашней обстановке они всегда спокойны, с неизменной улыбкой на лице, как будто полусонные — их безразличие ко всему на свете даже раздражало меня. Здесь они выглядели совсем иначе.

Желтый свет ламп освещал возбужденные лица. По безотчетным, нервным движениям людей можно было проследить за ходом петушиного боя. С губ срывались слова восторга или отчаяния. Глаза блестели, пот мелким бисером покрывал лбы.

Самое большое впечатление производили кочевники, особенно те, конные. Их можно было узнать по красным рубашкам и шароварам.

Взлохмаченные от волнения бороды, беспокойные руки, натягивающие удила. Неясные силуэты всадников то исчезали в темноте, то появлялись вновь в ярком, красноватом блеске ламп.

Ашраф исчез в толпе, видимо забыв о своих обязанностях. Сам того не замечая, я начал приближаться к полю битвы. Проскочил между двумя гарцующими конями и выглянул из-за спины какого-то великана.

Здесьние боевые петухи мало похожи на наших изнеженных обладателей куриных гаремов. По величине они почти вдвое превосходят тех, что у нас считаются образцом дородности. Длинные жилистые ноги толщиной с большой палец мужской руки вооружены когтями, которые были бы под стать орлу или ястребу. Мощный искривленный клюв, рваный гребень, вздыбившиеся перья на выщипанной местами шее — все это скорее напоминает дикого хищника, нежели почтенную домашнюю птицу.

Несколько месяцев спустя один из таких хищников напал на меня. Я едва успел увернуться от удара его мощного клюва. В пылу битвы такой боец может вырвать кусок мяса толщиной в два пальца.

На арене начинался новый бой. Петухи: один — черный с белым хвостом, другой — красный, — заняли исходные позиции: неподвижно застывшие головы, горящие глаза, гребни на расстоянии ладони один от другого... Вдруг враги разом отскочили друг от друга и тут же бросились в атаку. Звук от удара мощных клювов утонул в возбужденном шуме толпы. В воздух полетели перья. Первые капли крови упали на землю. Теперь я мог различить среди зрителей владельцев дерущихся петухов. Черная чалма, орлиный нос. Воспаленный рот с тонкими, вытянутыми вперед, почти на самое поле боя, губами выкрикивает «джанг, джанг», подбадривая красного петуха. Бородатый, обвешанный амулетами кочевник в первом ряду то и дело хочет броситься вслед за белым хвостом.

Несколько подскоков, и петухи вновь неподвижны. Проходят минуты, приближенные одна к другой головы начинают синхронно подниматься и опускаться. И вот уже шеи петухов предельно вытянуты. Пурпурные гребни застыли поверх голов зрителей.

Реакция публики стала иной — удивленной и обеспокоенной.

Постепенно, сантиметр за сантиметром, клюв черного петуха отодвигается от клюва противника. Красный петух неподвижен. Беспокойство публики возрастает. Белый хвост делает полуоборот. Видимо предпочтя мир

кровапролитию, пацифист медленно и как-то боком покидает поле битвы. В «зрительном зале» гул разочарования.

Владельцы скомпрометировавших себя бойцов вскакивают с мест. Размахивая кулаками над головами своих питомцев, они громко ругаются. Слышатся смех, шутки.

И вдруг раздается чей-то крик. Бородатый кочевник, одетый в красное, застывает на месте. Потом начинает медленно повертываться, вглядываясь в толпу. Через мгновение наши взгляды встречаются. Черные блестящие глаза как-то странно светятся, с губ срывается проклятье. Все взоры обращены ко мне. Полная тишина.

Прежде чем я понял, что мне угрожает опасность, бородач сделал несколько мощных прыжков между рядами зрителей и очутился возле меня. Его учащенное дыхание прерывалось гортанными выкриками. И вдруг фигура в красном взметнулась вверх, в воздухе что-то блеснуло...

Я отскочил назад и укрылся под брюхом одного из коней. Однако успел заметить, что на кочевника, который бросился на меня, навалилось сразу несколько тел. Я начал потихоньку пробираться в сторону улицы. Вдруг кто-то схватил меня за руку. Над самым ухом раздался голос Ашрафа:

— Бежим!

И мы побежали.

Шум борьбы позади нас то утихал, то вновь усиливался.

Мы уже почти достигли двора сераля, как вдруг Ашраф стремительно толкнул меня к какой-то стене. Мимо промчались галопом несколько всадников.

Полная луна взошла над горами. При ее свете были отчетливо видны сторонящиеся друг друга группы людей — шумная толпа в белых чалмах и молчаливые, неспокойные кочевники. Последние оглядывались по сторонам и внимательно осматривали прохожих.

Стараясь не выходить на освещенное пространство, мы добрались до места, где оставили машину. Рядом с нашим «газиком» я увидел нескольких всадников. Ашраф затолкнул меня в угол между двумя постройками.

— Ждите здесь! — сказал он.

Одновременно с шумом мотора раздался протяж-

ный вой. Я вскочил в машину на ходу, когда она приблизилась к моему убежищу. Ашраф нажал на газ. Вскоре шум мотора заглушил топот коней.

И только когда мы достигли первых домов Баглана, Ашраф остановил машину и взял меня за руку. «Ну, что еще стряслось?» Я не пришел в себя после приключения с петухами, а тут предстоит какое-то новое приключение!

— Что случилось, Ашраф?

При слабом свете фонаря я различил обеспокоенное лицо Ашрафа. Он заговорил на ломаном языке, как обычно объясняются с иностранцами:

— Прошу не говорить мудриру!

— Само собой,— согласился я.

Ашраф обрадовался и продолжал:

— И никому, никому!

— Хорошо, но едем же!

— И вашим приятелям, другим инженерам, тоже ни слова.

«Что? Даже своим друзьям я не могу рассказать о том, что со мной приключилось!»

— Ну, поехали, наконец!

Но Ашраф только сильнее прижимает мою руку к сердцу.

— Другим инженерам тоже нет. Очень прошу!

— Согласен,— пробормотал я.— Бурубахайр!

Должен заметить, что слово свое я сдержал.

— Ашраф! Но сказать-то ты можешь, что хотел от меня этот полоумный?

Ашраф пожал плечами:

— Наверное, глаза.

И тут я вспомнил, что у мусульман особое отношение к взгляду.

«Недобрый взгляд» преследовал самого пророка. В глазах заключена злая сила. Наверное, кочевник решил, что мой взгляд лишил сил его петуха. «Уж не податься ли мне в факиры?»

Несколько позже я понял, что у Ашрафа были серьезные основания опасаться за себя. Бой петухов иностранцам показывают неохотно. Хариджей — иностранцев особо опекает полиция. Ни один из них не может понести материального ущерба, а тем более физического. Но каждый из прибывших в Афганистан должен быть строго ограничен лишь тем делом, ради которого

приехал. Шпионы, особенно английские, постоянно мерещатся благонадежным гражданам страны.

У бедного Ашрафа немного отлегло от сердца. Впрочем, разве можно надеяться на неверных? Будут держать слово дня два, а потом все и выложат.

До гостиницы мы добрались в полночь. Люди, которые обычно собираются в сквере под аркой, уже разошлись. Баглан спал.

ГУНДАЛ *

Выходя на севере из долины Баглана, кундузская дорога вместе с рекой врывается в скалистую цепь лысых гор, а через несколько километров вновь оказывается в круглой котловине. Здесь самая высокая температура по сравнению с другими районами этой части страны — иногда выше пятидесяти градусов по Цельсию. Окруженная со всех сторон горами, котловина очень быстро нагревается, воздух в ней неподвижен.

На безжизненном меандре реки была создана первая в Каттагане «фабрика стройматериалов». Кавычки здесь не ошибка, не скрытая ирония. Мне хотелось подчеркнуть таким образом разницу между фабрикой в нашем понимании слова и этим примитивным «предприятием».

Здесь производились двух и полутораметровые железобетонные плиты для небольших мостов и каналов. Вопрос о месторасположении «предприятия» решило наличие воды, песка и гравия в этих местах.

Короче говоря, финансирующим учреждением было каттаганское управление общественных работ, производителем — местная воинская часть. Сотню солдат специально откомандировали для выполнения задания. Жили они в палатках тут же у реки, вдали от основного лагеря части.

В мои обязанности входило шефство над «фабрикой». Вместе с Раимом мы ездили сюда почти ежедневно.

Я производил наладку оборудования под грустное пение четырех сидящих рядом со мной солдат. Много

* Гундал (дари, пушту) — тарантул. — Прим. ред.

труда вложили мы в изготовление деревянных форм. Все приходилось делать собственными руками. Я показывал, как надо укреплять формы между вбитыми в землю колышками. Больше всего энергии я потратил на то, чтобы заставить солдат смотреть за бетоном. Под палящими лучами солнца бетон очень быстро застывал, трескался и расслаивался. Нужно было постоянно поливать его водой, чего мои весьма сообразительные в других отношениях подопечные никак не хотели понять. Как только я отходил, они прекращали поливку.

Я обращался к ним с пламенными речами, привлекая весь свой убогий запас слов на дар. Раим, который все время находился слева от меня, переводил каждое мое обращение на правильный дар, а потом уже от своего имени метал громы и молнии на слушающих его с улыбкой солдат. Энтузиазм и эрудиция моего маленького шофера мало волновали не обремененную заботами аудиторию. Зато немедленный результат дала апелляция к командиру части. Производство плит наладилось. Несколько дней я не слышал пения, и во взглядах, которыми меня встречали, не было даже тени прежнего мальчишеского юмора.

Значительно проще удалось наладить производство на «бетонном заводе», штат которого состоял из десяти вооруженных лопатами молодцов. Размеренными движениями они перекладывали бетон — сначала сухой, потом мокрый — из одной кучи в другую. Всех очень забавляло, что в конце концов бетон оказывался замешанным.

Местный солдат — это еще одна тема для разговора. Трудно поверить, что на время военной службы эти люди меняют свой характер, душевный склад, наклонности. Каждая провинность карается продлением срока службы. Мне приходилось встречать солдат, которые прослужили в армии уже больше десяти лет и которым все еще предстояло несколько лет службы.

В афганской армии обязательно слепое, безоговорочное подчинение. Если приказано что-либо сторожить — солдат будет стоять на страже, даже умирая от голода, холода или жары.

Когда мы ехали в Каттаган, все наше движимое имущество было погружено на грузовик, а на самый верх посажен какой-то солдат.

Зыгмунт хотел ехать вслед за грузовиком, чтобы, как говорится, не упускать его из виду, но Саид заверил, что вещи под надежным присмотром. В ответ Зыгмунт позволил себе усомниться в честности сторожа.

— Что вы говорите, да ведь это же солдат! — возмутился Саид.

Из его заявления следовало, что до службы в армии можно быть кем угодно — негодяем, разбойником, убийцей; но стоит лишь надеть военный мундир, как новоявленный солдат становится воплощением добродетелей.

У нас уже стало привычкой заезжать в военный лагерь пообедать после осмотра северного участка дороги. Раим сразу направлялся на кухню, я — в палатку коменданта.

Комендат, высокий, плотный, очень смуглый пуштун, в чине полковника. Лицо у него какое-то необычное, и временами оно кажется даже страшным. Мне особенно запомнилось, как однажды он отчитывал кого-то из молодых офицеров. Голубоватые белки его глаз блестели, и без того удлиненное лицо от ярости вытянулось еще больше. Коротко остриженные, с проседью волосы ошетинились...

Я не из пугливых, но в ту минуту мне хотелось быть подальше от этого человека.

С инженерами и переводчиками комендант был очень добр; случалось даже, беседовал о жизни. Нам предоставлялось право вести учет земляных работ, а следовательно, и определять количество необходимого нам бензина, покрышек для «газика» и запасных частей. Комендант журил меня за каждый пропущенный обед, который полагался нам по установленному порядку.

Проблему обеда решал, как правило, Раим. Когда я предлагал ему не заезжать в лагерь, у него сразу же кончался бензин или масло (горючим он заправлялся в части). Раим останавливал машину и спокойно ждал моего решения, оставаясь всегда в выигрыше.

Однажды полковник устроил прием. Помимо меня и коменданта за столом сидели майор, два капитана и три молодых поручика. Майор неплохо знал английский и время от времени выполнял функции моего переводчика, хотя я и старался по мере сил ограничиваться беседой на дары.

Было два часа дня. Легкое дуновение ветра, подхватывающего холодные испарения с политой ординарцем земли, несколько смягчало июльскую жару. Разговор перед обедом не клеился.

Не торопясь, мы покончили с офицерским пловом. Неожиданно майор крикнул:

— Хабардар! Берегись! — а потом тихо, почти не разжимая губ процедил: — Гундал.

В мгновение ока мы превратились в восемь застывших изваяний. Непонятная зловещая и таинственная опасность нависла над каждым из нас. В голове возникали тысячи догадок. Гундал. Что это может означать? Но прежде чем я успел до чего-либо додуматься, хуленький молодой поручик внезапно сорвался со стула. Он сделал несколько движений, напоминая боксера в момент обороны; его слегка расставленные ноги напряглись, словно две пружины. Он прыгал то вперед, то назад, то в сторону... Мне казалось, что я наблюдаю какой-то дьявольский танец. Все присутствующие замерли на своих местах. Слышно было лишь тяжелое, учащенное дыхание.

В висках у меня пульсировала кровь. Огромным усилием воли я заставлял себя не двигаться и с недоумением смотрел на поднятую ложку, которая стала дрожать у меня в руке. Зернышки риса падали на несвежую скатерть...

Маленький поручик продолжал свой страшный танец.

В тот момент, когда мне уже казалось, что я больше не вынесу напряжения, поручик остановился и тихо сказал:

— Конец!

Все повскакали с мест. Полковник обнял поручика. Офицеры целовали его, а потом образовали круг около выхода, внимательно куда-то всматриваясь.

Майор взял меня за плечо, довольно бесцеремонно отстранил одного из присутствующих и указал рукой на нечто желто-зеленое, распластанное на земляном полу палатки:

— Это и есть гундал, инженер-саиб. Ужасная гадость. Укусит — сразу конец, спасения не жди.

Толстые, мохнатые ноги огромного раздавленного паука еще конвульсивно вздрагивали. Его туловище было величиной с большое голубиное яйцо. Ладонь с

расставленными пальцами едва могла бы прикрыть гигантское насекомое. Меня передернуло. В этом создании было что-то грозное и вместе с тем омерзительное — я не имел никакого желания рассматривать его вблизи. Офицеры тоже не приближались к гундалу.

— Вот она, смерть, инженер-саиб! — тихо сказал плотный, плешивый капитан.

За чаем началась оживленная беседа. Полковник рассказывал историю о том, как кто-то из его знакомых эксперимента ради поместил в одном ящике черную кобру, огромного скорпиона и гундала. Первым сдох скорпион, потом кобра. Автор же эксперимента едва не заплатил жизнью за свою любознательность, ибо оставшийся в живых паук прыгнул на него в тот момент, когда он открывал ящик. Спасла его чистая случайность: захлопнувшаяся буквально в последнее мгновение крышка раздавила мохнатое чудище.

После чая я попрощался со всеми более сердечно, но и более поспешно, чем обычно. Особенно крепко пожал руку молодому поручику.

У палатки уже стоял Раим и, глядя на раздавленного гундала, не переставая повторял:

— Ужасно! Ужасно!

— У-у! — завыл ординарец полковника и выскочил из палатки.

Белые шаровары Раима в миг превратились в мелькающие флажки. Не успел он добежать до машины, как раздался взрыв хохота. Офицеры, еще недавно бледные от переживаний, теперь корчились в приступе смеха. Раскачивались, как пьяные, били в ладоши и хохотали от души.

ЛЮБОВЬ ПО-МЕСТНОМУ

Нас теперь было трое: ко мне и Зыгмунту присоединился инженер Конрад Якубовский, высокий, хорошо сложенный мужчина.

Сразу после работы мы отправлялись в багланский бассейн. Вечерами, после ужина, встречались с друзьями в центральном сквере. Этому покровительствовал директор фабрики, полный, молчаливый, весьма корректный узбек. Он славился как человек состоятельный. Имел большие земельные наделы и скот. Свои обязанности директора он исполнял скорее ради престижа, а не заработка, который играл незначительную роль в его бюджете.

В наших встречах принимали участие все находящиеся в Баглане иностранцы, разместившиеся в гостиницах и в принадлежащих фабрике дачных домиках. А именно: два важных, бородатых индийца с женами, японская пара, мистер Лонги, три семьи немцев и супруги Гумель.

Ни о ком из них я не мог бы рассказать подробно. Порой мне снилась полудетская улыбка японки, хорошенькой миниатюрной женщины с идеально гладкой кожей и очень милыми манерами. Выглядела она шестнадцатилетней, в то время как ей было, по-видимому, уже сорок. Муж ее, некрасивый, маленького роста японец, некогда большой мастер дзю-до, выполнял функции ветеринара — при фабрике разводили тутового шелкопряда. Помимо этого он осуществлял надзор за инвентарем принадлежащих фабрике земельных хозяйств и пил как сапожник.

Индийцы были как индийцы. Спокойные, никому не причиняющие вреда, с неизменной улыбкой на лице. Ра-

ботали они, как и Лонги, в учреждении, занимавшемся ирригацией.

Наиболее любопытной была чета Гумелей. Она — венгерка, он же и сам как следует не знал, выдавать ли себя за немца, австрийца, чеха или венгра. Еще до первой мировой войны жил и работал в разных частях Австро-Венгрии. В начале межвоенного периода женился на дочери своего коллеги и несколько лет прожил с ней в Турции. Во время второй мировой войны супруги возвратились в Венгрию, а потом вновь отправились бродить по свету. Наконец они высадились в Афганистане, оставив по дороге дочь в Англии, а сына в Канаде.хлопотали поочередно о получении венгерского, австрийского и наконец немецкого гражданства — никто, однако, не хотел их принять.

Дома супруги говорили по-венгерски, хотя в результате семилетнего пребывания в Баглане оба довольно свободно владели языком дари. Они дружили с семьей директора фабрики. Единственный сын директора, шестилетний Хумайюн, со дня рождения практически воспитывался у Гумелей. У них он ел, спал, учился. Они заботились о нем, как о собственном ребенке. Калитка, ведущая из сада директора в сад венгров, никогда не закрывалась. Особенно близкие отношения связывали женщин. Преградой на пути официальной дружбы мужчин была лишь разница в их служебном положении.

Хумайюн, темнокожий малыш с жесткими, торчащими во все стороны волосами, жил на два дома. Проказничал и там и здесь и ссорился с сестрами не меньше, чем его ровесники у нас в Польше.

Мне часто приходилось делать над собой усилие, чтобы не рассмеяться, слыша, как Гумель отчитывает своего воспитанника. При этом выражение лица воспитателя было таким потешным, что если бы мальчик не опускал глаз, как того требовало приличие, то нотации Гумеля вообще не имели бы никакого смысла.

В каттаганский период жизни самыми любимыми нашими развлечениями были посещения мудира Абдул-хана. Конрад и Зыгмунт ограничивались случайными визитами, я же был частым гостем в чистой просторной гостиной виллы за базаром. Поводов для посещений находилось достаточно. Во-первых, Экбаль был приятелем мудира. Во-вторых, время от времени я обнаруживал у себя какие-нибудь доставленные мудиром горячитель-

ные напитки. В-третьих, мы вообще нравились друг другу. В-четвертых, оба любили играть в шахматы. К тому времени я достаточно освоил язык дари, и это позволяло нам обходиться без помощи переводчика. Я понимал даже древние легенды, которые мастерски рассказывал Абдул-хан.

Часто по поручению мудира его камердинер Якуб ждал моего возвращения с работы, забирал меня прямо из гостиницы или от Гумелей. Сопровождал меня обычно Саид. Противник каких бы то ни было служебных поездок, Саид в то же время обожал всякого рода мероприятия, связанные с каким-нибудь угощением.

С самого начала у меня создалось впечатление, что нашего директора и переводчика разделяли религиозные убеждения, ведь Саид был шиитом, а Абдул-хан причислял себя к правоверным суннитам*.

Хозяйки, которых я никогда не видел в глаза, продемонстрировали мне все разнообразие местной кухни. Я не сумел бы назвать и половины тех яств, которые были предложены моему вниманию. Кроме классических национальных блюд я пробовал пироги со шпинатом, картофель, тушеный со сливами, всевозможные острые соусы с инжиром и изюмом, тефтели, жаренные на решетке, и множество прочих кулинарных чудес.

Плов — основное блюдо на территории от Индии до самого Средиземного моря; правда, у некоторых народов он называется иначе. Пропитанный жиром рис варится в бараньем бульоне с добавлением кореньев и шафрана, что придает блюду интенсивный желтый цвет. Плов бывает также белого цвета — без шафрана. Иногда его готовят с изюмом и подают с гарниром из нарезанной тонкими ломтиками поджаренной моркови.

Однако истинное наслаждение ожидало нас после чая, когда мудир трижды затягивался из чилима — курительной трубки. После хозяина курили по очереди все гости.

Чилим (или кальян) представляет собой глиняный, искусно выполненный сосуд, в который сквозь пробку из мокрого хлопка пропущены две тростниковые трубочки.

* Суннизм и шиизм — два основных течения в исламе, расходящихся по некоторым существенным пунктам вероучения, а также в вопросах отправления религиозных обрядов и культа. Около 85% мусульман Афганистана — приверженцы суннизма. — *Прим. ред.*

На одну из них, достигающую почти самого дна сосуда, насажен фарфоровый стаканчик, в котором разжигается табак. Вторая трубка закреплена подвижно. Воды в сосуд наливается столько, чтобы ее уровень делил на две равные части пространство между концами трубочек (нижняя погружена в воду, верхняя — нет). Дым, проходя через воду, очищается и может втягиваться непосредственно в легкие.

Достаточно трех затяжек, чтобы зрачки у курильщиков расширились, а через мгновение веки смежаются сами собой. Каждый принимает наиболее удобную для себя позу. Одни, сидя по-турецки, опираются локтями на колени. Другие, присев на правую ногу, обнимают левую, согнутую в колене. Глаза опущены вниз или, наоборот, обращены к потолку. Начинаются рассказы.

Поначалу мне приходилось прибегать к помощи Саида, чтобы понять, о чем идет речь. Потом я лишь время от времени обращался к нему с просьбой растолковать ту или иную сложную фразу, объяснить значение еще неизвестных мне слов.

В один из таких вечеров мудир рассказал легенду о влюбленных из Диларама.

История эта произошла много, много веков назад, когда в мире существовали иные границы, а страны носили иные названия.

«В Хорасане, — рассказывал тихим мелодичным голосом Абдул-хан, — вдали от караванного пути, что пролегает с Запада в Индию, там, где прекрасная река Диларам отделяла оазисы от огромной пустыни Баква, затерялось маленькое селение Гулистан.

Трудно было придумать лучшее название для этого живописного местечка*. Среди цветущих лугов здесь стояли белые домики, окруженные садами из роз.

Хади был красивым, сильным юношей. Он жил вместе с родителями в маленькой хижине рядом с прекрасным домом своего богатого дяди. Каждое утро, еще до рассвета, Хади уходил с топором в лес. Он был дровосеком.

С тех пор как Хади стал юношей, его не покидали мысли о хорошенькой кузине Бибо, подружке его детских забав, наследнице богатого соседа.

Однажды Хади отправился в лес, когда на небосводе

Г у л и с т а н — «цветник». Прим. ред.

еще не погасли последние звезды. „Сегодня я ее увижу. Она придет, непременно придет, потому что любит“, — говорил он сам себе.

Когда огненный солнечный шар высоко поднялся над лесом, Хади, измученный работой, упал на траву у подножия молодого дерева. И тут между стволами мелькнуло белое платье девушки. Через минуту они молча сидели рядом. Любовь возвышенна, но полна страха. В юноше кипела страсть, но мягкий и робкий характер не позволял ей прорваться наружу.

А Бибо сама от себя таила чувства, которые пробудил в ней красивый, смелый юноша. И чем сильнее была любовь, тем упорнее она скрывала ее под маской равнодушия и холодности.

Первым заговорил Хади:

— Если бы я попросил тебя дотронуться до моих губ, ты бы исполнила мою просьбу?

Лицо девушки залил румянец. Она отвернулась, не ответив ни слова.

— Отчего ты молчишь, ведь я же не закрыл рукой тебе рот? Дай мне руку и говори...

Бибо уже хотела отдаться захлестнувшей ее волне счастья, но тут же испугалась своей слабости. Голос ее дрожал, когда она проговорила:

— Как ты смеешь так со мной обращаться?! Уж не вселился ли в тебя злой дух? Недаром мама говорит, что он обитает здесь.

— Злые духи не подсказывают слов любви. Они учат ненавидеть. А я люблю тебя, Бибо. Или ты думаешь, что я недостойн тебя?

Девушка опустила глаза и поспешно поднялась.

— Мне стыдно слушать тебя. Я уйду, чтобы рассказать все отцу. Такие дела решают старшие.

Не оглядываясь, она направилась в сторону селения.

— Бибо, — крикнул юноша, — вернись! Если ты не вернешься, я покину край, где злые духи учат любви. Бибо!

Ответа не последовало.

Лесные духи, друзья свободных дровосеков, приказали Хади уйти из селения. Просторы Гярмсира стали для юноши тесными, деревья в лесу — слишком маленькими, вода в реке Диларам приобрела горьковатый вкус.

В глубине сердца он еще хранил надежду, что Бибо вернется. Долго сидел на опушке леса, но так никто и не

пришел. И тогда Хади твердо решил: „Отныне ты будешь ждать меня в тоске и горе“.

День приближался к концу. Жители селения укладывались спать под крышами своих домов. Но молодого дровосека среди них уже не было.

Отец Хади ни о чем не знал — он вместе со своим богатым шурином уехал по торговым делам, зато мать беспокоилась за единственного сына.

Бибо тоже думала о юноше, который признался ей в своих чувствах. Но напрасно глядела она на крыши Гулистана. Когда настал день, девушка побежала к матери Хади. Вместе они отправились в лес на поиски. В отчаянии ходили до самого вечера.

Наступили сумерки. Бибо хотела вернуться домой, но мать решила продолжать поиски сына. Ей не страшны были ни змеи, ни лесные духи. И тогда девушка рассказала о своей вчерашней встрече с Хади.

— Если все так, как ты говоришь, — вздохнула женщина, — значит, он ушел в иные края. Мы не найдем его ни в лесу, ни в селении.

Домой они возвратились с поникшими головами: Бибо — в богатый дом отца, ее тетка — в свою маленькую хижину. Одному судьба готовит богатство, другому — нужду. Богачи позволяют беднякам строить домики рядом со своими дворцами, но ничего не хотят с ними делить.

Когда Хади подошел к Дилараму, он заметил индийский караван, следующий в Исфахан. Юноша переправился через реку и стал наблюдать, как на краю пустыни Баква располагался лагерь караван. Одна за другой вырастали палатки. Утихли колокольчики верблюдов. Наступила ночь. В отблеске горящих костров вились ночные бабочки. Раздавалось лишь тихое пение погонщиков.

У Хади не было ни палатки, ни огня. Душу юноши обуяла тоска. И он запел. Над пустынными песками полилась песнь о любви, бедности, одиночестве и унижении.

В лагере индийцев воцарилась тишина. Все слушали чистый молодой голос. Владелец каравана послал за таинственным певцом. Когда гулистанец предстал перед старым купцом, тот сказал:

— Злодей не стал бы петь так прекрасно. Кто же ты такой и что привело тебя на дороги пустыни?

Долго рассказывал Хади свою историю.

На следующий день купец предложил юноше присоединиться к каравану — нужен был проводник. Хади согласился.

За четыре года, проведенных в Исфахане, Хади привязался к доброму старцу, чтил его, как отца. В большом торговом центре юноша прославился честностью в финансовых делах.

А тем временем в далеком Гулистане Бибо жила надеждой на возвращение любимого. Любовь и тоска овладели сердцем девушки. Ее прозвали Желтым Цветком. В этом прозвище не было ничего дурного, наоборот, все сочувствовали ее горю и одиночеству. Дочерей богатых отцов уважают, даже если они глупы и бездушны, а Бибо умела любить.

Хади послал письма отцу и дяде. Он хотел убедить последнего, что ему сопутствует успех, хотел, чтобы все знали, кем он стал. В письмах юноша обещал вернуться в родное селение весной.

Пришла пора, и луга Гулистана покрылись яркими цветами, деревья дали новые побеги, а молодые сердца пробудились от зимнего сна.

Каждое утро Бибо вместе с подругами приходила к реке, и, пока другие девушки смеялись, шутили, рвали цветы, она высматривала караваны из Исфахана.

Однажды на горизонте появился одинокий всадник. Подъехав к переправе, он объявил о приближении каравана индийского купца. На вопрос Бибо о Хади гонец ответил утвердительно. Девушка закрыла зардевшееся от волнения лицо. Все решили, что лучше ожидать караван в селении, и веселой гурьбой побежали между залитыми солнцем домами Гулистана.

К вечеру караван подошел к краю пустыни, к тому самому месту, где тропинка, ведущая из селения, соединялась с караванной дорогой.

Старый купец был очень болен. Он позвал к себе Хади и заговорил тихим, прерывающимся голосом:

— Здесь я встретил тебя. Это было большое счастье для старика, который всегда желал иметь сына. Я хотел бы подольше пробыть в Гулистане, одарить твоих близких, порадоваться твоей радостью. Но я совсем слаб, а моя смерть вдали от дома была бы большим ударом для тех, кто меня ждет. Я не могу задерживаться ни на минуту.

Слезы стояли в глазах Хади, и он ответил:

— Редко случается, чтобы молодой человек встретил старого и полюбил его, как отца. Твоя воля — это моя воля.

Купец в волнении положил руки на склоненную голову юноши.

— Много людей в караване, с которыми я путешествую почти всю жизнь, но никогда никто не возбуждал во мне таких чувств, как ты. Едем со мной. Ты молод. Возвращение из Индии в Хорасан будет для тебя легким. Не покидай меня в тяжелые, может быть, последние минуты жизни.

В селении Бибо и родители ждали Хади, вглядываясь в темноту, прислушиваясь к шагам, а караван тем временем уже удалялся от Гулистана. Погруженный в глубокую печаль, Хади был спокоен. Пройдя через великое испытание в жизни, он чувствовал себя теперь настоящим мужчиной. Милосердие и благодарность — обязанности человека, личное счастье — награда.

Караван дошел до Индии.

И бедняки, и богачи — все высыпали на улицы, чтобы приветствовать возвратившихся. Но радость была преждевременной — старый купец умирал. Со слезами счастья на глазах он смотрел на дочь и на жену, а потом приказал позвать молодого гулистанца.

Когда тот вошел, он взял его за руку и отчетливо, хотя и с большим трудом, произнес:

— Хади, вот моя жена, а вот единственная дочь. Я оставляю их на тебя.

Старец улыбнулся, как будто великую тяжесть сняли с его сердца, и навсегда закрыл глаза.

Хади хотел было вернуться в родное селение, но не тут-то было. Вдова купца считала его своим сыном и наследником имущества. Ее дочь, влюбившаяся в юношу с первого взгляда, впала в глубокое отчаяние.

Когда пришел час расставания, прекрасная индианка так плакала, что Хади поклялся ей вернуться весной вместе с Бибо. Дочь купца обещала быть для Бибо сестрой и держаться в стороне; она дала ему красивое ожерелье для невесты.

Там, где царит любовь, нет места зависти.

Хади двинулся в Хорасан. Мысль о Бибо пьянила его. Любовь несла его как на крыльях. К полуночи он добрался до Диларама. Ярко светила луна. Хади подумал, что нет смысла появляться в Гулистане среди ночи, лег пря-

мо на траву и тут же уснул, измученный долгим путешествием.

Проснулся он от боли в руке и увидел рядом с собой большую черную змею. Хади хотел было влезть на коня, но смертельный укус отнял у него силы... Он сполз на землю...

Утром случайный прохожий увидел труп и принес в Гулистан весть о смерти юноши.

Сбежались жители селения, Бибо бросилась на холодную грудь любимого, и тут жизнь ее оборвалась. Разъединили только тела, души же навсегда остались вместе. Хади и Бибо похоронили рядом. Их могилы стали местом паломничества для молодых людей. Считалось, что здесь исполняются все желания влюбленных.

Первой, чье желание на священном месте было исполнено, оказалась дочь купца. Не в состоянии вынести разлуки с Хади, почти обезумевшая от горя, она отправилась в Гулистан и, узнав страшную весть, пожелала себе смерти... И по сей день на берегу Диларама возвышается надгробие, на котором высечено ее имя».

Когда мудир закончил свой рассказ, воцарилась тишина. Сентиментальный и достаточно наивный, на наш взгляд, сюжет взволновал слушателей. Лишь по прошествии некоторого времени разговор возобновился. Странно, что весьма сомнительные факты здесь воспринимались без всякого недоверия, а совершенно естественные, напротив, — скептически. Никого, например, не удивило, что Хади ушел из селения, не предупредив отца или мать. Отец, разумеется, запретил бы ему сделать это, а приказ отца — священ.

Я спросил, не мог ли юноша все же завернуть в родное селение, когда караван находился неподалеку, а потом догнать купца. Мне объяснили, что он не мог так поступить. Во-первых, он оказался бы во власти отца, который запретил бы ему следовать с караваном дальше. Во-вторых, даже если бы он и получил такое разрешение, то не обошлось бы без длительного празднества. Попытки избежать исполнения семейных и приятельских обязанностей расценивались как смертельная обида.

Саид долго и путано объяснял мне, почему Хади отказался от дочери купца. В конце концов у меня создалось впечатление, что проблема заключалась лишь в том,

кому из девушек быть первой женой. Обещание дочери купца относиться к Бибо как к сестре воспринималось слушателями совершенно естественно. Всем было понятно, что он не стал бы обращаться с ней как с сестрой.

В Афганистане, приветствуя, полагается спрашивать о здоровье, о сыне, о делах, о доме и о многом другом, но вопрос о жене был бы воспринят как оскорбление. Это глубоко интимная сторона жизни.

— Отчего же Бибо обидели слова Хади и почему в делах любви решающее слово принадлежит отцу? — наивно спросил я.

В разговор вмешался пожилой седеющий человек.

— Что непонятно этому господину? — спросил он у Саида. — Разве у них, в далекой Польше, дело обстоит иначе? Разве дети появляются там на свет без участия родителей? А дочери выходят замуж за тех, кто им нравится? В таком случае они безбожники.

Вместо ответа на мой вопрос мне рассказали такую историю. Директор гостиницы в Кундузе (я знал его — такой угрюмый, замкнутый господин) стал объектом издевательств всего города. Вопрос о свадьбе его дочери был уже улажен, когда она полюбила купца из Кандагара. Молодые люди тайком уехали в Кабул и там вступили в брак. Опозоренный отец написал дочери письмо с просьбой приехать за отцовским благословением. Когда молодожены приехали, отец заперся с дочерью в комнате. Вскоре он вышел и сказал непризнанному зятю, что тот может забрать свою жену. Войдя в комнату, муж обнаружил там труп жены с перерезанным горлом. Директора арестовали, но через неделю освободили. Закон оказался на его стороне.

После этого я всецело уверовал в правоту Бибо!

НАВОДНЕНИЕ

Я просыпаюсь в какой-то темной каморке. Лучи солнца едва проникают сюда сквозь щели между досками. Делаю попытку сориентироваться в обстановке.

Я лежу на чарпай, на каких-то ковриках. Постель находится посредине захламленного мрачного помещения. У стен — всевозможные орудия труда, седла, посуда. Постепенно припоминаю, что я в придорожной чайхане на пути из Баглана в Кабул. Раим оставил меня здесь после запоздалого ужина.

Смотрю на часы и вскакиваю. Черт бы побрал этого Раима! Ведь он клятвенно заверял меня, что чуть свет мы тронемся дальше. Только поэтому я и согласился заночевать в этой дыре. Из стоящего в углу глиняного кувшина плеснул себе на руки, обмыл лицо и через «зал» вышел на улицу.

Раим сидел в тени на ковре, пил чай и что-то рассказывал обступившим его шоферам. Как только я подошел, все сразу же разошлись по сторонам.

— Раим! — крикнул я, показывая на часы. — Что же это такое, черт возьми! Ведь уже шесть!

Раим улыбался. Вид у него был такой, словно он только что рассказал удачный анекдот.

— Садитесь, после завтрака у вас еще будет время отчитать бедного Раима.

Делать было нечего, с трудом сдерживая свое раздражение, я сел и вслед за мной присутствующие опустились на ковер. И тут Раим уже совершенно серьезно сказал:

— Дорога перекрыта. Дальше ехать нельзя.

Я даже подскочил.

— Как — перекрыта?! Кто и зачем ее перекрыл?
С ума можно сойти!

Раим поднял руки вверх, втянул голову в плечи и трагическим шепотом произнес:

— Наводнение, инженер-саиб! Можете сами убедиться.

Я посмотрел в указанном направлении. Действительно, у чайханы и на дороге скопилось около сотни машин: легковые автомобили, автобусы, грузовики...

Тут заговорили все разом. Поднялся шум, как на базаре. По отдельным словам и жестам возбужденных людей я понял, что в городке Чардеи-Горбанд, расположенном в шестидесяти километрах отсюда, произошла какая-то катастрофа. Выяснилось, что на притоке реки Горбанд снесен мост, дорога разрушена, а все шоссе от места происшествия забито транспортом. Раим отказывался ехать дальше — слишком велика была ответственность за машину и за «дорогого инженера-саиба». Он наглядно представил все ужасы предстоящего пути. Руки его, поднятые вверх, то изображали волны разбушевавшейся реки, то вновь открывали несчастную голову, как бы ставшую беззащитной под ударами обрушивающихся камней.

Я понял наконец, что больше всего Раим боялся лишиться благодарных слушателей, ночлега и обеда. Но мне необходимо было как можно скорее добраться до Кабула! Кроме того, меня сжигало любопытство — хотелось увидеть воочию место происшествия.

Я с трудом представлял себе ливень, вызвавший наводнение в шестидесяти километрах от нашего ночлега, — ведь здесь упало всего несколько капель!

Мне, правда, уже приходилось слышать о такого рода неожиданных наводнениях в горах Гиндукуша. На площади в десятки квадратных километров вдруг выпадает сильный тропический ливень. Вода не впитывается в глинистую почву, потоками стекает по склонам и затопляет долины.

Масса воды, смешанная с глиной, увлекает за собой камни и стволы деревьев, создавая как бы своеобразный водный таран, уничтожающий все на своем пути. В Каттагане мне показывали долины, подвергшиеся наводнению несколько десятков лет назад. Я видел нагромождения огромных камней, под которыми были погребены плодородные поля и богатые селения. Мне говорили, что

случаются такие наводнения, следы которых сглаживает новая жизнь и новая зелень, но и такие, которые навсегда оставляют после себя каменистую пустошь. Итак, я должен был увидеть случившееся собственными глазами.

— Раим, дорогой, поедем!

Лицо Раима приняло скорбное выражение. Он прижал обе руки к груди и простонал:

— Нельзя, инженер-саиб.

Я перешел в наступление.

— Послушай, Раим! Я дорожный инженер. Ведь так? Если на дороге авария, чье это дело? Наше! — свою мысль я подкрепил убедительным жестом руки. — Мы должны помочь советом, делом... и вообще. Я уверен, что сам министр заинтересован в этом.

К концу моей речи лицо Раима повеселело, глаза заблестели. Может, это как раз то, что ему нужно? Может, министр или даже сам премьер увидит его и спросит: «А кто этот энергичный молодой человек?»

Поколебавшись, словно на карту поставлена вся его жизнь, Раим бросает с улыбкой:

— Будь что будет! Едем!

Теперь ему нужно всего несколько минут, чтобы объяснить своим приятелям: мой долг — бороться с последствиями наводнения, а его, Раима, — выступать в роли телохранителя, няньки и шофера одновременно. Он должен отвезти меня на место происшествия — и никаких возражений! Освободить дорогу — таков приказ министра, а может и самого премьера. Теперь уже всем приказывал Раим. И действительно, несколько водителей, чьи машины загородили дорогу, сейчас же сели за руль, чтобы дать нам возможность выехать.

Вручив бахшиш хозяину, мы двинулись в дорогу, с трудом объезжая грузовики. Наш путь и вправду был опасен. Обгон на узких горных поворотах всегда связан с риском. Порой лишь сантиметры отделяют тебя от пропасти. В каждую поездку по этой трассе мне приходилось видеть разбитые машины.

Раим вел автомобиль уверенно и осторожно. Тем не менее мне раза три в особо трудных местах приходилось высаживаться и метр за метром проверять, возможно ли в принципе объехать стоящую впереди машину.

Как выяснилось, способности моего шофера не ограничивались сферой чисто технической. Тот, кто не реагировал на наш сигнал, получал свою порцию на дари, ко-

торым довольно свободно владел мой предприимчивый помощник. Порой дело доходило и до рукоприкладства. В самом деле, что может нас задержать, если мы едем на место происшествия по поручению самого министра?

Наш «газик» дерзко лез в гору. Отвесные, скалистые стены долины становились все ниже и наконец совсем исчезли среди глинистых холмов. Еще несколько поворотов и начался головокружительный спуск по извилистой дороге в долину Горбанд. Мы миновали перевал Шибар (две тысячи девятьсот восемьдесят семь метров над уровнем моря). Теперь дорога вилась над полноводным потоком, который через несколько десятков километров вливался в реку Горбанд.

Солнце палило немилосердно. После диких гор нашему взору предстала прямо-таки идиллическая местность: возделанные поля, сады, поросшие кустарником кручи — веселый, красочный пейзаж. Раим объявил, что за следующим поворотом — город.

Дорога была сплошь забита машинами, и нам не оставалось ничего другого, как продолжать путь пешком. Раим тут же нашел какого-то знакомого, которому поручил опеку над нашим автомобилем.

Чардеи-Горбанд — небольшой городок, расположенный в том самом месте, где огромное ущелье, замкнутое с двух сторон отвесными скалами, переходит в долину реки Горбанд. За первыми строениями через кирпичный дугообразный мост шла дорога на Кабул. Среди миндальных, абрикосовых и персиковых садов белели обнесенные изгородью домики, как бы приклеенные к откосу.

Сразу за поворотом я увидел первые следы наводнения. Вся долина была залита жидкой грязью. Сотни людей, едва двигая лопатами, с трудом убирали грязь. Немного выше она уже застыла. С двух сторон потока видна была очищенная дорога. Глубина прокопа доходила кое-где до трех метров. Я увидел два увязших бульдозера, лишенных какой бы то ни было возможности сдвинуться с места. На скалистом возвышении стоял губернатор провинции, который руководил пестрой массой копошащихся в грязи людей.

Кто-то взял меня за руку. Посыпались обычные вопросы о самочувствии и о работе, как будто вокруг ничего не происходило. Это был Экбаль. Убедившись в том, что и его самочувствие вполне хорошее, я закончил приветст-

венный церемониал традиционной благодарностью. Теперь можно было приступить к вопросам типа: «Откуда ты здесь взялся?» — и к обсуждению создавшейся ситуации.

По мнению Экбаля, движение должно было возобновиться по меньшей мере дня через полтора.

Что мне было делать? Помогать здесь? Кому? И каким образом? Ведь это не строительство моста или дороги. Здесь требовалось освободить проезд в обе стороны или хотя бы принять временные меры — осушить болото и проложить брод, по которому можно было бы переправлять машины, одну за другой.

На высоком берегу, где мы находились, было совсем сухо; противоположный же, более низкий, залила высыхающая грязь. Водяной поток, несущийся между ними, образовал в болотистой массе новое русло. Там, где еще позавчера был мост, одиноко торчали остатки побитых свай. Только теперь мне стало ясно, как произошла катастрофа. Мощный поток воды забил отверстие в плотине вырванными с корнями деревьями и многотонными валунами. Прежде чем она рухнула, болотистая масса перелилась через низкий берег реки и затопила город.

Теперь главную улицу уже откопали. Оставалось сделать переход через поток. У нас в таком случае соорудили бы временный мост. Ну а здесь? Сталь или дерево надо было доставлять из Кабула. Плотников тоже. Видимо, Экбаль прав. Не оставалось ничего другого, как расширить русло и проложить брод — неперенный элемент многих здешних дорог.

Пока я размышлял над всеми этими проблемами, к Экбалью подбежал сияющий Раим. Они так обрадовались друг другу, как будто со времени последнего свидания прошли годы. Раим прижимался лицом поочередно то к одному, то к другому плечу Экбаля, отстранялся и заглядывал ему в глаза. Когда приветственная процедура закончилась, Экбаль сказал, что наше присутствие здесь не обязательно. Раиму было поручено найти какой-нибудь тихий уголок, где можно было бы отдохнуть.

Не прошло и четверти часа, как мы оказались в расположенном поблизости садике, образующем нечто вроде террасы на высоте нескольких этажей над самой дорогой. На земле был разостлан большой ковер.

Гостеприимный хозяин, которого Раим, видимо, уже проинформировал, что тот будет иметь честь принимать

у себя «большого господина инженера и большого господина Экбалья», хлопотал о чае. В тени густых абрикосовых крон царила приятная прохлада. За деревьями открывался вид на широкие долины.

Владелец сада, в белых шароварах, длинной рубашке и в чалме, поставив перед каждым из нас пиалу и чайничек с чаем, рассказывал о событиях трагической ночи. Подошли два бородатых седых старца и сели на краю ковра. У всех были печальные лица. Старики кивали головами и тяжело вздыхали. Казалось, что они заново переживают эту мрачную ночь, неожиданный ливень, чудовищный рев воды и крики людей, молящих о помощи. Утром подоспели спасатели. Они пробирались по доскам к облепленным грязью деревьям, на которых из последних сил держались пострадавшие. Два иностранца едва стояли на ногах. Один — русский, один — поляк.

— Как поляк? — удивился я.

«Может, это Бронек? Как раз в это время он должен был к нам приехать». Я стал лихорадочно задавать вопросы. Меня успокоили. Все живы, отделались только сильными ушибами, находятся сейчас в госпитале в Кабуле.

Я был очень взволнован. И хотя пытался говорить на языке дари, у меня ничего не получалось. Почти каждую фразу Экбалью приходилось переводить на немецкий.

— Как побыстрее добраться до Кабула?

— Надо ждать, пока проложат брод через поток.

Мои собеседники снисходительно улыбались.

— Ведь это же Афганистан, инженер-саиб.

На тропинке, ведущей в горы, появился высокий седой старик. Гордо поднятая голова, ослепительно белая одежда и быстрота, с которой все при виде его вскочили на ноги, позволяли предполагать, что это весьма важная особа. Вновь прибывший, обменявшись несколькими словами с хозяином, подошел к Экбалью и приветствовал его. Затем гостю представили меня. Экбаль вкратце изложил ситуацию, после чего разговор перешел на тему о родственных связях. Уже через минуту у обоих нашлись общие знакомые и родственники.

— Это очень большой человек, — шепнул мне на ухо Раим.

Я с интересом посмотрел на высокого гостя: удлиненное лицо, огромный нос, черные пронизательные глаза.

Скупая и вместе с тем выразительная жестикуляция свидетельствовала о нем как о хорошем рассказчике. Исполненные достоинства манеры вызвали уважение.

Я все еще пытался убедить Экбаль, что нам необходимо ехать в Кабул. Однако Ибрагим Али (так звали высокочтимого старца) торжественно заверил нас, что первые машины будут переправлены через поток не ранее, чем завтра в полдень.

Не оставалось ничего другого, как смириться. По правде говоря, возможность погостить в «настоящем сельском доме», как настойчиво подчеркивал Экбаль, была весьма заманчива. Попрощавшись с владельцем абрикосового сада и махнув рукой Раиму, который должен был возвращаться к машине, мы отправились за моим новым знакомым.

Тропинка, выбитая в скалистом грунте, вела в гору. Пейзаж вокруг становился все более диким и красочным. Внизу, в долине, блестела коричневая грязь; на ее фоне резко выделялись разноцветные чалмы работающих людей.

Выше были видны белые и желтые отвесные стены скал, а среди них тут и там зеленые пятна полей и садов-террас. Еще выше среди зелени мелькали белые домики. Разумеется, я рассматривал противоположный склон. Тот, на котором находились мы, должен был выглядеть точно так же. Глубокое ущелье рассекало плоскогорье.

После получасового восхождения мы оказались на узенькой улочке, извивающейся между глиняными стенами. Ветви миндаля, абрикосов и айвы образовывали плотную крышу над головой. Здесь царили полумрак и приятная прохлада. Вскоре мы добрались до широкой улицы, которая, все более расширяясь, переходила в небольшую площадь. Здесь-то я и увидел нечто вроде замка. Сооружение было из красной, потрескавшейся на солнце глины с примесью мелкой и крупной гальки. Две мощные башни соединялись стеной восьмиметровой высоты.

— Этой стене более трехсот лет, — объяснил Экбаль. — Она закалена под солнцем и дождем и прочна, как жженный кирпич.

Мы остановились перед большими, обитыми гвоздями воротами. На стук тяжелой кованой колотушки появился согбенный слугитель и открыл маленькую врезанную в ворота калитку.

Вошли в ухоженный сад. Среди пестрых цветников

здесь росли груши, персики и айва. Вокруг сада был проложен неглубокий оросительный канал, который соединялся с маленьким, выложенным мраморными плитками бассейном. В глубине сада виднелся одноэтажный дом, замыкающий квадрат стены со стороны долины. Под огромной грушей мы повернулись будто случайно спинами к дому. Ибрагим и Экбаль говорили о своих родственниках, а я восхищался розами. Тем временем происходила срочная эвакуация особ женского пола из апартаментов, предназначенных для приема гостей. Когда все было готово, появился мальчик. Он учтиво поклонился нам, сложив ладони на груди. Ибрагим протянул ему руку для поцелуя, а Экбаль обнял его и потрепал по плечу. Я догадался, что передо мной один из сыновей хозяина.

В Афганистане не существует обычая представлять гостей, и мы направились прямо в сторону строения. Прежде чем оказаться в гостиной, пришлось пройти через целый лабиринт темных и тесных коридоров. Вдоль одной из стен гостиной — ряд выходящих на балкон окон, за которыми ничего нельзя было разглядеть, кроме края долины да темного, покрытого мглой массива Гиндукуша.

Чтобы не смущать присутствующих, готовящихся к молитве, я вышел на балкон под большим низким навесом и перегнулся через перила. Отвесный, в несколько сотен метров, откос переходил в царство зеленых деревьев и серо-розовых скал. На самом дне долины вилась узкая ленточка реки. Открывшийся передо мной вид был так прекрасен, что я не слышал, как меня позвали. Экбаль буквально притащил меня за руку к разостланной на ковре скатерти, где нас уже ждал обед. Мне предложили сесть на подушки: Экбаль при этом пошутил на тему о «негнущихся» ногах европейцев.

Перед едой все мыли руки. Молоденький слуга подходил к каждому в отдельности и из украшенного чеканкой кувшина поливал на руки, подставив не менее изящный тазик.

Обед был скромный: крепкий бульон с бараньим мясом, дыня, чай. Мне стало как-то не по себе. Я не мог избавиться от мысли о том, что под ковром, на котором мы сидели, разверзлись сотни метров пропасти, и, сам того не желая, критически оценивал конструкцию деревянного дома. Он был сооружен из рубленых бревен. Стены и потолок покрыты чем-то вроде панели из нестрога-

ного соснового дерева. Небольшие дощечки уложены в виде геометрических фигур. Внутреннее убранство дома выдержано почти в стиле Закопане*, правда, здесь было больше окон и света. На полу лежал великолепный ковер.

После обеда Ибрагим и Экбаль курили по очереди чилим и, заметив, что я засыпаю, разговаривали вполголоса.

Когда я открыл глаза, солнце уже садилось. Дно долины застилал мрак. Противоположный откос, поначалу оранжевый, потом темно-красный, стал в конце концов фиолетовым. Только вершины гор еще отливали красноватым светом. Через какое-то мгновение наступила ночь. Внесли лампы.

На ужин, скорее, вечернее пиршество прибыло несколько седобородых соседей. Никто не говорил о наводнении, хотя, по словам Экбаля, многие из присутствующих лишились садов и полей в результате катастрофы. Вспоминать о неприятном считается дурным тоном. Меня расспрашивали о Польше, о ее городах, садах, полях, лесах. Дивились, покачивали головами. Какие там живут люди?

— Такие, как я.

Осматривали меня, мою седеющую бороду, каракулевую шапку. Добродушно усмехались.

— Вы как будто родом из Афганистана! — сказал вдруг какой-то старик.

Я поблагодарил за комплимент и начал рассказывать о Польше, о ее истории и новой жизни на моей родине. Рассказал также о второй мировой войне, о пережитом мной в Освенциме. Когда мне не хватало запаса слов на дари, на помощь приходил Экбаль.

Я закончил рассказ. Ибрагим взял меня за руку и сказал, что всех присутствующих я могу отныне считать своими друзьями. Посмотрев на слушателей, я искренне их поблагодарил.

Позавтракав (первый раз в жизни я пил молоко, пахнущее розами), мы простились с гостеприимным домом Ибрагима Али. Слуга, который проводил нас вниз, поставил рядом с «газиком» подарок — корзину персиков.

Раима я застал в плохом настроении. Он, видимо, сердился на нас за то, что мы оставили его одного.

* Закопане — горный курорт в Польше. — *Прим. ред.*

Шофер усердно хлопотал около машины, и ни для кого у него не было времени. Все свалилось на его бедную голову. Ведь машины вот-вот тронутся. А что было ночью! Его хотели столкнуть с дороги и обокрасть, но злоумышленники не знали, с кем они имеют дело!

— Ну ладно, Раим, спасибо тебе. Здесь хлеб и персики, ешь скорее, а то, того гляди, тронемся.

Раздавшиеся через минуту сигналы машин подтвердили мое предположение. Колонна двинулась. Пятыми или шестыми мы проехали заново проложенным бродом. На главной улице Чардеи-Горбанда я увидел лавки, заполненные илом до средних полок с товарами. На верхних еще красовались какие-то яркие чайники и коробочки с безделушками. Теперь бы на полную скорость — и до Кабула. Однако ничего не получалось: мы продвигались едва-едва. На улице работали люди, выбрасывая наверх застывшую грязь.

Вдруг раздался крик. Я увидел, как группа людей бросила лопаты и побежала. Из илистой массы показалось плоское тело черной кобры. Затем змея не спеша погрузилась в темное месиво. Я взглянул на Раима. Бледный, лихорадочно вцепившийся в руль, он что-то бормотал себе под нос.

— Что с тобой, Раим? — спросил я.

Ответа не последовало. Самообладание вернулось к нему лишь тогда, когда мы отделились на несколько десятков метров от рокового места. Изображая змею, он небрежно держал руль одной рукой, в то время как другая словно превратилась в черную кобру, готовящуюся к нападению на бедного человека. Раим грозно шипел, а при движении, имитирующем скачок змеи, издал абсолютно неповторимый звук. В конце концов он закатил глаза, изображая мертвеца. На какое-то мгновение Раим даже опустил руль и поднял обе руки: символическая жертва кобры умерла от ядовитого укуса.

Мы ехали все быстрее, обгоняя другие машины. Но вот Раим вырвался вперед. Наш досточтимый «газик» несся вдоль живописной долины Горбанда со скоростью шестьдесят километров в час.

Далеко за полдень мы въехали в Чарикар. Тут Раим объявил, что мотор перегрелся. Я уже знал, что в таких случаях заставлять его спешить бессмысленно, ведь настало время обеда. Не стоило доводить дело до

неисправности карбюратора или бензонасоса — наиболее популярных объяснений проголодавшихся местных шоферов. Я понял также, что в Чарикаре Раим ни за что на свете не даст лишить себя привилегии первого очевидца бедствия, постигшего Чардеи-Горбанд. Но я все же поторавливал его, хотя и знал наверняка, что потеря времени неизбежна.

Чайхана в это время была битком набита людьми. В ресторане, частично европеизированном, помимо покрытых коврами нар стояли столики со стульями. Я занял место за столиком, заказал плов и чай для себя и Раима. Раим тем временем расположился около нар и вскоре был буквально облеплен жадными до новостей слушателями, которые то и дело, повинуясь его жестам, обращали свои взоры на меня.

Я знал, что рассказ о происшествии в Чардеи-Горбанде переплетался с легендой обо мне, а все вместе имело целью поднять престиж Раима как человека, ниспосланного Афганистану самой судьбой. Было уже темно, когда мы двинулись дальше. До Кабула оставалось километров семьдесят по шоссе. На тех местах, где сооружались мосты, плотины или шло асфальтирование, предстояли объезды. Километров за двадцать до цели нашего путешествия, перед последним перевалом, мотор «газика» вдруг закашлял и наконец заглох. Раим с печальным видом сообщил, что кончился бензин. Я был взбешен и даже не нашел, что ответить. Давала о себе знать холодная ночь в горах. Мой горе-шофер выскочил из машины и побежал к придорожным домикам. Через минуту он вернулся и объявил, что нашел для меня теплое помещение на то время, пока он будет доставать бензин.

В маленькой каморке топилась железная печь, тут же сидело несколько местных жителей. Я молча сел на придвинутую скамеечку и оперся о стену. Тепло и усталость сделали свое дело. Проснулся я, когда солнце стояло уже над горами. Передо мной стоял улыбающийся Раим. Я хотел было отправиться немедленно, но аромат, доносившийся из кухни, заставил меня переменить свое намерение, «ведь лишние полчаса, — подумал я, — проблемы не решат».

Через некоторое время мы уже съезжали в кабульскую котловину. На бескрайнем зеленом пространстве выделялось серое пятно города. Коричне-

вые горные цепи отделяли зелень равнины от голубизны неба.

В гостинице «Кабул» меня встретили как старого знакомого и даже предоставили ту же самую комнату. «Газик» Раим поставил на заднем дворе. Около девяти, приняв ванну и переодевшись, я постучал в дверь домика Бронекка с намерением узнать, в какой больнице его искать. Мне открыл шупленький мальчик.

— Салам алейкум!

— Где хозяин? — спросил я и услышал в ответ целый набор приветствий вместе с приглашением войти.

— Хозяин дома!

Вот тебе и на! Через маленький, заросший акациями садик и переднюю я прошел в комнату. Бронек лежал с закрытыми глазами. Лицо у него было серо-белого цвета. Втянутые щеки и огромные глазные впадины, казалось, говорили о том, что жить ему осталось уже недолго. Бронек открыл глаза.

— Привет, старик! — начал я. — Я думал, что застану здесь умирающего, а ты выглядишь молодцом!

— Привет и не валяй дурака, — печально ответил Бронек. — Садись! Хочешь виски? Там, в углу. И вообще все это мне надоело. С меня хватит!

Я знал, что, прежде чем что-либо вытяну из Бронекка, придется выслушать пространные рассуждения о том, о сем, поэтому положительно отнесся к предложению выпить виски. На полу, в углу, стоял ящик, наполовину прикрытый досками. Из ящика выглядывало несколько бутылок. Я взял первую попавшуюся кружку и пошел на кухню сполоснуть ее. В шкафу, на столе в цветистом беспорядке валялись продукты, посуда. Типичное холостяцкое жилье. Я вернулся в комнату и налил себе виски. Отпив, отважился задать вопрос:

— Ну, как ты себя теперь чувствуешь?

Мне нелегко привести его ответ. Так или иначе, он сводился к тому, что жизнь вообще паршивая, а ему, Бронекку, особенно не везет.

Очень тактично (так мне по крайней мере показалось) я спросил, может ли он (хотя уже, вероятно, он рассказывал об этом много раз) сообщить мне, что произошло с ним в Чардеи-Горбанде. Бронек застонал, выругался и начал, тяжело вздыхая.

— Нашу четверку переводили на новый участок, на север. Выехали мы с Матином и двумя советскими ин-

женерами: Сашей и Володеи, которые должны были сменить вас на трассе Пули-Хумри — Кызылкала. Оборудование я получил первоклассное.

Бронек вдруг оживился:

— Сташек, веришь, теодолит — последняя модель, нивелир — пальчики оближешь! Меня и Володю Матин взял в свой «газик». Выехали мы поздно — часов около десяти утра. В Чарикаре у Матина были еще какие-то дела с чехами.

— А Саша?

— Саша ехал на грузовике со всеми нашими пожитками и оборудованием на добрых несколько тысяч злотых. До Чардеи-Горбанда мы добрались уже в сумерках. Нам необходимо было дождаться Саши и поужинать. Километров тридцать проехали под дождем. Темнеет здесь быстро. Как только мы остановились у большой чайханы, сделалось совсем темно и дождь полил как из ведра. Я еще удивлялся: откуда в это время года дождь? Что-то здесь не то... Мы поднялись на высокую террасу под крышей из ветвей, а оттуда в зал. Там было полно людей. Нам сразу же освободили место у окна. Заказали плов — ждем. Грузовика все нет. Дождь льет. По рамам стекают потоки воды.

— Неужели местные жители ни о чем не догадывались?

— Они забеспокоились и стали переговариваться. Матин перестал есть и прислушался к разговору. Потом подозвал какого-то старика, побеседовал с ним. Оба покачали головами. Подошел шофер, что-то сказал им, потом вышел во двор, сел в машину и уехал.

— Так что ж ты, умник! Разве нельзя было уехать вместе с ним?

— Вероятно, можно было. Но мне и в голову не приходило, что может случиться несчастье. Наконец, Матин местный житель, инженер, он-то уж должен был ориентироваться в обстановке. Итак, я спокойно ждал, что будет дальше. Вдруг откуда-то, как будто сверху, раздался отдаленный грохот. Он приближался, нарастал, слышался треск рушащихся домов.

— Представляю, что началось в чайхане!

— Ужас! Все сбились в одну кучу в центре зала и стали молиться Аллаху. Кто-то запел, остальные подхватили. Там — рев воды, здесь — молитва, а мы с Володей сидим напротив бледного Матина. «Надо пола-

гать, этот дом достаточно крепок»,— сказал я. «Надеюсь»,— неуверенно пробормотал Матин. Я вышел на террасу. Дождь почти перестал. Кругом темнотища, хоть глаз выколи. Веришь, невозможно было различить, где дорога, а где река. Треск, шум, плеск воды. Террасу подмывает, пол дрожит под ногами, а через мгновение рухнула часть крыши.

— Ну и надо было по крыше удрать в другую сторону.

— Конечно. С лавки в углу террасы я вылез на крышу. К счастью, дождь в это время совсем прекратился и на небе даже показалась луна. Я перебежал одну крышу, потом еще несколько—ведь они здесь соединяются. Мне показалось, что я бегу туда, где тихо.

— Но не добежал же ты по крышам до Кабула?

— Нет, крыши кончились, но я увидел широкую стену, какой обносят сады, влез на нее и пошел дальше. С одной стороны стены уже ревел поток. Я дошел было до высокого дома, но во время отскочил—дом захлестнула вода, и он каждую минуту мог завалиться прямо на меня. Вдруг откуда-то послышался голос Матина. Бедняга умолял поднять его на стену. Я схватил Матина за воротник и помог взобраться наверх. Потом мы вдвоем втащили Володю. И тот и другой были мокры по пояс.

— Но ты, надеюсь, понимал, что глиняная стена долго не выдержит?

— Конечно! Поэтому и стал искать что-нибудь понадежнее. Вернулся на крышу, с которой перелезал на стену, и увидел невдалеке довольно большое тутовое дерево. Разбежался по крыше и прыгнул, надеясь уцепиться за нижние ветви. Но они были мокрые, и я соскользнул на землю. По эту сторону стены было еще сухо.

— Ну, а как же Матин с Володей?

— Сначала они потеряли меня из виду. Но тут Володя стал звать—я откликнулся. Они стали прыгать ко мне. Сначала Матин, за ним Володя. Через минуту мы все уже карабкались на дерево.

— Понятно!

— Понимаешь, ветви начинались на высоте трех метров, ствол был толстый и скользкий. Я посадил Матина и принялся толкать вверх стокилограммовое тело Володи, надеясь, что, оказавшись на дереве, они в

свою очередь помогут мне. Но не тут-то было. Через мгновение раздался какой-то треск и голос Матина слышался уже откуда-то снизу.

Еще момент, и со страшным грохотом рухнула стена, по которой мы только что бежали. Прямо на нас хлынула волна жидкой грязи. Обеими руками я ухватился за дерево. Но где там, меня тут же отбросило на несколько метров в сторону. Я думал лишь об одном: как бы не погрузиться с головой. Под ногами чувствовал то камни, то землю, то, наконец, что-то совсем мягкое.

Бронек помолчал.

— Когда волна прошла,— продолжил он через минуту,— мы оказались плечом к плечу с Володей, притиснутые к какому-то дереву балками, ветками, кусками обрушившейся стены. Володя тяжело дышал и ругался сквозь зубы. Где-то сзади кричал Матин: «Спасите меня!».

Бронек замолчал. Я сходил за кружкой, налил в нее виски и протянул ему. Он выпил и продолжал свой рассказ.

— Представляешь, я по шею в грязи, завален всякой дрянью, не в состоянии голоса подать, а он зовет на помощь. Я даже не успел подумать, что ему ответить, как послышался рев надвигающейся волны. Володя едва ворочал языком. Я уже потерял всякую надежду, но тут волна, которая должна была нас погубить, каким-то совершенно непонятным образом вырывает нас из западни и отбрасывает на несколько десятков метров в сторону. Я вытираю грязь с лица и вижу, что лежу на ветвях, погруженных в ил. Рядом со мной стонет, выбираясь из тины, Володя, а на расстоянии нескольких шагов — затопленное почти по самую крону дерево. Цепляясь за ветви, мы высматриваем, где бы укрыться от новой волны. Силы мои на исходе. И тут снова Матин зовет на помощь. Он увяз по самые плечи в нескольких метрах от меня. Я хватаюсь за торчащую из грязи ветвь и стараюсь наклонить к нему. Тяну изо всех сил, но ветка не поддается. Чувствую, что совсем ослабеваю, и, наконец, отказываюсь от своей затеи.

Рев новой волны. Меня охватывает страх, чудовищный страх, что через мгновение я опять окажусь в этой отвратительной грязи. И я уже не думаю о тонущем Матине. Только бы добраться до дерева. В приступе

какого-то нечеловеческого отчаяния я, с ног до головы облепленный грязью, дотягиваюсь до толстого сука. Володя уже в безопасности. Он подает мне руку и помогает выбраться наверх. Больше я уже ничего не помню...

Когда я очнулся, было совсем темно. Светила луна. Рядом тихо причитал Володя. Увидев, что я открыл глаза, он спросил: «Бронек, ты жив?» Я ответил.

Так мы просидели какое-то время. Неожиданно тишину нарушили жалобные стоны. «Слышишь? Это Матин», — сказал Володя.

И действительно, откуда-то издалека донесся голос Матина. «Мистер Матин, где вы?» — крикнул я. «Здесь, на дереве...»

Я вздохнул с облегчением.

Мы слышали отдаленный грохот. Дерево слегка содрогнулось. Наверное, рухнул мост. Вода больше не прибывала. Я прочно оседлал толстый разветвленный сук и только теперь ощутил резкую боль в груди и ногах.

На рассвете появились люди с фонарями и стали предпринимать попытки приблизиться к нам. Бросали в образовавшееся болото доски. Когда плавающий дощатый настил достиг дерева, Володя спустился вниз и шаг за шагом переправился на «берег».

Со мной дело обстояло хуже. Каждое движение причиняло нестерпимую боль. Я был слишком слаб, но, прекрасно понимая, что никто не рискнет приблизиться к самому дереву, собрал всю силу воли, стиснул зубы и оторвался от сука, на котором сидел. Теперь надо было прыгнуть с самой нижней ветви дерева на доски, отстоящие метра на полтора от меня, что я и сделал. Упав плашмя на доску, которая сразу же погрузилась в грязное месиво, я стал за поданную мне ветку подтягиваться. Несколько отчаянных движений — и я спасен. Очень медленно, с передышками, добрался до того места, где стоявшие по пояс в болоте люди смогли взять меня за руки и вытащить на твердый грунт.

Бронек опять замолчал и повернулся на бок.

Выслушав рассказ, я облегченно вздохнул, как будто до сих пор само присутствие Броньки не говорило о том, что кошмар той ночи уже миновал.

Бронек почувствовал мое настроение.

— Ну что ты, ведь я жив... Дай еще глоток...

Я протянул стакан.

— Потом нас повезли в Кабул, — добавил Бронек. — В госпитале сказали, что кости у меня целы. У Володи тоже. Только вот болит все чертовски.

Он закрыл глаза.

— И Матина спасли, — пробормотал мой друг...

Он дышал теперь ровно и спокойно. Я на цыпочках вышел из комнаты. В дверях мы столкнулись с долго-вязым, худым человеком и почти одновременно произнесли: он — свое «извините», я — «пardon». И рассмеялись.

— Вы, Саша?

— А вы, конечно, Сташек!

Мы пожали друг другу руки.

Так я познакомился с Сашей Грызиным, с которым впоследствии меня объединяла работа и самая теплая дружба.

— Бронек спит, не надо его будить. Я думаю, что ему теперь не так уж плохо. А как Володя?

Саша слегка нахмурился.

— Тоже ничего. Сердился, кричал, что с него достаточно Афганистана со всей его экзотикой.

Я пригласил Сашу со мной пообедать.

Недалеко от гостиницы «Кабул» есть большой двухъярусный ресторан. Прямо при входе блестит батарея кранов над раковиной из жести: перед едой каждый должен помыть руки. На первом этаже — длинные ряды столиков и стульев. Как обычно, в обеденное время здесь шумно и многолюдно. Я предпочитал эту атмосферу тишине большого мраморного зала ресторана «Кабул».

Европейцы, в основном русские и чехи, здесь частые гости. Видимо, они руководствуются теми же соображениями, что и я.

Во время обеда Саша вкратце рассказал о своих приключениях в Чардеи-Горбанде. За несколько километров от города испортился мотор. Дождь лил вовсю. Когда по прошествии часа насквозь промокший шофер сел за руль и машина начала спускаться в долину, навстречу стали попадаться толпы бегущих людей. Они кричали и знаками показывали, что нужно возвращаться. Раздумывать было некогда. С огромным трудом развернулись на узкой дороге и поехали назад в горы. Всю ночь Саша провел в придорожной чайхане. Слышал рев

разбушевавшейся стихии и очень нервничал. Когда же дождь кончился и показалась лупа, он дошел до места, где шоссе переходило в вязкое болото. Дальше идти было нельзя. Пришлось вернуться и дожидаться утра. Когда же принесли Матина, Володю и Броньку, он отправился вместе с ними на грузовике в Кабул. Здесь каждый из пострадавших поступил в распоряжение своих соотечественников.

Бронек и Володя два дня пробыли в госпитале. Когда выяснилось, что больные получили лишь сильные ушибы, их отправили по домам.

После чая я распрощался с Сашей. Он отправился в гостиницу «Ариана», я же должен был найти Раима, чтобы тот отвез меня в наше посольство.

Раим ждал у гостиницы. Двумя пальцами держал на уровне глаз ключи от машины и при этом загадочно улыбался.

— Инженер-саиб, три дня вы будете водить машину сами. Прошу вас.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Хочу съездить домой, в Панджшир.

— Хорошо. До свидания, Раим.

Я сел за руль и вздохнул полной грудью.

АЙБАК * И ОКРЕСТНОСТИ

Уже третью неделю мы скитались в «Фисташковых горах»**. Каждый день Раим привозил нас в чайхану Гуляма, где уже ждали лошади, или на перевал Коталь.

Мы разделились на две исследовательские группы. Зыгмунт и Конрад работали по одну сторону старой дороги, я и Бронек — по другую. Нам предстояло отыскать наиболее удобную трассу через горы, которая соединила бы Каттаганскую долину и Айбак. Находились мы теперь в ведении управления общественных работ провинции Мазари-Шариф.

Нам были выделены два «газика», грузовик марки «зил» и отряд солдат — человек двадцать. Технический персонал составляли переводчики Саид и Ислам, шоферы Раим, Бальта, Абдулла и килинар*** Рамазан.

С этим Рамазаном была просто потеха.

Когда наш новый шеф, мудир из Мазари-Шарифа, представлял нам персонал, он махнул рукой в сторону маленького блондина и сказал:

— У килинар аст****.

Зыгмунт, думая, что слово «килинар» связано с кулинарией, со всей пылкостью обнял недоумевающего парня.

Через некоторое время у нас появился великолепный повод посмеяться. Однако расскажу все сначала.

В первые дни августа в Баглан приехали Матин,

* А й б а к — ныне г. Саманган.— *Прим. ред.*

** Название «Фисташковые горы» придумано нами.— *Прим. авт.*

*** К и л и н а р (пушту) — подручный шофера.— *Прим. ред.*

**** «Он — килинар» — *Прим. ред.*

Бронек, Саша и Володя, которые уже успели прийти в себя после потрясений, пережитых ими во время наводнения. В течение трех дней мы передали работу на участке Кызылкала — Доши советским инженерам. На четвертый состоялось волнующее прощание в Фаваидиаме и в воинской части.

На следующее утро четверка поляков вместе с Раимом, Саидом и новым шофером, Абдуллой, выехала под началом Матина в Мазари-Шариф. По решению министра мы должны были заняться дорогой, соединяющей этот город с Пули-Хумри.

Айбак и Ташкурган* — небольшие города, разделяющие дорогу на три более или менее равных участка. Между двумя горными цепями, из которых одна начинается у Пули-Хумри, а другая — у Баглана, пролегла обширная степная долина. На полпути к Айбаку долину наискось пересекает цепь «Фисташковых гор». Через эти горы нам и предстояло искать трассу.

Существующая дорога — расширенная и вымощенная «ослиная тропа» — не отвечала требованиям все возрастающего движения. Опасные повороты, многочисленные спуски, крутые подъемы, глинистые оползни — всех этих изъянов старой дороги мы должны были избежать при проектировании новой трассы.

Такие горы мне приходилось видеть впервые. Лысые холмы, покрытые кое-где степной растительностью. Отстоящие на несколько сотен метров друг от друга группы фисташковых деревьев выделялись своей сочной темной зеленью на фоне серо-коричневых, опаленных солнцем трав. В радиусе нескольких десятков километров от перевала не было в это время года ни капли воды.

Скалистые ущелья как бы раскрывали историю земли. Глубокие, частично заполненные гравием трещины настойчиво напоминали, что мы находимся в районе землетрясений. В оврагах водились лисы, волки, ужи. На вершинах скал царствовали муфлоны.

Стада овец под опекой кочующих пастухов — единственное свидетельство существования в этих местах организованного общества. За несколько десятков километров до Ташкургана горные цепи сближаются, образуя дикий, скалистый ландшафт.

Естественные гигантские ворота города образует

* Т а ш к у р г а н — ныне г. Хульм. — *Прим. ред.*

«щель Али». Дорога и река теснятся в горном ущелье, ширина которого не более тридцати метров. Сколько бы мне ни приходилось бывать здесь, каждый раз я не мог отделаться от ощущения, что высокие, гладкие и абсолютно отвесные скалы вот-вот рухнут и погребут под собой спящих между ними людишек. Саид очень важно, с полным знанием дела объяснил, что щель эту прорубил своим мечом Али, четвертый халиф ислама. И с железной последовательностью добавил, что во время войн длина меча Али достигала сорока метров.

Тут же за ущельем начинались сады Ташкургона. Уже издали виднелись деревья инжира. Это единственное место в Афганистане, где их можно встретить. Свежий инжир, выставленный в корзинах на продажу, удивительно напоминает очищенный от кожуры лук.

В городке процветают кустарные ремесла. Искусно расшитые шапки, тубетейки, чалмы, всевозможные ножи с длинными тонкими лезвиями, изделия из меди поражают богатством форм, тонкостью работы..

Самое интересное здесь — базар. В центре его — раскидистая ротонда. Под куполообразным сводом — сотни сказочно разукрашенных блюдец и чашек.

От ротонды лучами отходят шесть улочек, которые вместе с четырьмя соединяющими их окружными путями образуют собственно базар. Лавочки сгруппированы по отраслевому признаку. Тут — шорники, там — торговцы мануфактурой, на следующей улице — продажа зерна, фруктов. На базаре царит полумрак. Крыши соседних домов соединены балками, на которых лежат маты. Полосы солнечного света лишь кое-где пробиваются в эти затененные туннели...

Река, что течет от Дуаба через Айбак, Хазрати-Султан и уже упомянутую горную цепь, всасывается пустыней сразу же за пределами города. До самого Мазари-Шарифа дорога пролегает через безлюдные, бесплодные пески. Солнечное пекло, бледная голубизна неба и караваны верблюдов дополняют мрачное впечатление от этой трассы.

Директор мазарской Фаваидиамы оказался очень приятным, уравновешенным человеком. Он просто боготворил поляков и, разумеется, был воспитанником Вихжицкого и Хвасцинского. Произнося их фамилии, он складывал на груди руки, а взгляд устремлял вверх.

По словам Матина, директор был на хорошем счету в министерстве, и позже я сам убедился в том, что это соответствует действительности. Высокий, худой, с большим кадыком и очень серьезным, всегда озабоченным лицом, директор производил впечатление человека, заслуживающего уважения и симпатии. Хотя он и окружал нас всяческим вниманием, хотя и подчеркивал неустанно, что считает себя всего лишь нашим помощником, его авторитет и достоинство ничуть от этого не страдали.

На второй день нас представили высшим властям провинции. Трижды мы прошли через патруль, прежде чем увидели губернатора (у всех ворот часовые справлялись по телефону, можем ли мы войти). Этот приятный пожилой господин разговаривал с нами вежливо и по-деловому.

В Мазари-Шарифе мы провели три дня. В виде исключения нам было разрешено, сняв обувь, обойти вокруг мечети Али. Рядом с мечетью обитали тысячи голубей.

Это самая большая святыня в стране, сплошь покрытая мозаикой и майоликой. Вход в мечеть неверным строго воспрещен. Саид, казалось, был озадачен даже тем, что нас впустили во двор.

Истинное чудо мечети — колодец. Если судить по длине троса, глубина его около ста метров. Трос наматывается на вертикальный валик, приводимый в движение ходящими по кругу людьми. Слегка солоноватая вода холодна и очень вкусна.

Грандиозное строение и стена, которой оно обнесено, покрыты мозаикой. По богатству красок и изысканности рисунка ее можно считать шедевром изобразительного искусства. Огромный купол, выложенный темно-голубыми плитками, снискал святыне название «Голубая мечеть».

Нам показали разместившуюся рядом с мечетью мозаичную мастерскую. Я всегда думал, что мозаика создается методом укладывания камешка за камешком непосредственно на месте назначения. В действительности все выглядит иначе. На рисунке, нанесенном на бумаге, размещаются подобранные по цвету и форме отшлифованные камешки. Десятки художников-«каменщиков» обрабатывают камешки таким образом, чтобы нижней

своей плоскостью они прилегали к бумаге в намеченных заранее контурах; верхней плоскости придается форма трапеции. После того как плита (80 на 80 сантиметров) уложена целиком, она заливается гипсом или, как это сейчас принято, цементом. Приготовленный таким образом затвердевший элемент переворачивается и отшлифовывается.

Мазари-Шариф — раскаленный, душный, ослепительно белый город. Дома, не снабженные канализацией, дышат испарениями. Пыль, поднимаемая ветром пустыни, заставляет мечтать о тенистом Баглане или о горном Айбаке.

На третий день, исполнив все формальности, мы с радостью покинули Мазари-Шариф.

Айбак по сути дела представлял собой одну широкую улицу, несколько поперечных и большой цветник. Базар в конце главной улицы, гостиница — одноэтажное вытянутое здание, почта, резиденция начальника административного округа — таковы важнейшие городские достопримечательности.

Для нас был снят только что отстроенный дом: мне и Бронеку выделили две комнаты на втором этаже с большими, до самого пола, окнами и две террасы. Зыгмунт и Конрад заняли две комнаты внизу. Остались еще помещения для переводчиков и шоферов, так называемая канцелярия, а также комната для солдат, исполняющих функции ординарцев или, если хотите, адъютантов.

Их было трое. Один — для Зыгмунта и Конрада, другой — для меня и Бронека, третий — для переводчиков и шоферов. Остальная часть небольшого воинского подразделения была расквартирована в отдельном домике около моста.

Наша резиденция находилась в красивом тенистом саду, где росло несколько персиковых и миндальных деревьев, абрикосы и айва. Мы очень быстро привыкли к новому жилью, и нам казалось, что после ежедневного пребывания в горах мы возвращаемся не куда-нибудь, а домой.

Исмаил, который обслуживал меня и Бронека, постиг даже искусство приготовления бульона. Правда, он морщил нос при виде говядины (в представлении местных жителей это — мясо второй категории; фунт говядины стоит три афгани, а баранины — семь), но го-

говил то, что ему приказывали. На второе у нас был обычно гуляш с рисом.

Вернувшись домой, мы принимали душ из лейки, потом обедали и, насытившись, укладывались на чарпаях. В полусонном состоянии благоговейно вели беседы и понемногу вливали в себя чай-сиах — черный чай. Несколько стаканов восполняли недостаток влаги в организме. В течение целого дня мы почти не пили. Это правило, рекомендованное местными жителями, было усвоено нами после нескольких мучительных дней, когда любое количество выпитой в горах воды не утоляло жажды.

Поздним вечером зажигались бензиновые лампы, наступало время воспоминаний и писем. Иногда мы играли в карты.

Я часто бывал в комнате у переводчиков. Здесь собирались все вместе. Выстланный килимами пол, свернутые в валики и уложенные вдоль стен постельные принадлежности, светлая сосновая облицовка создавали своеобразный уют. У дверей красовалось столько пар ботинок и сандалий, сколько человек находилось в комнате.

Семь постоянных обитателей и несколько допущенных в «общество» солдат образовывали весьма разнородную компанию, однако мне никогда не приходилось слышать споров. Здесь все делалось сообща: вместе слушали нескончаемые рассказы, вместе молились, ходили в чайхану и на базар. В этом небольшом сообществе каждый умел найти свое место.

Некоторые из окрестностей Айбака заслуживают более детального описания. В трех километрах от города, высоко над ним, рядом с тем местом, где последние дома подходят к известняковым обочинам долины, находится очень интересный и очень старый памятник под названием Тахти-Рустам. Выдолбленный в скале окол глубиной в семь метров окружает каменный массив, напоминающий огромный, опрокинутый вверх дном горшок диаметром в пятнадцать метров. «Горшок» этот идеально круглый и такой гладкий, что форсировать его отвесную боковину человеку не под силу.

После длительных поисков Бронек нашел в боковине уступы, по которым можно взобраться на гору. В центре ее — каменный шестигранник, а в нем улиткообразное отверстие. Плоская впадина на самом верху

сохраняла следы горевшего здесь тысячи лет тому назад священного огня. В окоп вели два выдолбленных в скале туннеля. Пещеры по обе стороны входа служили, по видимому, жилищами или дозорными пунктами для священнослужителей. Я строил всевозможные догадки, давая волю фантазии. И вот однажды я вошел в комнату переводчиков как раз в тот момент, когда Саид начал рассказ о Тахти-Рустаме.

«Было это очень давно, когда халиф Али — да прославится во все времена имя его! — принес истинную веру здешним людям. По этим землям странствовал некий молодой набожный купец. Звали его Гуль Мухаммад. Немногочисленные слуги стерегли его коней и верблюдов, а в тюках было совсем мало товаров. Видно, молодой купец больше стремился к познанию мира, к приключениям, нежели к заключению торговых сделок. Путешествовал он при свете луны, поскольку был самый разгар лета и солнечные лучи безжалостно обжигали днем людей и животных.

Однажды ночью, миновав серебристую степь, караван приблизился к горной цепи. Там, где начиналась тень от высоких скал, поблескивали в лучах месяца башни огромного замка. Рядом вырисовывались контуры минаретов и городских домов. Караван уже приближался к первым строениям, как вдруг Гуль осадил коня. Отъехал на несколько шагов в сторону и внимательно прислушался. Где-то вдалеке грустно пела женщина. Движением руки купец дал знак разбить лагерь, а сам поехал в том направлении, откуда слышался голос.

Через минуту он оказался у одной из башен замка. Сверху доносилась печальная жалоба девушки:

Ночь серебристая, не уходи,
Месяц, не исчезай с неба!
Кому-то утро принесет счастье и новый день жизни,
Мне же — только горечь разлуки.
Вдали от родины и близких
Я погибну от тоски.
Никто не придет защитить меня от злой судьбы.

Пение резко оборвалось, когда снизу раздался голос Гуля:

— Я приехал!

Он и сам не понимал, как отважился на такое безрассудство. В чужом городе обратиться к незнакомой

девушке, на которую не имел никаких прав! Но в го-
лосе ее было столько боли, столько неподдельного
страдания, что Гуль забыл о правах и обычаях.

Теплый степной ветер понес на вершину башни его
песню:

Я, Гуль Мухаммад, почитаю Аллаха и пророка его,
Я путешествую по миру и борюсь со злом.
Мое сердце не знает страха, когда я сражаюсь
с неверными,
Но сжимается, когда я слышу голос девушки.
Я хотел бы стать звездой, чтобы заглянуть в твои
глаза.
Я хотел бы стать ветром, чтобы коснуться твоих губ.
Твое несчастье — это и моя боль.
Да взрадуит меня Аллах и укрепит мою руку!

Капли росы упали на лицо Гуля. Нет, не росы... Это
были слезы девушки... И сверху донесся шепот:

— Да защитит тебя всемогущий Аллах. С той ми-
нуты, как я услышала твой голос, сердце мое и мысли
мои с тобой.

Исполненный гордости возвращался Гуль в лагерь.
В молитвах и размышлениях дождался первых лучей
солнца. Разбудил Гуляма, старого верного слугу, и
сказал ему:

— Веди караван дальше, на восток. Остановишься в
первом встречном селении и будешь ждать, пока я
не приеду. Не говори никому, что знаешь меня.

Старик хотел было о чем-то спросить, но Гуль зна-
ком приказал ему молчать. Отдав распоряжение, моло-
дой купец направился к пробуждающемуся базару. По-
беседовав с местными жителями, он сразу обо всем уз-
нал. Им овладело негодование. Слыхано ли! Дочь шей-
ха, красавица Мириам, должна быть отдана в жены
вождю неверных в залог мира и добрососедских отно-
шений. В городе находилась целая делегация, которой
было поручено доставить девушку ее будущему мужу и
господину. Жители были угнетены. Некоторые даже от-
важивались на открытый бунт. Но в конце концов верх
одержал здравый смысл и убеждение, что в этом мире
ничто не осуществляется вопреки воле Аллаха.

Затерявшись в толпе, Гуль наблюдал за выездом
кортежа. Он задрожал всем телом, когда увидел вер-
блюда, несущего белый паланкин. Там за занавесками
сидела Мириам, для которой билось теперь его сердце.

Через час Гуль двинулся вслед за кортежем. Он решил попытать счастья в сумерках, когда караван остановится на ночлег. Ехал вдоль берега реки. Во время вечерней молитвы горячо просил Аллаха просветлить его разум, придать рукам силу.

Когда сумерки опустились, Гуль под прикрытием скал пробрался к лагерю. Спрятал своего коня за большим камнем и стал подкрадываться к лошадям. До восхода луны оставалось еще несколько часов.

Гулю повезло — около лошадей не было стражи. Люди сидели у костров и готовили ужин. Гуль перерезал веревки, которыми были стреножены рысаки, и бросился бежать к своему убежищу, ударяя по пути кинжалом всех лошадей подряд. Ржание раненых животных нарушило вечернюю тишину. Послышался топот убегающего табуна. У костров возникло замешательство. Все бросились ловить лошадей.

Тем временем Гуль добрался до своего коня, вскочил в седло и въехал в самый центр брошенного лагеря. Перед белым шатром стояла пораженная происходящим Мириам.

— Я приехал, — сказал Гуль и поднял девушку на коня.

Темнота поглотила беглецов.

А в лагере уже сообразили, в чем дело. И вскоре несколько всадников пустились в погоню. К спешившему навстречу нареченной князю отправили гонцов.

Гуль и Мириам мчались к ближайшим горам. Прижавшись к груди своего избавителя, девушка слышала удары его сердца. Теперь она твердо знала, что принадлежит только ему.

— Ничто не разлучит нас, — услышала она шепот Гуля и прижалась к нему еще сильнее.

Взошла луна. Беглецы уже поднимались в горы, как вдали послышалась погоня... Гуль соскочил с коня. Места были незнакомые, приходилось полагаться лишь на волю Аллаха. Голоса преследующих доносились все отчетливее.

И вдруг путь беглецам преградила отвесная белая стена, замыкающая котловину. Они начали было пробираться вдоль обрыва, но, заслышав крики людей, поняли, что обнаружены. У входа в котловину теснились всадники. Гуль и Мириам оказались в ловушке.

Гуль снял свою спутницу с коня. Теперь они стояли

рядом у освещенной луной скалы. Круг преследователей делался все уже. Тогда Гуль выхватил кинжал и крикнул:

— Стойте! Ни шагу дальше, не то получите только наши трупы!

Всадники остановились и спешили. Решено было ждать.

В горной котловине воцарилась грозная тишина. Настигнутые погоней молодые люди, прижавшись друг к другу, переживали минуты отчаяния. Такие минуты связывают навечно, даже если они последние на земле.

Через некоторое время послышался конский топот. Прибыл князь. Узнав, в чем дело, он впал в глубокое раздумье. Он желал эту девушку лишь потому, что не мог ею овладеть. Но не мог также не подивиться отваге и решимости молодого купца. И князь захотел предоставить Гулю ничтожный шанс на спасение.

— Ты сам видишь всю бессмысленность своего сопротивления,— обратился он к купцу.— Если ты веришь в своего бога и вера твоя искренна, построй до восхода солнца крепость, в которой ты смог бы обороняться от моего войска до самого захода; тогда получишь и жизнь и девушку, а я признаю твою веру.

Гуль и Мириам упали на колени, простерли руки к небесам и поцеловали землю, по которой ходил пророк. В эту минуту зловещая туча закрыла месяц, поднялся сильный ветер, зигзаги молний разорвали мрак, задрожала земля. И тут влюбленные увидели перед собой гигантскую фигуру.

Это был Рустам. В руках он держал огромные зубило и молот и, не тратя времени даром, принялся за работу. Эхо мощных ударов заглушало гром и завывания ветра.

Всего лишь за несколько минут был сооружен туннель в скалах. Затем Рустам приступил к постройке бастиона, а вслед за этим в скале появился маленький домик с входом, извилистым, как раковина улитки, где Гуль и Мириам смогли укрыться от вражеского огня. С помощью обломка скалы гигант так отшлифовал стены строения, что даже муха не могла подняться по ним. Окончив работу, великий Рустам поднял молодых на верх бастиона. Потом вознес молитву Аллаху, чтобы прекратить бурю, и исчез вместе с предрассветной мглой.

В лагере князя поднялся переполох, когда с наступлением утра все увидели вход в подземный туннель на том самом месте, где накануне стояли беглецы. Толпа преследователей ринулась в туннель, но, пройдя его, остановилась в нерешительности около рва, которым был окружен неприступный каменный бастион.

С трудом придя в себя, разгневанный князь приказал своим войнам любой ценой взобраться на гладкую, отвесную стену.

Но разве могут противостоять человеческие усилия воле всевышнего? Последние лучи заходящего солнца осветили князя неверных, который в окружении своего войска стоял на коленях у подножия неприступных скал и молился, признав наконец истинную веру.

Теперь Гуль и Мириам попали уже не к врагам, а к преданным друзьям. Благодетельную пару с великими почестями препроводили в родной город Мириам. А на следующий день была отпразднована свадьба.

Так Аллах оказал благодеяние двум молодым людям. Тахти-Рустам — памятник их большой, чистой любви».

Когда Саид закончил свой рассказ, все еще стояла тишина. Только Бальта, серьезный, почтенный человек, пробормотал над чашкой чая:

— Где это видано! Построить Тахти-Рустам за одну ночь...

Саид бросил на него косой взгляд и быстро проговорил, как бы рассеивая сомнения слушателей:

— Да, Рустам сделал это за одну ночь.

Бальта еще что-то сказал, но никто уже не обращал на него внимания. Я посмотрел на часы. Было около двенадцати. Пора идти спать — завтра Зыгмунт, как обычно, поднимет всех в шесть часов.

В трех километрах от центрального сквера, сразу же за мостом, дорога разветвлялась. Налево — на Пули-Хумри и Баглан, направо — в верховья быстрого Хульма, вытекающего откуда-то из-под Дуаба, к живописному уголку, который мы называли «Забывтая долина». В одну из праздничных пятниц мы с Бронеком отправились

туда. Переводчики и шоферы отдыхали, поэтому я взял машину Раима и сел за руль. Через несколько километров дорога вышла на узкую террасу между рекой и отвесной известняковой скалой. Старый каменный мост соединял террасу с противоположным берегом реки. За мостом ущелье расширялось и переходило в плоскую, обрамленную скалами долину. Сочная зелень резко контрастировала с ослепительной белизной стометровых известняковых скал. Растительность здесь совсем свежая, не запыленная, как на других дорогах, ибо долина прекрасно защищена от ветра да и движение на трассе небольшое. Река течет в скалистом русле.

Мы остановились рядом со старой водяной мельницей. Двухметровое в диаметре верхнебойное колесо с помощью системы деревянных шестерен приводило в движение жернова кустарного изготовления. Нигде ни следа металла, ни единого гвоздя. Такое приспособление могло быть сооружено десять, сто, может быть, даже и тысячу лет назад.

Вода падала на колесо, скрипели шестерни, мука тонкой струйкой сыпалась в мешок. Два мельника, вежливо ответивших на наше приветствие, продолжали хлопотать у своей мельницы.

Вытопанная лошадьми и ослами полевая тропинка привела нас в селение. Спрятанные в густых садах, старательно выбеленные, с большими крытыми галереями домики выстроились в ряд между скалами и дорогой. По другую сторону шумела река.

Я по возможности снизил скорость, чтобы не пылить.

На галереях сидели жители. Они отдыхали — пили чай, вели неторопливые беседы. Никто не выбежал на улицу, чтобы поглазеть на редких в этих местах проезжих. Вода неожиданно возникла перед самым радиатором автомобиля — дорогу пересекла река.

Бронек посоветовал вернуться. Каменистое дно, быстрое течение, неизвестная глубина — все его аргументы казались неоспоримыми и вполне убедительными. Тем не менее победу одержал авантюризм. «Газик» оказался в самой середине реки. Вода проникла в кабину. Положение по меньшей мере глупое.

Ну что ж, надо было снимать брюки и звать людей на помощь. Меня раздражало спокойствие Бронька. Он должен был хотя бы выругаться или сказать: «Разве я

не предупреждал?» Между тем Бронек сидел спокойно. Даже ни один мускул на его лице не дрогнул. Вот это нервы!

Я уже успел снять штаны, когда услышал его равнодушное замечание:

— Ну и народу привалило! Теперь, наверняка, нас будут спасать.

Осмотревшись по сторонам, я начал поспешно натягивать брюки, чтобы не подорвать престиж европейского инженера. Видно, все мужчины селения пришли посмотреть на автомобиль, превратившийся в лодку. Царило всеобщее веселье, пока не явился очень важный, седой старец.

Одним движением руки он утихомирил развеселившуюся молодежь, а потом спросил, хотим ли мы ехать вперед или возвращаться назад.

— Разумеется, назад!

В одно мгновение в воде оказалось множество мужчин. Всем им, очевидно, было очень весело: они брызгали друг на друга водой, гримасничали и хохотали. Потом тесным кольцом окружили машину. Те, кто не нашел за что ухватиться, чувствовали себя обойденными судьбой. По чьей-то громкой команде «газик» был приподнят вверх и начал приближаться к берегу. Когда мы оказались на суше, я вышел из машины, чтобы поблагодарить за помощь и поделить между присутствующими бахшиш.

Неожиданно молодые люди в смущении отошли. Смех утих.

Ко мне подошел старец и в двух словах объяснил, что ни о какой плате не может быть и речи и что возможна лишь одна форма благодарности: принять приглашение на вечерний чай.

Торжественно, не спеша, в сопровождении всех своих «спасителей» мы направились к дому, отличавшемуся от прочих размером и опрятностью.

На галерее был разостлан ковер, на нем — чайники с чаем, пиалы, очищенный миндаль, фисташковые орешки и белые, похожие на абрикосы конфеты. Мы расположились на глиняном возвышении так, чтобы не подбирать под себя ноги.

Нас спросили, будем ли мы пить черный или зеленый чай. В большинстве своем жители Афганистана пьют зеленый чай без сахара. Считаю (я имел возможность

убедиться в этом на собственном опыте), что этот напиток не только быстро утоляет жажду, но и оказывает весьма благотворное действие на печень и почки. Черный чай наливают в чашки, до середины наполненные сахаром, который при этом не размешивают.

Разговор за чаем начал хозяин, который спросил, кто мы и чем занимаемся.

В этот момент к нему подошел какой-то молодой человек и поцеловал руку. Они обменялись несколькими фразами, но так быстро, что я не успел сообразить, о чем идет речь. Заметил только, что старца называют ходжа-саиб. Это означало, что он совершил паломничество в Мекку.

Вновь прибывший занял по приглашению старика место на ковре, перед ним появились чайник и пиала. Гости заволновались и заговорили вполголоса.

— Этот человек прибыл из Кабула,— объяснили нам.

Я решил, что наступило время прощаться. Мы поднялись. По обычаю, левая рука на груди, правая приготовлена для рукопожатий! Спасибо за помощь, спасибо за прием...

Почему же все-таки наших друзей взволновали новости из Кабула? Всю дорогу я размышлял над этим.

Дома у калитки нас ждал Раим.

— Салам алейкум, инженер-саиб. Машина в порядке?

— Салам, Раим-джан. Конечно, в порядке. А что слышно здесь?

В темноте я не мог разглядеть его лица, но ответ последовал многозначительный:

— Одно — хорошо, другое — плохо.

— Инженеры дома?

— Да, саиб!

Мы быстро прошли через сад. У Зыгмунта сидел Конрад и оба переводчика.

— Хорошо, что вы вернулись. Мы уже беспокоились. Тут Саид о таких чудесах рассказывает. Чадра запрещена, в чалмах ходить нельзя... В чайханах только о том и толкуют. Опасаются беспорядков, которые могут быть обращены против иностранцев. Указ короля

ождается к празднику независимости, то есть через неделю. Что делать?

— Думаю, лучше всего пойти спать. Времени для размышлений еще достаточно,— неожиданно высказался Бронек.

Скорее для порядка Конрад спросил, есть ли у кого-нибудь другие предложения. Их не было.

На следующий день мы, как обычно, выехали на работу. Предполагалось, что это последний объезд участка. Обе группы уже разработали несколько перспективных проектов новой трассы. Надо было произвести окончательный выбор и представить министру два технически обоснованных варианта.

Лошади ждали нас в чайхане Гуляма.

Приблизительно на полпути от Пули-Хумри к Айбаку у подножия «Фисташковых гор», рядом с небольшим горным потоком, три одноэтажных строения образуют подворье, ограниченное с четвертой стороны маленьким прудиком и огромным абрикосовым деревом. Почти каждый транспорт, следующий по мазарской трассе, останавливается здесь перед штурмом «Фисташковых гор» или после него.

Сколько бы раз мне ни приходилось проезжать мимо чайханы, я всегда заглядывал в нее хотя бы на чашку чая. Гулям неизменно составлял мне компанию. Я очень полюбил его.

Приземистый брюнет с круглым смуглым лицом, он был воплощением добродушия. Из-под черной чалмы и огромных косматых бровей открыто и озорно смотрели карие глаза.

Он не только содержал чайхану, но и занимался мелким предпринимательством. Выступал, например, в качестве посредника при найме лошадей, которые ходили на арабских скакунов: короткая плотная шея, маленькая голова, тонкие ноги. На каменистых горных дорогах они были незаменимы. Безошибочно выбирали путь там, где человек не знал, куда ступить.

Долгое время я не мог постичь секрета езды рысцой. Об английском способе не могло быть и речи — лошади сразу же переходили на галоп. Местные седла совсем не той формы, что наши. Глубокие, короткие, они сделаны из дерева и обтянуты расшитым бархатом. Передняя лука заканчивается серебряным украшением в виде шара.

В принципе мы с Бронеком уже выбрали трассу номер один. Она проходила вдоль «Фисташковых гор» по постепенно сужающейся долине, коротким, пятикилометровым участком преодолевала перевал и, огибая в виде довольно острой излучины узкий проход в скалах, выходила в широкую Айбакскую долину.

Умеренно обогреваемая солнцем и получая достаточное количество осадков, трасса обладала также множеством прочих достоинств. Не требовала объемных земляных работ, за исключением участка через перевал. Минимальное количество мостов, туннелей и дорожных укреплений свидетельствовало об экономичности проекта.

Второй вариант мы имели в виду представить лишь для того, чтобы стали нагляднее преимущества первого.

По линии будущей трассы вдоль высохшего русла тянулись на несколько километров каменные курганы метровой высоты. Они состояли в основном из чистого гравия, так необходимого для строительства. Все более суживающаяся долина разветвлялась через каждые несколько сотен метров. Если бы не высокие камни, здесь было бы легко заблудиться.

Около полудня мы добрались до водопада. В это время года со скалистого выступа стекали лишь капли горько-соленой воды. Мы опешились. Заросли фисташковых деревьев укрыли нас от полуденного зноя. Отпив из манерок несколько глотков чая и перекусив чапатами, мы с удовольствием растянулись на траве. Вокруг стояла тишина. Дыхание становилось более ровным, глаза закрывались сами собой.

Только я задремал, как неожиданно почувствовал сильное пожатие руки Бронека. С трудом поднял веки и посмотрел на край скалы, расположенной метрах в двадцати от нас. С нее медленно опускались дикие бараны. Их было семеро. Перескакивая с камня на камень, они, не замечая нас, приближались и вскоре достигли долины. И вот они уже в сорока шагах.

Красивые животные. Концы огромных, рифленых рогов доходят почти до самых лопаток. Блекло-желтая шерсть, белое пятно на груди, мощные мускулы.

Вожак стада — самец неожиданно остановился и поднял вверх голову. Кто-то из солдат протяжно свистнул. Дикие бараны мгновенно повернулись все разом и

опрометью бросились в гору. Каждое движение вожака безошибочно повторялось остальными. Стадо пересекло скалу высотой в несколько сотен метров. Эхо еще разносилось где-то у самых вершин, когда последний муфлон исчез за горным хребтом.

Я взглянул на присутствующих. Бронек, опершись на локоть, с восхищением смотрел туда, где скрылись животные. Зигмунт спокойно перезаряжал пленку в аппарате. Конрад, казалось, хотел бежать вслед за муфлонами. Двух солдат дрожь пробирала от возбуждения. Глаза у них блестели, руки беспорядочно блуждали по зеленым мундирам. Они что-то бормотали себе под нос... Если бы было с собой оружие!.. Каждый житель Афганистана — прирожденный охотник, однако охота, как правило, остается для них мечтой. Ружья и боеприпасы очень дороги, а дичь в земледельческих районах страны встречается редко.

Мы двинулись дальше.

Черные отверстия больших пещер зияли на фоне залитых солнечным светом скал. Сотни овец находили здесь зимой убежище. Дно пещер устилает слой навоза в несколько метров — источник тепла для зимующего стада. Ночами пастухи жгут костры перед входами в пещеры, а опромные собаки несут сторожевую службу.

Ослиная тропа, по которой мы поднимались к перевалу, становилась все более отвесной, но и более ровной. Из скал мы выехали на глинистые взгорья, крутые склоны которых изрезаны потоками дождевой воды.

За перевалом постепенно снижающаяся долина вела к высохшему руслу ручья и далее к скалистой цепи, замыкающей выход в Айбакскую долину. Русло проходило через Скалистый зев. Мне не приходилось еще видеть места, в большей мере заслуживающего такое название.

Ущелье между двумя каменными стенами сужается здесь до такой степени, что человек пробирается с трудом. У края ущелья вода вымыла в скалах абсолютно гладкий желоб, по которому можно съехать в слегка расширяющуюся горную котловину. Еще одно ущелье — и перед вами открытое пространство. Каменистое русло безводного ручья переходит в тянущиеся на целые километры земляные трещины — следствие сейсмических явлений.

В соответствии с намеченным планом за горным сед-

лом нас ждала машина. Здесь произошла небольшая задержка, ибо Раим дорвался до одного из коней и теперь хвастался умением ездить галопом. Потом он долго растирал затекшие ноги, но вид сохранял бра-
вый — явно ждал похвалы.

Я уже собрался было выразить ему свое восхищение, но меня опередил владелец лошадей. Он с издевкой произнес что-то по поводу искусства наездника, после чего Раим быстро сел за руль и, бормоча что-то себе под нос, дал полные обороты мотору. Мы двинулись в путь.

Было около четырех часов дня. Я настаивал на том, чтобы заглянуть еще в селение, расположенное высоко в горах. Селение было видно с дороги. Я не исключал, что туда можно подвести новую трассу.

Трудности начались на первых же километрах. Приходилось пересекать поперечные долины. Раим высказывал вслух свои опасения за рессоры, коллеги упрекали меня за шальную идею. В конце концов все сошлись на том, что коли уж заехали так далеко, то нет смысла возвращаться назад. Через час пути, разнообразие в который внесли совместное подталкивание «газика» и уборка с дороги больших камней, мы добрались до белых, прижавшихся друг к другу домиков маленького селения. Над крышами возвышалась глиняная башенка минарета.

Навстречу вышли несколько стариков, которые пригласили нас на чашку чая.

Раим молниеносно взял «интервью» и шепнул мне на ухо:

— Здесь великолепная вода. Такой вы еще не пили.

Речь шла об источнике. Чтобы увидеть это чудо, надо было подняться в гору еще на несколько сотен метров, к самому основанию отвесной скалы. В том месте, где кристальная холодная вода била прямо из скалистой стены, была сделана полукруглая ниша метрового диаметра. Дно ниши, имеющее форму чаши, служило своего рода резервуаром для питьевой воды. Женщины в чадрах наполняли здесь круглые кувшины с узкими горлышками.

Деревянный желоб соединял источник с расположенной ниже поилкой для лошадей и ослов. Избыток воды поступал отсюда в небольшой, обнесенный глиняным валом прудик. Деревянная изгородь не позволяла поить

скот прямо из него. Стоя по колено в воде, пастух ведром наполнял длинное дощатое корыто, около которого теснились овцы. Чуть поодаль ожидали своей очереди плотно сбившиеся в кучу стада.

Ноги пастуха были обернуты полотном в несколько слоев. Я спросил его, зачем это надо. Тогда пастух прервал на время свою работу, быстро опустил руку в воду и вынул пиявку величиной с большой палец.

Холодная, вкусная родниковая вода заметно прибавила нам сил. Распроставшись с седебородыми старцами, мы двинулись в путь к Айбаку.

Саид, видимо, очень нервничал. Он сидел прямо в дверях чайханы на углу улицы и при виде нас сорвался с места и побежал навстречу.

— Почему так поздно? В восемь мы должны быть у начальника округа,— в голосе его слышался упрек.

Начальник, как выяснилось, решил совместить официальную аудиенцию с частным приемом у себя дома.

Душ из лейки, которую высоко держал Исмаил, переодевание и легкая трапеза отняли всего несколько минут. Ровно в восемь мы уже стучались в ворота сада местного сановника.

Домой возвращались далеко за полночь. Окружной начальник не только доказал нам свое расположение, угостив ужином, но и официально пригласил на праздник независимости. Это несколько спутало наши планы. Мы собирались к Гумелям, но, в конце концов, первый день праздника можно было провести и в Айбаке, а второй и третий — в Баглане.

ДЖАШН *

Сразу за городом начиналось обширное поле, отделенное от последних строений рядом пирамидальных топей. Во время празднеств здесь сооружалась трибуна и на высоких флагштоках укреплялись флаги.

Когда в десять утра мы приехали сюда, на площади перед трибуной уже толпилась разряженная публика. Неожиданно появился полицейский в новом мундире с перекрещивающимися на груди белыми полосами. Он приветствовал нас по всем правилам и доложил, что начальник ждет на трибуне, затем полицейский двинулся вперед, прокладывая нам путь.

Окружной начальник встретил нас очень радушно и представил местным властям: начальнику полиции, руководителям почты и казначейства.

Но вот начальник поднялся, слепка перегнулся через барьер трибуны и произнес праздничную речь.

Джашн имеет свою традицию. Это праздник независимости, которой народ Афганистана добился в 1919 году в упорной борьбе против английских колонизаторов.

Когда начальник округа закончил свою речь, слушатели наградили его аплодисментами.

Меня охватило вдруг неодолимое желание принять активное участие в празднестве. Я поднялся с места и потянул за собой Саида. Решимости моей не сломили ни выражение удивления на лицах Зыгмунта и Конрада, ни беспокойство Бронека.

Саид быстро понял мои намерения. Он подошел к

* Джашн — праздник независимости в Афганистане.— *Прим. ред.*

начальнику и сказал ему несколько слов, на что тот ответил утвердительным кивком головы.

Я приблизился к барьеру и ощутил на себе тысячи недоверчивых взглядов. Впервые в этих краях иностранец, чужой по вере, по языку и, видимо, по духу, обращался к народу. И старики, и чернобородые, с пламенным взором мужчины, и совсем молодые парни наверняка недоумевали: что этот инженер-чужеземец может сказать в день их праздника?

Саид, взволнованный до того, что у него дрожали руки, выжидающе посмотрел на меня.

Совершенно неподготовленный, я старался говорить короткими, ясными фразами, которые можно было бы без труда перевести на дари. С тех пор прошли годы, и я уже не в состоянии дословно воспроизвести свою речь. Я говорил о свободолюбии народов Афганистана и моей родины, о том, что и у нас, в Польше, и в Афганистане нужно много строить. О том, что мы приехали сюда помочь строить дороги. Закончил я добрыми пожеланиями, особо подчеркнув нашу симпатию к народам Афганистана.

Когда прозвучали последние слова перевода, сделанного Саидом, раздались бурные аплодисменты. Громче всех хлопал сидевший перед самой трибуной Гулям. Окружной начальник от души пожал мне руку.

Я вновь оказался на своем месте. Лица коллег уже были спокойными и веселыми. Конрад даже выразил свое одобрение. Но наибольшее удовольствие доставил мне Раим. Он подошел со сложенными на груди руками и глубоко вздохнул, глядя в небо.

— Ай, инженер-саиб, а-а-ай!.. — В голосе его было столько трогательного восхищения, что я чуть не заплакался.

Потом состоялся парад всадников, закончившийся праздничными залпами. Стреляли как из современных маузеров, так и из старинных кремневых ружей. После полудня предстояли конные состязания — бузкаши, а потом банкет.

Когда около четырех часов мы вновь появились на трибуне, то там уже находился начальник округа с женой и матерью. На голове у обеих женщин были шелковые платки, глаза предохраняли от солнца темные очки. Сидели они в закрытой с трех сторон ложе. Впервые я увидел здесь женщин без чадры.

Как выяснилось, никто не заставлял их открывать лицо. Отменялось лишь право отца или мужа карать женщину, появившуюся на улице без чадры. Слух о запрете носить чалму также оказался ложным. Был издан, по-видимому, приказ для офицеров и государственных служащих всячески содействовать прогрессивным начинаниям в области быта.

Мы ожидали начала состязаний. На поле перед трибуной гарцевали на лошадях сто всадников. Среди них были совсем молодые наездники в кожаных или меховых шапках и более солидные — в чалмах и стеганых халатах.

Кони были разные. Особое внимание обращал на себя рослый вороной жеребец, напоминающий арабского скакуна, но размерами значительно превосходивший представителей этой породы. Позже я убедился, что разной породы кони выполняют различные функции в игре. Тягловые, выступая в роли игроков в регби, теснят толпу всадников, чтобы открыть своим наездникам доступ к туше барана. Скаковые используются для погони. На особо выносливых и ловких скакунах — игроки, которые должны унести добычу.

Богато расшитые седла, серебряные стремяна искусной работы, украшенная серебром сбруя — все привлекало внимание. Это были великолепные образцы восточного прикладного искусства.

Состязания начались. В центре площади — углубление, а в нем — туша барана. На одинаковом расстоянии, в ста метрах от центральной линии, воткнуты в землю два флажка: с одной стороны красный, а с другой — зеленый.

Вдоль линии флажков выстроились шеренгой — по пятьдесят в каждой партии — всадники с зелеными и красными перевязями. По знаку начальника обе команды лавиной ринулись к центру.

Правила игры простые. Надо, не сходя с лошади, схватить барана, объехать с ним вокруг собственного флажка и водворить на прежнее место. Тушу, захваченную кем-либо из команды противника, можно отобрать и, совершив с ней круг около своего флажка, опять бросить в углубление. Тушу нельзя перекидывать через седло, а надо держать в руке, поддерживая лишь голенью ноги. Запрещается также поднимать коня на дыбы.

Первая фаза состязания немного напоминает игру в

регби. Беспорядочной массой всадники пытаются прорваться к барану. Раздается свист, ржание лошадей. Можно погонять как своего, так и чужого коня. В горячке часто достается и всадникам. Не случайно на многих участниках надеты толстые ватные куртки, кожаные шлемы на вате, закрывающие уши.

Клубы пыли, поднятой конскими копытами, на мгновение заслоняют решительно все. С поля битвы доносятся все более яростные крики. Публика неистовствует.

Вдруг из плотного круга вырываются три всадника. За ними следом другие. Шум на трибунах все усиливается.

Красные захватили добычу, зеленые атакуют. Главное теперь — не позволить очастливому обладателю трофея объехать вокруг флажка. Защитники отбивают атаки противников. Всадники, сбившись в кучу, все дальше удаляются от трибун. Но уже через минуту они с головокружительной скоростью мчатся назад.

Зеленые отвоевали тушу. Вздывая тучи пыли, впереди несется небольшой буланый конь. Партнеры блокируют погоню. В атаку бросаются оставленные на площади резервы.

Обладатель барана делает широкий круг у флажка. Еще несколько метров — и победа! Каждый последующий шаг все опаснее и труднее. Противники осадили углубление, в которое надо бросить тушу... Опять потасовка... Есть! Оглушительный рев публики возвещает о победе.

Раскрасневшийся всадник вместе со своим вожаком подъезжает к трибуне. Окружной начальник вручает приз: пятьсот афгани — для всей команды и банкнот достоинством в сто афгани — счастливому победителю. Раздаются бурные овации.

А через минуту начинается новый раунд. Из десяти игр четыре выиграли красные, шесть — зеленые.

В перерывах давал представление местный шут. Я не очень понимал, над чем смеются начальник и ближайшие ко мне зрители, чувствовал только, что они подсмеивались и над нами. То ли над нашими головными уборами, то ли над обувью...

Уже наступила ночь, когда, взволнованные экзотическим зрелищем и запыленные с головы до ног, мы возвращались домой. По дороге я еще раз увидел вороного жеребца. Он бежал легкой, упругой рысью. Всад-

ник, слегка повернувшись в седле, одной рукой натягивал вожжи, отчего шея лошади красиво изогнулась. Другая его рука, с кнутом, свисала вдоль седла. Человек и конь составляли одно целое.

По пути домой мы разговаривали только о лошадях. Оказывается, цены на них в Афганистане очень разные и иногда превышают несколько сот тысяч афгани. Некоторые тратят на коня все свое состояние. Красивый скакун — предмет гордости и мечты. Провинции Каттаган и Мазари-Шариф издавна славятся торговлей лошадьми, их команды неизменно оспаривают первенство в конных играх.

Когда мы проходили мимо одного из сералей, до нас донеслись звуки музыки. Любопытство одержало верх над усталостью, и мы вошли в обширный, слабо освещенный двор.

Несколько сотен человек сидели здесь на ковриках, килимах, или просто на земле. Проворные слуги разносили чай. На небольшом, освещенном керосиновой лампой возвышении находились музыканты.

Три струнных инструмента напоминали по форме наши мандолины: резонансную коробку продолжает очень длинный, толстый гриф. Клавиатура — как на нашем аккордеоне. При исполнении инструмент держат в вертикальном положении. Правой рукой нажимаются клавиши, левой приводится в движение расположенный сзади клапан. Ударные инструменты в оркестре — два барабана, большой и малый. Играют на них то всеми пальцами руки, то выгнутым большим пальцем.

Местная музыка трудно воспринимается европейцами. При длительном слушании утрачивается ощущение восточного колорита, мелодия кажется пискливой и монотонной. Оркестр здесь, как правило, лишь сопровождает вокальное соло. Пение также весьма отличается от нашего. Певец фальцетом, слегка в нос, выводит чрезвычайно сложную мелодию. Постоянные модуляции, напряженность голоса создают настроение, соответствующее тексту песни.

Мне казалось, что мелодии часто повторяются. Экбаль, который пользуется репутацией человека музыкального и сам часто напевает грустные песенки, уверял меня в обратном. Но для нас все мелодии продолжали звучать по-прежнему однообразно. Со своей стороны мы много делали для того, чтобы приобщить аф-

гайских друзей к нашему песенному искусству. Однако ни «Шла девушка...», ни «Каролинка», исполняемые и хором, и соло, и в магнитофонной записи, не производили ни малейшего впечатления на местных слушателей. Они попросту никак не реагировали. Казалось, лишь учтивость не позволяла им высказать свое неодобрение.

На импровизированной эстраде наступило некоторое оживление. Зазвучал неокрепший детский альт, лоямаясь и переходя вдруг в высокое сопрано. Ему вторила музыка. Красивый худенький юноша с огромными подкрашенными глазами стал исполнять танец. Мягкие, женственные движения рук, головы и бедер удивительно напоминали искусство индийских танцовщиц. Плавно перемещались в воздухе маленькие узкие кисти рук; ноги были почти неподвижны. На совсем еще детоком хорошеньком личике — выражение печали и сосредоточенности. Танец мальчика просто очаровал меня.

Утром шоферы приготовили нам маленький сюрприз. Картина багланского бассейна и тенистого садика Гумелей, мысль о домашнем венгерском обеде ушли куда-то далеко. Саид печально сообщил нам, что ехать нельзя, что машина Раима сломалась. Бальта тяжело заболел, да и вообще грузовик не в счет, а Абдулла уже уехал в Мазари-Шариф за провиантом для солдат. Неприятная весть настигла нас в «канцелярии» за картами.

— Ну что ж, проведем праздник здесь, — сказал Бронек с невозмутимым спокойствием.

Бесстрастное и вполне деловое высказывание Бронек заставило Якубовского вскочить с места.

— Надо звонить в Мазари-Шариф или идти к начальнику!

Зыгмунт предложил было уехать на автобусе. Саид все с тем же покорным выражением лица по мере надобности давал пояснения: мудир уехал в Кабул, начальник — с визитом у губернатора, автобусы в джашн не ходят. При этом он разводил руками, а затем складывал их на груди, печально глядя на нас.

— Хорошо, Бальта болен, ну а машина его в порядке? — рискнул спросить я.

— Машина-то в порядке, да она без шофера...

— Я поведу,— решительно заявил я и, заметив недоумение коллег, отчаянно соврал.— На таких грузовиках я проехал не одну тысячу километров.

— Отдаете ли вы себе отчет в том, что значит переезд на таком транспорте через «Фисташковые горы»? — выступил Зыгмунт.

— Разумеется. Впрочем, кто боится, тот может не ехать.

Не откладывая дела в долгий ящик, я отправился к Бальте. В этом молчаливом, серьезном на вид человеке я интуитивно угадывал друга. И все же следовало ожидать решительных протестов, а может быть, и категорического отказа. Где-то в глубине души я даже надеялся на это. Тогда волей-неволей пришлось бы отказаться от наших праздничных планов, что было бы воспринято всеми как неизбежная необходимость.

К моему удивлению, Бальта, не говоря ни слова, дотянулся до висевшей у него над головой блузы и протянул мне ключ. Думал ли он, что я не сумею тронуться с места, желал ли мне аварии или действительно доверял,— так и осталось тайной.

Самой большой помехой оказался Рамазан. Этот толстощекий помощник Бальты поймал меня в саду, стал на колени и начал умолять, чтобы я отказался от своего рискованного замысла.

Я прервал его, спросив, исправны ли тормоза.

— Все в порядке? Тогда едем.

Теперь в игру вступило самолюбие. Видя, что решение мое непоколебимо, килинар спросил плаксивым голосом, возьмем ли мы пассажиров.

— Конечно, возьмем.

Кузов должен быть нагружен, тогда машина будет устойчивее и ее не так сильно будет трясти.

Рамазан поспешно удалился в сторону базара.

Я вышел на улицу, чтобы осмотреть машину, которая могла оказаться моим врагом или другом. Восьмитонный «зил» с четырехскоростной коробкой скоростей и пневматическими тормозами имел вид весьма потрепанный. Некрашенный со времен заводской сборки, он сохранил следы многочисленных дорожных происшествий. Лишь шины, видимо недавно замененные, были в превосходном состоянии. Я включил зажигание. Прогретый на солнце мотор тут же заработал чисто и ровно.

Машина тронулась. Тормоз! «Зил» замер на месте. После этой маленькой проверки, заметно поднявшей мое настроение, я вернулся домой.

Но здесь выяснилось неожиданно, что Бронек с удовольствием проведет праздник в саду на лежанке. Вжеснёвскому пришло в голову совершить прогулку пешком по окрестностям — он оделает чудесные кадры. И только Конрад выразил желание делить со мной и злую и добрую долю. Бывший офицер саперных войск не страшился опасностей и происшествий.

Около двух, сразу после легкого обеда, мы заняли места в шоферской кабине. Нас провожала целая толпа. В последнюю минуту ко мне подбежал Рамазан и жалобно попросил:

— Пожалуйста, потише, инженер-саиб!

— Хорошо, хорошо, Рамазан. А где же твои пассажиры?

Он указал рукой на пересечение нашей улицы с шоссе и поспешно влез в кузов.

Мы уже тронулись, когда на подножку вскочил Раим. И пока мы ехали двести метров до поворота, я выслушивал советы, которые он шептал мне на ухо.

Желающих ехать оказалось человек двадцать, и все с солидным багажом — мешками с зерном, мукой и прочими довольно объемистыми тюками. Хотя машина не была заполнена и наполовину, нагрузка все же получилась порядочная. Я терпеливо ждал, когда закончится посадка.

Впервые в жизни я услышал обращенное ко мне «Бурубахайр!» Рамазана, и мы тронулись. Все шло хорошо. До самого перевала я знал почти каждую выбоину на дороге. За несколько последних недель мне приходилось ездить по этой трассе по крайней мере два раза в день. Трудности начинались только за перевалом. Весь отрезок дороги через «Фисташковые горы» я решил проехать на второй или первой скорости.

Достигнув наивысшей точки, дорога резко спускалась вниз, проходя по глинистой почве. На изломе горы — крутой поворот, ширина проезжей части едва превосходит ширину кузова. Медленно, на первой скорости, тормозя только мотором, мы спускались вниз. Это было самое опасное место трассы. На разъездах Рамазан бежал сзади с деревянным клином. Порой мне приходилось поджидать его. Странное удовольствие доставляли

Мне его выкрики «Бурубахайр!», свидетельствовавшие о том, что он уже в машине.

Около четырех, после длительного, разнообразного по впечатлениям спуска, я остановился перед чайханой Гуляма. Пассажиры вышли для вечернего омовения, после которого полагалась чашка чая. Я ждал в кабине.

Дверца неожиданно отворилась, и в кабину просунулась большая рука. Меня обнаружили. Отказаться от плова и чая было невозможно. Ужинали мы на нарах, в тени большого абрикосового дерева. Гулям не взял денег. Он принимал нас как своих личных гостей. С чмоканьем, сложив руки на груди, еще раз благодарил меня за речь, произнесенную на празднике. Однако Конрад непременно хотел уплатить Гуляму. Европейское достоинство не позволяло ему бесплатно обедать в чайхане. С трудом нам удалось объяснить ему, что отказаться от угощения значило бы причинить хозяину несравненно больший моральный ущерб, нежели тот, который составит стоимость обеда.

Удалившись на несколько километров от чайханы, мы выехали на степную дорогу. Опаленная солнцем глина превратилась за время летней засухи в твердую, идеально ровную поверхность. Надо было лишь объезжать трещины, нагромождения камней, топкие места. По обе стороны шоссе, как правило, проложено уже несколько готовых дорог. И ни один шофер не поедет по асфальтированной, уже сильно выбитой трассе, когда в его распоряжении всегда есть гладкие степные, расходящиеся в самых разнообразных направлениях. Если встречается существенная преграда — овраг или глубокая трещина, — они поворачивают к шоссе, а миновав трудный участок, опять убегают в степь.

Так мы ехали на юго-восток, до того места, где дорога сужается, проходя между глинистыми откосами нагорьев. Низкий, но достаточно отвесный перевал переходит в большую излучину, идущую среди полей и пастбищ большого селения. Отсюда уже было недалеко до Пули-Хумри.

Мы задержались на стоянке автобусов. Пассажиры высадились буквально за одну минуту, но взимание платы за проезд заняло минут пятнадцать.

— Все готово, едем! Бурубахайр! — возвестил наконец красный, вспотевший Рамазан.

Через сорок минут Гумели заключили нас в свои объятия. В течение последующих двадцати Конрад уже рассекал водную гладь бассейна спокойным, ритмичным кролем, а я плыл следом дерзновенным брассом.

— Сташек, Сташек, здравствуй! — послышался вдруг знакомый голос.

Володя в белой шелковой рубашке махал нам с берега.

— Привет, Володя! А где же...

Я не успел закончить фразу — в воздухе мелькнули синие плавки, и гибкое тело Саши на мгновение ушло под воду.

Бодрые, освеженные, вышли мы на берег. Сколько интересного предстояло рассказать друг другу! Володя и Саша, как выяснилось, заменили нас не только на каттаганских дорогах, но и в домике супругов Гумелей. Я очень обрадовался этому обстоятельству. Вечером вместе с хозяевами мы отправились на Сашином «газике» в Новый Баглан.

Площадь и парк за резиденцией губернатора щедро иллюминированы. Некоторые предприятия — сахарный завод, прядильная фабрика в Кундузе, электростанция и текстильное предприятие Пули-Хумри — выстроили временные цирковые павильоны, весьма любопытные по форме и затейливо освещенные.

Чтобы пробраться к ним, надо было пройти через кордон полиции, которая определяла на глаз, кто достоин этого, а кто нет. Не удостоенные доверия были вынуждены довольствоваться пребыванием на площади рядом с цирком. Рестораторы установили здесь кухни-временки. На маленьких переносных колосниковых решетках запекался кебаб; местные острословы веселили публику.

В цирке представление шло не прекращаясь. Странствующий укротитель змей хвастался доверием к нему черных кобр, демонстрируя при случае и других змей, меньших по размеру, но, по-видимому, еще более ядовитых. Зрителями здесь были только мужчины.

Вернемся, однако, за кордон, на доступную нам территорию для избранных.

Объявленное официальное выступление жен и дочерей ответственных должностных лиц перенесено на более позднее время. И это вполне разумно. Ведь на праздник в город стекается множество людей из самых

отдаленных мест, зачем же искушать судьбу? Представление можно устроить и позже.

Украшением вечера были немногочисленные европейские дамы. Они уже примелькались здесь и не представляли, видимо, непосредственной опасности для нравственных устоев мусульманской семьи.

Праздник отмечали группами, в различных павильонах и палатках. Чай, плов и жаркое подавали бесплатно. В больших корзинах стояли фрукты. Друзья протягивали нам руки. Приветствиям не было конца. Больше всего я обрадовался Абдул-хану. Он присоединился к нам. Хвалил Володю и Сашу. Мы выпили десятки чашек чая, везде приходилось есть, и я уже начал опасаться за свой желудок.

Около девяти появился губернатор в окружении нескольких приближенных. Хлопком в ладоши он подал знак к началу состязания борцов.

Местные правила делают этот вид спорта чем-то промежуточным между дзю-до и классической борьбой. В начале первого раунда противники ходят по кругу, сначала в одну, потом в другую сторону. Одеты они в шаровары и блузы, подпоясаны широкими поясами. И вот начинается схватка. Здесь все средства хороши, можно даже хватать друг друга за голову, лишь бы повалить противника. Мне так и не пришлось увидеть никаких изысканных приемов. Противники перевертывали один другого элементарно: подставив ногу или перебросив через себя. Схватка продолжалась на земле до тех пор, пока кто-либо из борцов не оказывался на лопатках.

Интерес к состязаниям обнаруживали немногие. Никакого сравнения с памятной ночью петушиных боев в Пули-Хумри.

Около одиннадцати общество сильно поредело. Супруги Гумели беззастенчиво зевали. Не теряя времени, мы отправились восвояси. Почтенный «газик» доставил нас домой за пятнадцать минут.

О том, чтобы отказаться от вечернего бокала вина в тихом садике венгров, не могло быть и речи. Наконец мы с Конрадом отправились спать, но тут в дверь постучал Володя:

— Зайдите к нам!

Конрад едва внятно пробурчал, что никуда не пойдет. Я же далеко за полночь все еще обсуждал с Воло-

дей и Сашей уюпехи киевского и тбилисского «Динамо» за бутылкой «московской».

Весь следующий день мы провели между бассейном и домиком Гумелей. Какое это было блаженство! Домашний пирог с вином и кофе в тенистом садике после прохладной, освежающей ванны. А потом олять купание.

Как-то раз я увидел собаку и маленький пушистый комочек у нее между лапами. Вспомнив, что моя дочь мечтает о собственном песике, я начал рыскать среди зарослей кукурузы, в которых скрылась сука со своим щенком. Через несколько минут у меня в руках уже был грозный, рычащий, обороняющийся острыми, как иглы, зубами щенок. Так наше айбакское общество увеличилось на четыре нескладные лапы, пару черных глаз, влажный нос и ненасытный круглый живот. В честь утрачивающего права гражданства женского покрывала я назвал щенка Чадрой, в соответствии с установленным полом. Впоследствии оказалось, щенок стоил мне гораздо больших хлопот, чем я ожидал. Солдаты и переводчики всячески его сторонились.

В Афганистане не любят собак. Собаки, обитающие в городах и селениях, в основном беспризорные, выполняют санитарные функции: подъедают падаль, остатки гниющей пищи. Обычай запрещает здесь убивать собак. Мне приходилось встречать совсем старых, запаршивевших, едва передвигающихся, похожих на скелеты животных. Собака считается нечистым созданием. Видимо, потому — и это кажется весьма правдоподобным, — что местный климат делает ее разносчиком паразитов.

Кочевники и пастухи держат огромных сторожевых псов для обороны от волков и бандитов. Это самые большие собаки из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть. Более крупные, чем сенбернары, они напоминают их по форме морды. Шерсть у этих гигантов серая, как у волкодавов, уши почти полностью обрезаны. Считается, что это благотворно влияет на их боевой дух.

Привилегированная публика разводит знаменитых местных борзых для охоты или маленьких беленьких домашних собачек. Собакам в Афганистане не дают имен, и об их дружбе с человеком здесь никто никогда и не слыхивал.

Как-то я сказал Райму, что собака и конь — друзья

человека. В отношении коня он поддержал меня с энтузиазмом, а по адресу собаки соорудил кислую мину.

В Айбак мы возвращались так же, как и приехали сюда. В Пули-Хумри опять взяли пассажиров с мешками. Затем чай у Гуляма, головкружительные серпантинные дорог через «Фисташковые горы». Правда, теперь я уже действовал наверняка. Даже Рамазан не проявлял ни малейшего беспокойства. Со стороны могло показаться, что мы работаем вместе много лет. Конрад был всецело занят своим четвероногим попутчиком, который проявлял явное нетерпение, ворочаясь в корзинке, взятой напрокат у мадам Гумель.

Взимание платы за проезд происходило еще более бурно, чем в Пули-Хумри. Дело доходило до рукоприкладства. Рамазан бегал по каким-то закоулкам за упорными неплательщиками. В результате мы вернулись домой в полной темноте.

В дверях появился Бронек:

— Ты что же так поздно? Для тебя письмо есть там, наверху.

Большими шагами я пересек переднюю, взлетел по крутым ступеням наверх. Миновав улыбающегося Исмаила, схватил со стола белый конверт.

В письме сообщалось, что пятимесячные хлопоты наших жен о приезде в Афганистан увенчались наконец успехом. Другим достижением было проведение в жизнь плана, нерешительно предложенного нами и вопреки традициям реализованного местными должностными лицами: впервые женщинам и детям разрешалось пересечь советско-афганскую границу не по воздуху.

На афганском берегу Амударьи, приблизительно в двадцати километрах от Термеза — советского порта и железнодорожной станции, находится селение Патта-Гисар. Достаточно доехать от Айбака до Мазари-Шарифа, затем шестьдесят километров через пустыню, чтобы оказаться у реки в пограничном пункте.

В письме точно сообщалось, кто к нам придет. Мы ждали наверняка жену Якубовского и мою с детьми, но ничего не знали о жене Сараты с сыном. После скоропостижной смерти отца она впала в глубокую депрессию, и у Бронька не было надежды на скорую встречу с близкими. Теперь оставалось ждать очередных известий из Москвы и Ташкента. Последнее должно послужить сигналом к нашему выезду на границу.

Во всем доме царило оживление. Конрад ходил большими шагами по комнате. Бронек проводил смотр кладовой.

Не менее взволнованы были солдаты и переводчики. Свет в их комнате горел до самого утра. О чем они говорили, я не знаю, но на следующий день во всем доме был идеальный порядок. В саду убран сор, выровнены дорожки. Если бы это было возможно, наши ревностные помощники, наверное, развесили бы даже персики на деревьях, о которых мы писали в письмах домой примерно так: «Тут же, под окнами, персиковые деревья, а на них фантастические плоды величиной с кулак — от желтых до темно-коричневых». За сохранение персиков я боролся упорно, но безрезультатно; они исчезали чудесным образом один за другим, хотя никто, Аллах тому свидетель, их не рвал.

Мы с Бронекком договорились при первой же возможности проехать в Пули-Хумри и привезти дополнительные чарпаи и матрацы. Предстояло также разделить квартиру. Впрочем, делить было особенно нечего, так как Сарата заранее согласился переехать в гостиницу.

После джашна жизнь наша во всех отношениях стала более беспокойной. Приехал с инспекцией мазарский мудир (это называлось «проведать своих специалистов») и сообщил, что через десять дней ожидается визит министра с целью окончательного выбора трассы через «Фисташковые горы».

С Исмаилом каждый третий вечер систематически случался какой-то странный припадок, и его приходилось отвозить в Пули-Хумри. Чтобы сократить свои ежедневные маршруты, мы решили освоить временный путь из Коталь-Санги до главного перевала нашей трассы номер один.

Самым трудным был первый километр. На «газике» нужно было въехать на скалистый уступ. Далее по отвесному откосу вела вправо ослиная тропа. В тех местах, где скала покрыта глинистой почвой, ширины тропы хватало для нашей машины. От нас требовалось лишь убрать большие камни, срыть кочки, выровнять крутизну спуска.

Значительно хуже дело обстояло там, где выступали из травы или нависали над дорогой выветрившиеся породы. Сантиметр за сантиметром прокладывали мы с помощью солдат колеи для колес. Руки инженеров, к

немалому удивлению Раима, тоже рвались к кирке. В скалистых впадинах приходилось возводить временные каменные стены.

Каждый переезд через новый участок дороги был большим событием. Раим оказывался то под колесами, то за рулем. Проклинал все на свете, жаловался на судьбу, уверял, что работа идет впустую, ибо через эти скалы не проехать ни за что на свете. Однако стоило мне выразить желание заменить его на наиболее трудном участке, как он с отчаянием в глазах трогал с места машину — и проезжал.

Обрыв остался наконец позади, дальше все шло как по маслу. Где по высохшему руслу, где по овечьим тропам мы добирались до перевала. Этот первый пятикилометровый переезд продолжался десять часов. А через несколько дней Раим уже укладывался в двенадцать минут. Прошли добрых две недели, и даже осторожный Бронек отважился проехать над обрывом. Вновь созданную трассу мы называли «дорогой Раима».

Однажды я производил измерения трудного участка около водоспуска. Неожиданно в скалах раздалось эхо выстрела. Я огляделся. Метрах в двухстах виднелись зеленая кепка и белые шаровары Раима.

— Иди сюда! — крикнул я.

Раим побежал ко мне. В руках у него была старинная одностволка. Приближаясь, он все больше замедлял шаг и наконец совсем остановился в нескольких метрах от меня. Ружье было у него за спиной.

— Что это у тебя, Раим? — спросил я.

Он все же решился показать свое оружие — выменял на часы.

— В кого ты стрелял?

— В зайца.

— И не попал? Ничего, бывает. Послушай, иди-ка ты охотиться в другое место. Человек-то побольше зайца — можешь и не промахнуться.

Раим сначала покраснел, потом задумался. Ушел не спеша. С тех пор я его больше не видел с ружьем в руках. Но тут началась целая история с Исмаилом.

Это случилось на следующий же день. Мы лежали вечером на чарпаях и пили чай. Вошли Саид и Раим. Они были явно чем-то встревожены.

— С Исмаилом плохо, инженер-саиб,— начал Раим. Мы спустились вниз. Зыгмунт и Конрад склонились над неподвижно лежащим Исмаилом. Глаза его были полуприкрыты, дыхание затруднено, лоб в испарине. Посиневшие губы шевелились, как будто он хотел что-то сказать. На смуглом лице застыла печать страдания. Полный отчаяния взгляд молил о помощи.

Сомнений не было — Исмаила нужно немедленно доставить в Пули-Хумри, к доктору Хользингеру.

Мы соорудили постель в машине, под сиденья я предложил положить камни, чтобы осели рессоры и грязь была минимальной. Исмаила перенесли с величайшей осторожностью. Бронек накрыл его одеялом, поправил под головой подушку.

Теперь предстояло решить, кто из нас четверых поедет с больным в Пули-Хумри. Ведь через несколько дней должен был прибыть министр. Работать приходилось по шестнадцать часов в сутки, дома и на участке. Между двумя нашими группами шло нешуточное соревнование. В этой ситуации каждый ждал добровольного заявления со стороны противников. Проблему неожиданно решил Саид:

— Я поеду. У вас много работы.

— Прекрасно! Поезжайте. Мы сейчас же напишем доктору Хользингеру,— воскликнули все почти одновременно.

Через несколько минут Саид появился со своим дорожным саквояжем (у меня родилось потом подозрение, что он был уложен заранее). Письмо Хользингеру было готово.

В последний момент я вскочил на подножку:

— Осторожнее!

Раим утвердительно кивнул головой.

Мы вернулись домой через темный сад. Дело в этот вечер не ладилось. Я ошибался в расчетах, Бронек посадил огромную кляксу на почти законченный план.

Утром Раим с Саидом не вернулись. Это никого не удивило. На участок мы выехали на «газике» Абдуллы, а Зыгмунт и Конрад со всеми своими подручными — на грузовике.

Вечером, не увидев машины Раима на обычном месте, мы забеспокоились. Он не появился ни на следующий день, ни в пятницу. Нам оставалось произвести последние измерения и вычертить общий план. Время,

остававшееся до приезда Кабир-хана, надо было использовать для того, чтобы представить результаты нашей работы в наиболее эффектноm виде. Сводки, графики, предварительные сметы, чертежи — все должно быть изготовлено в трех вариантах: на английском, немецком и дари. Без помощи Саида нам просто не обойтись.

Вечером наше беспокойство усилилось. Может, Исмаил уже перешел в лучший мир?

В субботу утром после завтрака я спустился с гогиометром вниз. Первым, кто попался мне на глаза, был Исмаил. От неожиданности я даже отпрянул назад, как будто увидел призрак. Ничуть не смутившись, Исмаил широко улыбался.

— Салам алейкум, инженер-саиб!

— Исмаил! Жив-здоров! Что с тобой было?

— Ничего, все в порядке.

Лицо мое стало заливаться краской. Я повернулся и, ни слова ни говоря, вошел в комнату переводчиков. Раим снимал с себя какие-то на удивление грязные одежды. Саид рылся в своем узле. Остальные еще спали.

— Саид, выйди на минуту,— обратился я к нему.

Мы вышли в сад.

— Где вы были все это время?

— В Пули-Хумри, саиб.

— А почему сразу не вернулись?

— Исмаил был очень болен.

— Но ведь сейчас он здоров и весел.

— Ну вот мы и вернулись.

— Доктор Хользингер ответил на наше письмо?

— Нет.

— Но вы хотя бы вручили его?

— Нет. Тетка Исмаила...

— Понятно, тетка Исмаила живет в Пули-Хумри, ваша — в Баглане, а Раим любит охотиться.

— Инженер-саиб...

— «Инженер, инженер»... Идите к себе.

Я вспомнил, как носил камни в машину. Перед взором возникло лицо умирающего Исмаила, и я громко расомеялся. В окне показалась голова Бронека:

— Что случилось?

— Иди поздоровайся с Исмаилом, он воскрес!

Я позвал Абдуллу и вышел на улицу.

Из-за глиняной стены доносились голоса. Нетрудно

было представить себе улыбающегося Исмаила и возбужденного Саида. В наступление двинулись Зыгмунт и Конрад.

Румяный, как свежая булочка, повязанный толстым платком Абдулла сел за руль. Около моста мы подхватили двух солдат. Нужно было произвести приблизительный обмер существовавшей дороги. Работа несложная. Мы останавливались на каждом повороте, я выходил из машины и при помощи гониометра с буссолью определял направление пути, фиксировал также показания счетчика и вносил поправки. Полученное таким образом представление о дороге с геодезической точки зрения было бесполезно, однако совершенно достаточно для общей характеристики положения дел.

Я старался по возможности точно определить пункты, где предполагаемые варианты трассы ответвлялись и вновь соединялись с дорогой. Так мы доехали до Пули-Хумри.

Когда на обратном пути, уже после захода солнца, Абдулла остановил машину перед чайханой Гуляма, в сторону Айбака отошел от нее большой, переполненный пассажирами «бурубахайр». Я не обратил на это особого внимания, так как очень устал. Мы заказали плов и чай.

Как обычно, к нам подсел Гулям. Меня несколько удивило, что он не произносил своего обычного «мистер» и вообще был какой-то вялый. Солдаты и Абдулла, обменявшись между собой несколькими фразами, молча ели.

Что-то тут было не так. Атмосфера беспокойства сгущалась. Быстро темнело.

Прощаясь с нами, Гулям дольше обычного задержал мою руку в своих огромных ладонях. Казалось, он хочет что-то сказать. Я сожалел, что со мной нет Раима. Серьезное выражение мальчишеского лица Абдуллы ни о чем не говорило. Солдаты тоже молчали.

Свет фар рассекал мрак и скользил по горной дороге. Мы упорно форсировали очередной подъем, еще более крутой, чем прежние. Вдруг прямо перед нами, в районе главного перевала, взвилась ракета. За ней — вторая, третья. На одной из вершин полыхнуло пламя.

— Что это? — спросил я с тревогой.

— Огонь, — коротко ответил Абдулла.

— Откуда?

— Не знаю,— пожал он плечами.

Мы подъехали к перевалу. Ракеты вспыхивали где-то в километре от нас. А тут еще этот чертов траверс, за ним поворот налево и перевал. На самом высоком месте дороги стоял большой «Бурубахайр», вокруг него хлопотали люди. Высокий военный в мундире цвета хаки преградил нам путь. Абдулла затормозил. С двух сторон к машине подбежали солдаты с карабинами, заглянули в кузов, отдали честь. Подоспел и задержавший нас офицер.

— Что здесь происходит? — спросил я.

— Ничего,— ответил он с улыбкой и добавил: — Там, на пружовике, иностранец. Вы не могли бы подбросить его до Айбака?

— Разумеется. Где он?

Я просто представить себе не мог иностранца, путешествующего ночью на грузовой машине. Уж не из-за него ли эта атмосфера напряженности и недо-молвок, огни ракет, солдаты на перевале? Что же все-таки происходит? Почему задержан грузовик?

Ко мне подошел шуплый, среднего роста молодой человек с чемоданом в руках. Я предложил ему место на заднем сиденье с солдатами, попрощался с командиром патруля и поехал дальше.

По дороге я старался завязать разговор с незнакомцем. Не терпелось узнать, кто он, а спрашивать напрямик не хотелось. Мы говорили по-немецки. Вскоре выяснилось, что путешествует этот человек один, ему нужно попасть в Мазари-Шариф, Балх, Акчу, Меймене и другие северные города. Я быстро сообразил, что он не немец, хотя и говорит по-немецки. На американца он тоже не похож. Незаметно для себя мы перешли на дари. Правильные, законченные фразы, чистота произношения моего собеседника свидетельствовали о том, что он знает этот язык прекрасно.

Я попробовал говорить по-английски, и тут все выяснилось — я вез англичанина, мистера Эндрю Уилсона, очеркиста и этнографа.

Мы впервые принимали в Айбаке европейца. Я коротко изложил коллегам обстоятельства, в силу которых темноволосый молодой человек «завернул к нам на огонек». В ответ услышал рассказ о беспорядках в различных районах Афганистана, вызванных нововведениями. В Кандагаре как будто даже были пушены в ход

танки. В некоторых городах объявлено чрезвычайное положение*. По Айбаку кружили полицейские патрули. Теперь мне стало понятно, почему нас остановили на перевале в «Фисташковых горах».

В честь гостя я зажарил яичницу и пожертвовал остатками «анарового денатурата». Анар — это плод граната. В несколько бутылок «московской» я добавил гранатовый сок с сахаром. Получилось нечто вполне приемлемое на вкус, но с характерным привкусом денатурата. Когда мы впервые пробовали приготовленную настойку, руки у нас слегка дрожали. Уилсон — о чудо! — выпил, что называется, не моргнув глазом.

На приеме присутствовали и переводчики. Мы рассказывали о своей работе, об окрестностях Айбака. Скалистый зев, забытая долина, Тахти-Рустам очень заинтересовали англичанина. Он решил непременно наведаться в эти места в ближайшем будущем.

Уилсон рассказывал нам о своих путешествиях по Афганистану. До этого он бывал здесь с женой, теперь ездит один. Живет постоянно в Лондоне. Пишет.

Во время беседы Саид не спускал глаз с нашего гостя. Неожиданно он подошел ко мне и сказал, что если англичанин будет ночевать в Айбаке, то ему следует отметить в полиции. Пусть мистер даст свой паспорт, а он, Саид, все оформит и закажет номер в гостинице.

Я представил Саида Уилсону. Тот достал синюю книжечку с золочеными эмблемами Соединенного королевства и вручил ее нашему переводчику. Саид сразу же начал просматривать афганские визы. Через минуту он произнес дрожащим от волнения голосом:

— Но у этого господина нет разрешения на въезд в провинцию Мазари-Шариф!

Англичанин объяснил, что в Кабуле дело с разрешением затянулось и соответствующую отметку в паспорте он получит по прибытии на место.

Было уже поздно, мы встали из-за стола. Я решил отвезти гостя в гостиницу и узнать при случае, что

*В декабре 1959 г. в Кандагаре и некоторых других городах Афганистана подстрекаемая извне феодально-клерикальная реакция попыталась организовать выступления против правительственных реформ, направленных на ускорение национального экономического и культурного развития страны. Эти попытки успеха не имели. — *Прим. ред.*

там с его паспортом. Бронек выразил желание сопроводить нас.

Для начала я подъехал к комендатуре. Через минуту мы увидели Саида, появившегося в обществе офицера. Тот осветил электрическим фонариком лицо Уилсона.

— Вы не можете выехать из Айбака, пока все не выяснится. Паспорт останется у меня, — сказал он.

Уилсон не обнаружил ни малейшего удивления. Видимо, подобного рода приключения происходили с ним неоднократно. В гостинице мы пожелали друг другу доброй ночи.

На обратном пути Саид был очень оживлен.

— Это, наверное, английский шпион. Англичане всюду засылают своих шпионов. Вы слышали о беспорядках в Кандагаре? Англичане наверняка здесь замешаны. Как-то поймали одного человека в афганском мундире, а потом оказалось, что под мундиром-то — англичанин.

Раздеваясь, мы с Бронекком размышляли над убежденным отношением Саида к англичанам. Да это было и понятно. Ведь Великобритания — государство, которое в XIX и в начале XX века угрожало независимости Афганистана. Три открытые войны (1838—1842, 1878—1880, 1919 годы), ряд военных интервенций, вся изощренность колониальной политики не в состоянии были вынудить вольнолюбивый народ к капитуляции. С тех пор здесь сохранились враждебность и недоверие ко всему английскому.

На следующий день с самого утра явился Уилсон. Лишенный возможности выехать из Айбака, он решил осмотреть Тахти-Рустам. Многозначительно подмигнув мне, Саид тут же предложил себя в качестве проводника.

После обеда мы с Уилсоном отправились в комендатуру, где ему вернули паспорт и выдали разрешение на дальнейшее путешествие. Все сомнения рассеялись, и Уилсону были принесены самые вежливые извинения.

В обществе англичанина мы провели еще один вечер. Саид исчез. Он появился лишь после отхода утреннего автобуса, с которым Уилсон уезжал в Мазари-Шариф.

НЕТ ПЛОХОЙ ДОРОГИ...

Сентябрь был на исходе. Наша четверка уже неделю занималась окончательным утверждением варианта выбранной мною и Бронекком трассы номер один.

Мы долго еще вспоминали о том, как министр приезжал к нам на участок. Оставив «Волгу» на старой дороге, он подъехал к перевалу на лошади. Здесь достаточно уставший, уже немолодой человек охотно пересел в «газик», и Раим повез его над самым обрывом.

С того дня, как проект был утвержден, мы работали в двух направлениях: Вжеснёвский с Якубовским — в сторону Айбака, Бронек и я — в сторону Пули-Хумри. Над переходом через перевал должны были трудиться все вместе.

Этот день в принципе не отличался от других. Светило красноватое послеполуденное солнце. На вершине небольшого пригорка по другую сторону расщелины сидела лиса и внимательно наблюдала за нами своими желтыми глазами. Она не пропускала ни одного нашего приезда. Мы привыкли к ее неподвижному силуэту, который стал для нас частью пейзажа.

Вечером, повизгивая от радости, нас, как обычно, встречала в саду Чадра. Она крутилась под ногами и виляла своим пушистым хвостом. Это было, пожалуй, единственное, чему она научилась за шесть недель, проведенных в Айбаке.

С самого утра мне казалось, что сегодня что-то обязательно должно произойти, но день уже подходил к концу. Поужинав, мы улеглись на чарпаях. И вдруг в комнату вошел Конрад.

— Я получил телеграмму от жены из Ташкента. Твоя семья, Сташек, тоже там. Завтра едем на границу,— торжественно заявил он.

Итак, от Барбары и детей меня отделяет всего лишь несколько сотен километров и расстояние это все время сокращается.

Я посмотрел на Бронека. Он сидел на постели, опираясь локтями на колени, закрыв лицо руками.

— А что, пани Сарата не приехала? — спросил я у Конрада.

— Мне об этом ничего не известно. Жена в телеграмме о ней не упоминает.

— Спасибо, Конрад. Когда едем?

— В два часа дня. Спокойной ночи.

Бронек продолжал сидеть в той же позе.

— Бронек, собирайся. Едем вместе,— решительно предложил я.

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем, чтобы встретить моих. А вдруг твои тоже приехали, каково им будет?

Бронек задумался. Лишь когда мы погасили свет и легли спать, он вздохнул и сказал отрывисто:

— Еду.

Наутро выяснилось, что в Айбаке остаются только солдаты, да и то не все. У Зыгмунта было срочное дело к мудиру. Оба переводчика заявили, что они необходимы на границе в связи с оформлением паспортов. Балта на своем «зиле» отправлялся за багажом, Абдулла вез Якубовского, Раиму и вовсе не приходило в голову, что мы можем обойтись без него. В последнюю минуту на грузовик вскочил Исмаил и еще двое наших помощников. Саиду пришлось пустить в ход все возможные аргументы, чтобы убедить их не ехать — дом не может остаться без надзора, да и надо приготовить его к приему женщин и детей.

В Мазари-Шариф мы прибыли к вечеру. Сильный ветер нес тучи песчаной пыли. Красно-коричневое солнце скрывалось за «Голубой мечетью».

Мудир принял нас очень сердечно. Ехать ночью через пустыню он считал бессмысленным. Если мы явимся в Патта-Гиссар завтра вечером, и то это окажется слишком рано.

— Но ведь жены и дети будут ждать нас там! Они останутся одни ночью, в пустыне.

Мудир опустил голову, стараясь скрыть улыбку из уважения к гостям.

— Прошу вас, поверьте моему опыту, отложите поездку под мою личную ответственность.

Все мы знали, что на мудира вполне можно положиться. Нам отвели отдельную комнату. Но куда девать время, которое тянулось невыносимо долго? Решили пойти в кино.

Ночь стояла ветреная и холодная. У авторемонтной мастерской Раим возбужденно разговаривал с бородатым мастером. При свете бензиновой лампы его жестикуляция проецировалась на белой стене дома. Раим бил себя в прудь, простирал руки вверх — видно было, что он пытается в чем-то убедить собеседника. В ответ мастер беспомощно разводил руками. Я подошел ближе. Увидев меня, Раим потянул бородача в мою сторону. Взволнованный шофер жаловался, что не может достать цепи. Как ехать через пустыню? Раим был в полном отчаянии.

Я прибавил шагу, чтобы догнать своих. В большом, слабо освещенном кинозале собралась мазарская «золотая» молодежь. Юноши расположились небольшими группами вокруг деревянных досок с отверстиями. Игра несколько напоминала наш бильярд. Кий заменяет здесь деревянный диск, приводимый в движение щелчком. Некоторое время я наблюдал. Потом мне разрешили даже сделать несколько таких щелчков.

На балкон провожал нас сам директор кинотеатра. Я пытался узнать, какой все же будет фильм, но директор только пожимал плечами и повторял неизменное «сипета». Как выяснилось, ничего другого он и не мог сказать. То, что нам удалось увидеть в промежутках между многочисленными и неожиданными перерывами, было симбиозом двух или даже трех индийских фильмов. Отдельные фрагменты демонстрировались в абсолютно произвольной последовательности. Зрителей это не удивляло, никто из них и не пытался разобраться в содержании. Люди на экране двигались, можно было смотреть на красивых индийских девушек — и это было самое главное.

После одного из очередных перерывов мы почувствовали, что наша жажда культурных развлечений утолена, и с легкой душой покинули кинотеатр.

На следующий день, после завтрака у мудира, мы

втроем — Конрад, Бронек и я — сели в «газик» Абдуллы. Все прочие с Зыгмунтом во главе должны были дожидаться в Мазари-Шарифе.

Дорога до Патта-Гиссара не принадлежала к разряду лучших в Афганистане. Правда, первые пятнадцать—двадцать километров не сулили тех трудностей, о которых нас предупреждали. Равнинная местность, изредка — дома из глины. Дальше — пустыня. Необозримое серое пространство.

Мы добрались до первой огромной песчаной дюны, преграждающей дорогу. Чтобы обогнуть ее, надо было свернуть в пустыню. Машина, выбрасывая из-под колес тучи черного песка, метр за метром продвигалась вперед и наконец выехала на дорогу. Еще не раз нам приходилось съезжать на песок. «Газик» проваливался по самые оси. Даже незначительное увеличение скорости или произвольное торможение приводили к тому, что машина зарывалась в песок и мы кропотливо откапывали ее с огромной затратой сил.

— Раз, два — взяли! Вперед! — кричали мы друг другу.

То и дело надо было давать мотору остыть, вода в радиаторе закипала. Во время одной из таких вынужденных передышек мы наблюдали за проходившим мимо караваном, который сопровождал старый проводник верхом на осле. На указательном пальце вытянутой правой руки старика была подвешена бутылка с водой. Едва не достающие до земли ноги раскачивались в такт мелким шагам осла. Это монотонное движение амортизировало тряску и одновременно подгоняло вислоухого. Следом шли верблюды. Первый был соединен веревкой с войлочным седлом осла, каждый последующий — привязан к хвосту предыдущего. Этот «поезд» насчитывал восемь длинноногих животных. Они двигались медленно, высоко над землей мерно покачивались тюки с хлопком. Между Мазари-Шарифом и Патта-Гиссаром постоянно курсирует несколько тысяч верблюдов. До сих пор еще не изобретено более надежного и дешевого способа перевозок через пустыни.

Вконец измученные возней с машиной в зыбучих вязких песках, мы порой готовы были бросить ее и пересечь на верблюдов.

Около четырех часов на горизонте появилась зелено-коричневая полоса. Вскоре уже можно было различить

глиняные домики, а за ними блестящую ленту Амударьи. Мы подъехали к афганскому пограничному посту, где нас приветствовал загоревший до черноты поручик. Железная дисциплина, которую он поддерживал среди подчиненных, серый мундир с выгоревшими малиновыми лацканами, тихое запустение маленького поселения — все это словно сошло со страниц романа Г. Сенкевича «Станицы».

Наши семьи еще не прибыли. Мы попросили соединить нас с Термезом. Пусть жены и дети выезжают немедленно! Всех охватило старательно подавлявшееся до сих пор возбуждение. От встречи нас отделяли теперь всего лишь часы, а может быть, и того меньше.

Комендант отнесся к нам очень внимательно. По всему было видно, что он расценивает происходящее как нечто необычное, как небывалое событие в истории своей пограничной службы. Подробно спрашивал, сколько детей, сколько женщин. Удивленно покачивал головой и наконец сказал:

— Прошу вас, располагайтесь, а я распоряджусь, чтобы подняли байрак.

— Как это — подняли байрак? — взволновался Конрад. — Зачем нам какой-то байрак? Достаточно позвонить.

Байраком оказалась выкрашенная в черные, зеленые и красные полосы балка. Поднятием ее вызывали советского коменданта пограничного поста.

— Телефона на границе нет. Это было бы нарушением правил. Разве у вас на границах существует телефонная связь между государственными постами? — спросил удивленный нашей реакцией комендант.

Мы замолкли — никто из нас ничего об этом не знал.

— Ну, хорошо, а сколько времени понадобится после поднятия байрака, чтобы кто-либо явился с той стороны?

— Дня через два-три, но бывает, что и на следующий день приезжают.

— Что? Два-три дня? Вы шутите!

Комендант поста недоумевал. Отчего это инженеры так нервничают и удивляются самым обычным вещам? Он терпеливо объяснял нам, что вовсе не шутит. Отчаявшись, мы направились к протекающей в нескольких десятках шагов реке.

У Термеза Амударья почти в километр шириной,

воды ее текут неторопливо, покатые берега поросли зеленой травой. Насколько хватает глаз — никаких деревьев, о лесах и говорить не приходится. Огромная прямая, безлюдная водная артерия. Ни вниз, ни вверх по реке взор не встречает никаких препятствий до самых линий соприкосновения коричневой воды с краснотой запада или мглистыми сумерками востока. В нескольких километрах на восток — Термез, а там — наши надежды.

— Как будто что-то плывет сюда, — вдруг забеспокоился Бронек.

Почти одновременно с первыми звуками мотора раздался сзади хриловатый голос коменданта:

— Сегодня они быстро.

Из подошедшей моторки на берег вышли два советских офицера. Светлый блондин был комендантом пограничного поста; смуглый брюнет, с ярко выраженными восточными чертами лица, выполнял функции переводчика. В превосходно пригнанных мундирах, свежесвыбритые, стройные, оба они выглядели рядом с нашим пропыленным достопочтенным комендантом как прибывшие из столицы штабные офицеры.

После того как коменданты обменялись несколькими фразами, симпатичный блондин обратился непосредственно к нам. Коротко, но весьма приветливо он уведомил нас, что наши жены и дети уже в Термезе.

Так они совсем близко! Через час, может, через два... Как сильно сжимается сердце!..

— Сколько жен? Сколько ребенков? — волнуясь, спросил Бронек на ломаном русском языке.

— Трое женщин, трое детей. Одна девочка и два мальчика.

Я обхватил Бронька за шею:

— Ну что, простофиля! Хорош бы ты был, если б не поехал!

Бронек не ответил ни слова. Он освободился из моих объятий и медленно отошел в сторону.

Мы с Конрадом приступили к настоящему штурму: не успев выслушать ответ на один вопрос, уже задавали следующий.

— Вы прямо как ваши жены. Всё сразу. Ну и хлопот же было с ними! Одна села с детьми в моторку и объявила, что едет с нами. Ни за что не хотела выйти из лодки. Так и пришлось мне пересест в другую.

«Баська!» — решил я.

— Когда же все-таки они приедут? — деловито спросил Конрад.

— Завтра. Сегодня уже поздно и темно. В темноте нельзя находиться в пограничных водах.

Ничего не поделаешь. Разумеется, мы послали горы приветов и долго махали руками, прощаясь с отплывающими советскими пограничниками.

Не спеша, улыбаясь своим мыслям, мы направились вслед за комендантом в его квартиру, которая оказалась обычной землянкой, два с половиной метра шириной, четыре — длиной и немногим более полутора — высотой.

На полу лежал сильно потрепанный, выцветший ковер. Курительная трубка — чилим, свернутые рулоном постели, несколько художественно выписанных изречений из Корана в рамках на стене, в углу кувшин с тазиком — вот, пожалуй, и весь инвентарь этой квартиры. На улице еще не угасла вечерняя заря, а здесь было уже совсем темно. Остатки дневного света не могли пробиться сквозь маленькие, закопченные, расположенные под самым потолком окна. Сидящий на корточках солдат разжигал керосиновую лампу. По примеру хозяина мы сняли башмаки.

Мы очень устали и нуждались в отдыхе. Старый офицер почувствовал это. Он сел в стороне на ковер, взял трубку, затянулся, опустив веки. На улице между тем творилось нечто странное. Завыванию ветра вторили удары песка в оконные рамы. Дверь неожиданно отворилась, в землянку вошли Абдулла и какой-то солдат, согнувшись, с большим свертком в руках. Порывы ветра мешали закрыть дверь. В свертке оказалась жестяная миска с пловом.

Комендант отложил трубку.

— Надвигается ветер, — тихо сказал он.

— Как это — надвигается? Да он уже воет, как шайтан!

На обветренном, изборожденном морщинами лице появилось подобие улыбки.

— Только надвигается, — настойчиво повторил комендант. — Прошу! — Он указал рукой на горку желтого риса.

Конрад словно пробудился ото сна. Видно было, что ни окружающая обстановка, ни перспектива скудного ужина не кажутся ему слишком привлекательными.

— Может, здесь есть какая-нибудь гостиница или хотя бы чайхана? — спросил он.

Комендант, видимо поняв смысл вопроса, бросил на Конрада быстрый взгляд. Косматые брови надвинулись на самые глаза, в уголках рта появились две новые складки.

— Гостиницы здесь нет, ресторана тоже нет. Прошу! — сказал он сухо и несколько иронично. Приглашение прозвучало как приказ.

Нам стало не по себе. Я попытался было объяснить, что не хотим причинять ему лишние хлопоты, но ничто не помогало. Мрачное выражение не сходило с обожженного солнцем лица. Только когда мы упомянули о волнении, связанном с приездом жен, комендант несколько успокоился.

Сидевший в стороне Абдулла лишь после специально обращенного к нему: «Прошу!» — придвинулся к жестяной миске. Когда старшие по чину уже ели, получил разрешение присоединиться к трапезе и ординарец. Я не раз слышал, что прислуга в Афганистане пользуется одинаковыми правами с хозяевами, однако мне впервые пришлось увидеть офицера, беседующего с ординарцем в присутствии гостей. Очередность приглашения должна была означать при этом четкое соблюдение иерархии, а также уважение, оказанное гостю в соответствии с его рангом.

Этикету в Афганистане вообще придается очень большое значение. Европейцы порой не замечают различных тонкостей в порядке приглашения, рассаживания гостей, в способах приветствия и расстановки яств. А между тем все это имеет свой смысл.

Однажды я был свидетелем, как на обеде в честь министра одному из директоров и сидящим рядом с ним служащим было предложено передвинуться, чтобы освободить место «влиятельному» сановнику.

Есть рассыпчатый рис тремя пальцами, — казалось бы, чего проще? Однако разваренные зерна выпадали из руки по пути ко рту, и на финише не оставалось ничего другого, как просто облизать пальцы. Хозяин, видимо, заметил наши муки и, улыбувшись, приказал ординарцу принести ложки для неловких гостей.

За чаем начался разговор, а вернее, расспросы старого офицера. Родом он был из Кабула. Там начал свою карьеру, там имел семью, друзей. На границе

служил уже семь или восемь лет. Это своего рода дисциплинарное взыскание. Наши попытки выяснить причины так и не увенчались успехом. Кто-то из нас спросил прямо, без обвиняков. Комендант сразу замолчал, пристально взглядываясь в темный угол. Мы также замолчали, боясь допустить новую бестактность.

Ветер усиливался. Песок бросало в оконные рамы. Комендант поднял голову. Мысли его были где-то далеко. Наконец он поднялся и отдал распоряжение готовиться ко сну. Я заснул сразу же, как только принял горизонтальное положение.

Утром, открыв глаза, я увидел в землянке только смуглого, раскосого солдата. Он с улыбкой приветствовал меня. От него я узнал, что все уже у реки, ждут своих ханум. Но ханум сегодня не приедут, потому что ветер ужасный.

И действительно, на улице бушевала буря. Какое-то мгновение я сражался с дверями, которые буквально вырывались из рук. Было холодно и мрачно. Двигущиеся тучи пыли ограничивали видимость. По лицу и рукам били мелкие песчинки. Коричневая Амударья покрылась крупной рябью, она казалась разгневанной и грозной. Серо-белые пенистые гребни гнались друг за другом и с яростью разбивались о берег. На их фоне я увидел две маленькие согнутые фигурки. Это Конрад и Бронек пристально всматривались в восточную линию горизонта.

Часы ожидания казались бесконечными. Напрасно комендант уговаривал нас вернуться в землянку, уверяя, что дозорные немедленно дадут знать, как только покажется моторка,— мы никому не собирались уступить свой пост.

Наши друзья только покачивали головами: взрослые люди, инженеры, с министром на дружеской ноге, а ведут себя как дети,—никакого достоинства. Сочувствуя нам от всей души, Абдулла или кто-либо из солдат приносили чай с кукурузными лепешками.

Близился вечер. Продрогшие, отчаявшиеся, покрытые с ног до головы пылью, мы уже собирались уйти в землянку, как вдруг вопреки законам дня и ночи вокруг начало светлеть и ветер утих. Через завесу пыли стал виден огромный диск заходящего солнца. Далеко на воде обозначилась темная точка, потом вторая, третья. Сердце забило сильнее. Появился комендант и своим

кратким: «Прибывают!» — окончательно рассеял наши сомнения.

Первой плыла большая серебристая моторка с красным флагом. Уже можно было различить силуэты людей, спрудившихся у борта. Почему они плывут так медленно?.. Да это... Барбара, Ягуся, Гжесек! Каждый видит только своих. Машут руками... Улыбаются... Может быть, дети и не узнают своего бородатого отца, но все же улыбаются...

И вот лодка пристает, на берег выскакивает матрос. Я хватаю на руки сына, прижимаю к себе дочь, целую жену. Мы все вместе, и я могу обнять их... Они здесь!.. Смех, слезы...

— Ну идите же, идите! Наконец-то!..

Барбара, как всегда, в любых обстоятельствах трезво смотрит на вещи:

— Да, да, а багаж?

И все сразу становится на свои места.

Я начинаю видеть и других людей кроме своей семьи. Комендант с Абдуллой деликатно отвернулись, не смотрят в нашу сторону.

Светловолосый советский капитан, с которым мы вчера познакомились, стоит на берегу. Он тоже взволнован. Подходят остальные моторки, с вещами. Начинается выгрузка. Как по команде, все три женщины бросаются туда, где плечистые, ясноглазые советские моряки подают смуглым афганским солдатам чемоданы, баулы, сумки, свертки, рулоны.

Я держу за руку своего трехлетнего сына и чувствую горячие объятия маленьких, худеньких ручек Ягуся. Мне хорошо. Я счастлив.

Гжесь отстраняет свое личико от моей бороды:

— Тата, какой ты чойный!

Дочка ничего не говорит, только прижимается еще сильнее. В восемь лет дети особенно впечатлительны.

Наступает момент прощания с советскими пограничниками.

— Вы даже не представляете, как много для нас сделали! Вы такие милые, так старались помочь нам,— говорят женщины, перебивая друг друга.

Последние рукопожатия, последние улыбки. Моторка отходит от берега.

— Спасибо! До свидания!

Офицер и матросы отдают честь. Мы машем руками. Как хорош мир, когда люди доброжелательны и благодарны друг другу!

Мы представляем свои семьи коменданту. Он вновь серьезен, суров, сосредоточен.

О том, чтобы уехать всем на одном «газике», не может быть и речи. Якубовские решают ехать немедленно. Завтра утром Абдулла вернется за остальными. С детьми ночью добираться через пустыню слишком рискованно. Барбара с беспокойством следит за солдатами, переносящими вещи. Я уверяю ее, что не пропадет ни одной шпильки.

— Ну хорошо. Идем в гостиницу!

«В гостиницу. Ничего себе!»

— Конечно, идем.

Когда мы подошли к землянке коменданта, Барбара удивленно спросила:

— Мы будем ночевать здесь?

— Да, дорогая, это местный «Бристоль».

Старый офицер отдал нам свою квартиру в безраздельное пользование. Не прерывая ни на минуту рассказов о варшавских новостях и дорожных происшествиях, женщины распаковывали вещи, приготовляли одну постель на всех. Белоснежные простыни, наволочки, пуховые подушки* — все это казалось мне почти экзотикой. Стук в дверь оборвал на мгновение веселый шум. Появился комендант, а за ним солдат с блюдом риса, из которого торчали куриные ножки. Мы хорошо знали, что это был один из немногочисленных экземпляров домашней птицы в селении. Бронек и я повскакали с мест, чтобы поблагодарить за превосходный ужин. Наше волнение возросло еще больше оттого, что суровый хозяин всячески старался не придавать значения всей этой церемонии.

Барбара подозрительно посмотрела на принесенное яство. Видимо, ни шафранно-желтый рис, ни торчащие из него ножки курицы не вызвали ее доверия, ибо она начала поспешно вынимать какие-то консервы. Я вынужден был немедленно пресечь ее действия, пока комендант не сообразил, в чем дело:

— Спрячь немедленно свои банки! Ты смертельно

* В Афганистане подушки набивают только хлопком.— *Прим. авт.*

обидишь человека. Он делит с нами все, что имеет. Мь его гости.

Женщины мгновенно все поняли.

Блюдо было торжественно поставлено на разостланную простыню, вокруг появились извлеченные из баулов тарелки, ложки, вилки, какие-то цветные салфетки. Я усадил хозяина на почетное место. На этот раз ординарец не присоединился к трапезе. Сесть ужинать вместе с женщинами, да еще женами иностранных инженеров, было бы непростительной фамильярностью. В ответ на приглашение он указал жестом на кипящий самовар, как бы давая понять, что его место там.

Мы ели изысканно — ложками с тарелок, но я все же не мог избежать искушения продемонстрировать местный стиль. Дети с недоумением следили за моими пальцами, потруждающимися в жирный рис.

Сразу после чая комендант простился с нами, пожелав спокойной ночи. Ординарец вышел следом за ним.

Через полчаса я погасил лампу и ощутил ласковое прикосновение щеки Барбары. Мы опять вместе. Все остальное не имеет значения.

Утром, выйдя из землянки, я столкнулся с Раимом. Обрадовался и удивился одновременно:

— Раим, как ты приехал?

— На машине, саиб.

— Раздобыл цепи?

— Цепи есть, ружья нет, — ответил он.

Известие взволновало меня. Парень отдал ружье, выменянное на часы, чтобы приехать в Патта-Гисар за моей семьей. Я не знал, как и благодарить его. В результате ограничился обычным пожатием руки и традиционным «ташаккор»*.

Из землянки вышли жена и дети.

— А это Ягуся-джан и Гжесь-джан, — сказал я Раиму.

— Хороший парнишка, красивая дочка! — с восторгом произнес он.

Раим взял Гжесю на руки и все вздыхал от счастья. По ходу дела мне хотелось бы пояснить значение слова «джан». Дословно это «милый», «дорогой». Прибавляется, как правило, к именам детей и людей молодых,

* Т а ш а к к о р — «благодарю». — *Прим. ред.*

независимо от их пола. По отношению к взрослым это форма приятельского обращения, что-то вроде «друг». Употребляется всегда вместе с именем. Если в ответ на ваше приветствие вы также услышите «джан», это значит, что вас воспринимают как равного себе по общественному положению. В такой форме никогда не обратится ни к кому, например, служанка, которую могут назвать «джан» в доказательство доверия и отношения к ней как к члену семьи.

Я представил Раима-джан Барбаре. Она, улыбнувшись, протянула ему руку. Нужно было видеть реакцию Раима! Он опустил глаза и вспыхнул, как девица. Потом, глядя куда-то в сторону, дотронулся кончиками пальцев до протянутой руки. Выражение лица его при этом было такое смущенное, что я не выдержал и фыркнул.

Мне припомнилось, как мы проезжали через Ташкуртан и Саид, указав на один из домов, сказал, что в нем живет невеста Раима. Разумеется, это было не совсем так, ибо Раим, по-моему, жениться не собирался. Но что-то, видимо, было, потому что при словах Саида парень покраснел и стушевался, как теперь, при встрече с Барбарой. Может, он тогда увидел какую-нибудь девушку в саду или разговаривал с отцом, у которого дочь на выданье,— не знаю. Однако про себя я отметил, что молодые люди здесь очень чувствительны в делах сердечных. Само же понятие «сердечное дело» включает в себя решительно все, что связано с прекрасным полом.

В нескольких словах я рассказал Барбаре историю с цепями. Она была взволнована и пригласила Раима позавтракать с нами. Я стал искать коменданта, но тот словно сквозь землю провалился. Дети хотели есть, и ждать дольше не имело смысла. Поданный на белой скатерти-простыне завтрак: ветчина, рыбные и мясные консервы, масло, настоящий хлеб, всевозможные сухарики и хлебцы к чаю— все то, что женщины привезли с собой,— нам удавалось пробовать лишь изредка, когда случалось бывать в Кабуле.

Раим присел у одного из углов и с подозрением приглядывался ко всему происходящему. Дети в свою очередь с любопытством разглядывали его. С момента высадки на берегу им все казалось удивительным и таинственным. Этот молодой человек, например, напоминаю-

щий чертами лица кого-то из Варшавы, сидит в доме, за завтраком в меховой шапке. На нем пиджак, а снизу как будто подштанники. Разве так ходят в гости? Ягуса не выдержала и спросила, почему он так странно одет и отчего не снимает бараньей шапки. Я не успел ответить на ее вопрос, ибо как раз в этот момент произошел весьма комичный инцидент. Женщины в доказательство своей признательности (история с ружьем была уже всем известна) усиленно накладывали на тарелку Раима охотничьи сосиски, сухую колбасу, ветчину из специально открытой по торжественному случаю банки, всевозможные деликатесы, которыми они так гордились. Раим откинулся назад, выражение лица у него было странное. Гостеприимные хозяйки расценили его поведение как проявление скромности и настойчиво уговаривали его отведать то или иное блюдо. Бедняга же отодвигался все дальше и дальше, наконец он спросил:

— Это свинина, инженер-саиб?

Я утвердительно кивнул головой.

Раима передернуло. Он мгновенно отскочил в сторону. Когда после моих разъяснений с его тарелки была убрана ветчина, он опять присел к «столу», не желая обидеть нас. Мне так и не удалось упросить его попробовать селедочное филе, хоть я и уверял, что это не свинина. Видимо, у Раима совсем пропал аппетит. В результате он с трудом съел кусочек хлеба, немного вяленой рыбы и выпил чаю. И сразу ушел, объявив, что надо приготовить машину к дороге. Выглянув из окна, я увидел, как он выплевывает что-то за углом дома.

Запрет употреблять в пищу свинину превратился у большинства мусульман в своего рода манию. Они так же ненавидят свинину, как мы, скажем, собачье и кошачье мясо.

Несколько месяцев спустя я наблюдал в Кабуле, как наш служитель Махмуд взял тряпкой со стола кухонный нож, которым жена резала колбасу. Он киятил нож, чистил его песком и наконец закопал на пару дней в землю. Закопал и тряпки — ту, которой брал нож, и ту, которой в течение доброго часа чистил суповую кастрюлю.

Запрет есть свинину, безусловно рациональный в условиях жаркого климата, подкреплялся многочисленными легендами, часть которых была возведена в ранг

религиозных верований. Мне самому приходилось слышать о злых людях, которые в наказание за земные грехи оказывались после смерти в тушах свиней. Достаточно поверить этому, чтобы до конца своих дней с отвращением относиться к ветчине, колбасам и отбивным котлетам. Немногочисленная, считающая себя прогрессивной группа кабульской молодежи, напротив, гордится тем, что употребляет свинину, как, впрочем, и алкоголь, хотя и то и другое запрещено законом.

В этот день мы доехали только до Мазари-Шарифа.

Мудир оказал нашим женам буквально королевские почести. Умилялся, глядя на детей. Губернатор также выразил желание увидеть героических ханум, которые добирались к своим мужьям по суше и по воде, через горы, реки и пустыни, несмотря на все предостережения мудрых людей.

Все эти церемонии отняли у нас два дня.

Наконец мы добрались до Айбака. Наша обычно пустынная улица была полна мужчин. Давно они сидели здесь или хорошо поставленная служба информации известила их о времени нашего прибытия, не зная.

Наверняка каждый из них сказал бы, что очутился тут случайно, ибо кому интересны чужие женщины, даже если они, как гласит молва, не носят чадры?

Пока мы прошли пять метров от машины до двери в глиняной стене, на улице разыгрался целый спектакль. Все эти «случайные» прохожие старались не смотреть на нас. Разве что кто-нибудь бросит мимолетный взгляд. Лишь маленькие черноглазые дети с разинутыми ртами обступают нас тесным кольцом. Но они заинтересованы в основном Ягусей, Гжесем и Збышеком. Наверное, думают: «Какие они бледные и как странно одеты!»

В саду нас встретили солдаты и Чадра. Ягуся сразу занялась собакой и уже ни на что больше не обращала внимания. С радостью и даже гордостью ввел я свою семью в небольшую двухкомнатную квартиру. За окнами темнели силуэты гор.

— Как здесь красиво! — прошептала Ягуся.

Так мы вступили в новый этап нашей жизни.

ЦЕНА ЭКЗОТИКИ

— Так, хорошо, натягивай ленту. Еще двадцать метров. Живее!

Я стоял у постоянно запотевающего и быстро замерзающего теодолита. Через перевал ползли плотные, низкие тучи, дул холодный, влажный ветер. На каждой травинке с подветренной стороны — слой льда в несколько миллиметров. В последние дни ноября осень здесь стала необычайно суровой. О безоблачной голубизне неба остались лишь воспоминания. Потянулись сумрачные дни и морозные ночи. Рукавицы нельзя было снять ни на минуту. Сырость и стужа проникали сквозь одежду, словно острыми иголками кололи тело.

Видимость была скверная, приходилось продвигаться с теодолитом короткими, тридцати-, сорокаметровыми дистанциями. Мы спускались вниз по скользкому, очень отвесному глинистому склону. Солдата, переносящего инструмент, должны были страховать два других. Кирка не брала полупромерзшую почву, и нам с трудом удавалось вбивать в землю колья. Нагруженный только планшетом и блокнотом для записей, я едва удерживал равновесие и не переставал удивляться солдатам. Они были без рукавиц, в промокших шерстяных мундирах. Серые лица под шапками, напоминающими наши жокейки, сводило от холода, руки стыли на ледяном ветру. Видно было, с каким усилием они разжимают замерзшие пальцы. Но ни разу не приходилось слышать от них ни слова жалобы.

С перевала не было видно долины. Мне казалось, будто я подвешен среди серой мглы. А тут еще оставил дома часы и полностью утратил ощущение време-

ни. Рассчитывая на природную способность солдат определять пору дня, я спросил у них, сколько времени. Ответы были на удивление разные.

Тут я обратил внимание, что солдат у прибора ведет себя как-то странно. Что бы это могло значить? Я окликнул его. Никакой реакции. И лишь через минуту слабый голос протянул плаксиво:

— Не могу больше!

Руки у бедняги настолько ожоженели, что он был не в состоянии работать с прибором. Я сам переместил теодолит и пообещал солдату, что, спустившись в долину, мы разведем костер и устроим длительный привал.

Ожидание благоприятного момента для замеров и смены позиции, запись данных окостеневшими пальцами — все это продолжалось бесконечно. Но вот осталась позади отвесная глинистая гладь. Мы вошли в узкую каменистую долину. Еще несколько замеров — и задание можно считать выполненным. Самый младший из моих помощников, тот, которого пришлось заменить, кровоточащими, потрескавшимися от холода руками помогал мне складывать штатив и убирать теодолит в металлический футляр. Остальные искали топливо. Мне было очень интересно, как они разожгут обледеневшие ветки.

Через несколько минут из темноты вынырнули трое. Они принесли сухой овечий навоз из какой-то пещеры. Запылал огонек. Очищенные ото льда прутья положили вокруг костра для просушки.

Наконец-то можно было вытянуть над огнем руки. Вдруг я почувствовал безмерную усталость. Подсел поближе к костру, обхватил руками колени. Голова сделалась тяжелой, глаза закрывались сами собой. Пристально глядя на огонь, я постепенно утрачивал ощущение времени и пространства.

Ветер утих, кругом царила абсолютная тишина. Трое солдат дремали, четвертый подбрасывал в костер ветки.

И вдруг я услышал робкий голос:

— Инженер-саиб, уже совсем поздно.

Я открыл глаза. Действительно, туман поднялся несколько выше. Опустились сумерки. На этой широте темнеет очень быстро. Я вскочил на ноги:

— Идем!

Разомлевшие от тепла солдаты забрали оборудова-

ние и двинулись в обратный путь. Отойдя от костра, я сразу почувствовал, что стало холоднее. Когда через несколько минут мы подошли к глинистому откосу, было совсем темно. Тропинка различалась с трудом. Начался подъем. Идущий впереди солдат неожиданно потерял равновесие и упал прямо мне под ноги. Мы скатились вниз, увлекая за собой всех остальных. Я тихо выругался.

Новая попытка подняться вновь окончилась неудачей. На этот раз первым шел я. Неоднократно пытались мы форсировать обледеневший, гладкий, как стекло, откос, но более чем пятьдесят метров преодолеть не удавалось, а от перевала нас отделяло несколько таких подъемов. Мы оказались в ловушке. Может быть, вернуться в долину? Но до ближайшего жилья, чайханы Гуляма, около двухсот километров. Можно было бы поискать ослиную тропу, ведущую на перевал, но в темноте в этом лабиринте небольших долин и ущелий легко заблудиться, и тогда уж придется бродить до утра.

Пока я раздумывал над создавшимся положением, самый молоденький солдат вдруг отскочил назад и прошептал:

— Волк!

— Где? — с беспокойством допытывались остальные.

— Вот там, — показал он рукой.

Слева от себя я и в самом деле увидел два блестящих огонька.

— Да здесь и второй! — прошептал кто-то из солдат.

Огоньки приблизились. У меня перехватило дыхание. Выбора не было. Нужно любыми способами добраться до перевала, где уже наверняка ждал Райм. Волкам, вероятно, тоже будет трудно удержаться на скользкой, отвесной поверхности, а со стороны откоса нам ничто не угрожает.

Действовали почти автоматически. Без всяких советов и приказов два солдата начали прорубать остриями кольев узкие ступени. Шаг за шагом, помогая друг другу, мы лезли в гору. Страховал нас Хамид, самый старший и самый опытный. Под мышкой у него был зажат штатив, обращенный металлическим треножником в сторону, откуда можно было ждать нападения волков. Хамид замыкал шествие, пристально вглядываясь в темноту.

— Они идут за нами! — раздался вдруг его голос.

Я обернулся. Внизу светилось уже несколько огоньков. Стук врубающихся в обледеневшую почву кольев усилился, дыхание людей стало прерывистым. Справа доносился все более отчетливый скрежет — только метры отделяли нас от царапающих лед когтей. Хищники приближались. Они могли напасть на нас каждую минуту. В такие мгновения мысль работает лихорадочно. И я вспомнил рассказ Экбаля об аналогичном случае.

— Давай! — шепнул я одному из солдат, вырубавшему уступы, и почти силой отобрал у него перевешенную через плечо стальную ленту рулетки.

Звук мгновенно развернувшейся полоски стали разорвал ночную тишину. Огоньки волчьих глаз исчезли, чтобы через минуту появиться уже где-то далеко, в долине. Солдаты перестали рубить уступы. Громкий истерический смех сопровождал проклятия, адресуемые «трусливым» волкам. Им угрожали. Утолив свой гнев ругательствами и пригрозив волкам еще раз, солдаты вновь приступили к прерванной работе. Возгласы людей сопровождал теперь визгливый звук подтягиваемой ленты рулетки. Когда волки приближались, несколько бросков ленты вновь заставляли их вернуться назад.

Наконец откос стал более пологим и мы смогли подниматься быстрее. Лишь кое-где все еще приходилось рубить ступени. Тропинка, разумеется, была потеряна, а вместе с ней и всякая ориентация. Мы не исключали, что вместо перевала можем подняться на одну из вершин. Вспомнили о Раиме.

— Раим! Раим! — громко крикнул кто-то из солдат.

Через мгновение долину прорезала яркая полоса света. Мы направились в сторону машины. Минут через десять я попал под обстрел плаксивых упреков нашего шофера:

— Как можно, саиб! Что вы там ночью делали? Я тут жду, жду, совсем один. И даже волки появились. Вам все шутки, а там ханум и дети. Скандал будет.

«Будет. Можешь в этом не сомневаться, друг», — подумал я, отдавая дань его сообразительности.

— Ну, хватит, Раим! «Бурубахайр!»

По дороге домой мои спутники описывали Раиму все наши злоключения. Он с недоверием покачивал головой. То и дело снимал руку с руля, делал ею какой-то замысловатый жест и не переставал удивляться.

— Раим, а что, в Афганистане такие же ворчливые женщины, как у нас?

Раим подумал некоторое время, потом философски заметил:

— Женщины везде одинаковы.

— Откуда ты знаешь?

— Моя мать ворчит, и бабка, и невестка. Отец прикрикнет на них — замолкнут на минуту, а потом опять начинают. Так уж, видно, и должно быть.

— Когда ты женишься, Раим?

Вместо ответа последовал глубокий вздох. Разговор прекратился.

Солдаты высадились за мостом. Всю последующую неделю они считали себя героями.

В саду нас встретили Исмаил, дети и жены. В приветственной речи был затронут ряд тем: скитание ночью в горах, недобросовестное использование меня товарищами, давно предполагаемый переезд в Баглан. А еще — коптит бензиновая лампа, испортился один из двух примусов, на котором изо дня в день по двенадцать часов кипятится вода для питья. Ягуся кашляет, железная печурка немилосердно дымит, а на завтра заказана баня. Меня очень долго не было, но, славу богу, теперь наконец я здесь. Что-нибудь случилось?

— Ничего, просто мы далеко зашли. Я ведь столько раз просил тебя: не надо беспокоиться. Дети, пора спать!

На одной из боковых айбакских улиц — приземистое широкое строение с маленьким садиком вокруг. Внешне оно ничем не отличается от других домов, однако отсутствие стены, которой обнесены частные жилые дома, свидетельствует о его специальном назначении. Дымящаяся труба высотой в несколько метров над плоской крышей и отходящий от самого строения водяной сток...

После такого вступления нетрудно догадаться, что речь идет о бане.

По распоряжению старосты в существовавшем до сих пор графике, предусматривающем деление клиентов на мужчин и женщин, на почетных и прочих, два раза в неделю отведены по два часа для нас.

Несколько ступенек вниз ведут от входной двери в

обширное, освещенное керосиновыми лампами помещение, которое выполняет роль предбанника. Здесь банщик лично вручает каждому простыню и небольшой черпак для воды. По очень скользкому полу посетитель со всеми предосторожностями добирается до темных коридоров, где через маленькие окошечки в стене можно доставать воду из находящегося в центре водоема.

В простенках между окошечками посетители располагаются семьями. Простыня, расстеленная на мокром полу, позволяла удерживать равновесие. Обнажив свои грешные тела, мы поливали друг друга теплой водой. В ход шли мыло, щетки, губки.

Постепенно мы привыкли к такому мытью и даже стали считать его одним из немногочисленных местных развлечений.

Приезд в Айбак европейских женщин произвел сенсацию. Уже на другой день, возвратившись с работы, мы нашли наших жен крайне взволнованными. Выяснилось, что они пошли на базар — день как раз был торговый, — и там их окружила огромная толпа мужчин. Каждый хотел посмотреть вблизи на ханум с неприкрытыми лицами.

— Мне было страшно! — говорила Барбара, и щеки ее пылали.

— К счастью, Исмаил и Муса предвидели нечто подобное и не оставляли нас ни на минуту.

— Ничего не поделаешь, придется надеть чадру, — произнес Бронек таким тоном, что трудно было понять, шутит он или говорит серьезно.

— Еще что! — закричали женщины. — Может, и в гарем нас запрете?

Прошло несколько недель. Как-то раз к пани Елсне подошла на улице какая-то старая женщина с поднятой чадрой. Начала что-то выкрикивать, прозывать кулаком, с отвращением сплевывать. Подвергшаяся неожиданно нападению Елена вернулась домой со слезами на глазах. Да, хотя перед местными представительницами прекрасного пола и открыта сейчас дорога к равноправию, на ней еще много камней и терний. Предстоит ломать вековые традиции.

На память мне пришел прием, который дал в нашу честь директор сахарного завода в Баглапе. Первый

прием, на котором должны были присутствовать жены местных высокопоставленных лиц. Жена директора, одевая по последней парижской моде, сидела на стуле и боялась даже пошевелиться. Она опустила свои прекрасные черные глаза, и видно было, что женщина с нетерпением ждет окончания приема. Напрасно Барбара и мадам Гумель старались вовлечь ее в разговор. И настоящей трагедией для нее стали танцы, также предусмотренные программой. Несколько свободнее чувствовали себя прочие местные дамы, но лишь потому, что не занимали такого видного положения. Однако о развлечении в нашем понимании этого слова не могло быть и речи. До сих пор мужчины и женщины собирались отдельно. Никто никого не стеснял. Мужья не косились на своих жен, а у тех в свою очередь не возникало соблазна потанцевать с посторонними мужчинами. Зачем все это? Разве плохо жилось до сих пор? Быть может, спустя несколько лет те же женщины или их дочери будут смеяться над прежними обычаями, но теперь многие из них откровенно страдали. Ведь им было неизвестно, не придется ли потом расплачиваться за грехи, проходя через все муки ада.

ЗИМА

Зима наступила как-то сразу с ночными заморозками, сильными ветрами, снежными бурями. Железная печурка пожирала все больше абрикосового дерева, самого дешевого топлива в Афганистане. В задымленной квартире, без света и воды, жить с двумя маленькими детьми становилось все тяжелее. Наш переезд в Баглан откладывался. Вжеснёвский беспомощно разводил руками.

В беседе по телефону с мудиром я получил разрешение переехать в Баглан. Никто, однако, не хотел мне верить. Саид снова позвонил в Мазари-Шариф и объявил, что мудир не дает согласия на наш выезд, ибо это другая провинция, другой полицейский пост, и что, наконец, он, Саид, на котором лежит ответственность за наше здоровье и жизнь, не допустит этого. Лишь мой повторный разговор с мудиром и передача тут же, на месте, телефонной трубки Саиду решили исход дела.

Бальта получил приказ перевезти сначала меня, а потом Бронека в Баглан. Накануне мы погрузили на машину наш скромный багаж, оставив лишь постели на ночь. А утром пошел снег. Крупные, медленно кружащиеся в воздухе хлопья снизили видимость. Бальта неодобрительно покачивал головой, но я все же решил ехать, опасаясь, как бы не поступили новые, противоречащие прежним, инструкции. Нас провожали все обитатели дома. Одни более, другие менее сердечно. Особенно озабочен был Раим.

— Инженер-саиб,— то и дело повторял он,— этот снег от дьявола. Очень нехороший. Не надо ехать сегодня.

— Нет, мы поедем, — упрямо отвечал я.

— Сайб, — просил Раим, — ханум, дети, подумайте. Не надо сегодня.

— Нет! — повторял я тем решительнее, чем большее беспокойство охватывало меня.

Стиснутые в шоферской кабине, как сельди в бочке, мы долго еще махали руками. Сзади, из-под вороха всевозможных покрышек, раздалось «Бурубахайр!» Рамазана, и молчаливый, как всегда, Бальта включил мотор. Машина пронулась.

Исчезли из виду последние дома и деревья. Кругом — снежная мгла. Едва заметная, видимо недавно проложенная, колея указывала направление движения. Склонившийся над рулем, напряженно всматривающийся вперед Бальта с нахмуренными бровями и почти прижатым к стеклу лбом казался мне совсем другим человеком. Не тем спокойным и уверенным в себе, которого я знал прежде. Время от времени он отстранялся от стекла, протирал глаза и тут же принимал прежнее положение.

После сорока пяти минут мучительной езды в молочно-белой пустоте перед нами замаячил темный силуэт большого грузовика, по следу которого мы до сих пор ехали. Здесь примерно начинался длительный подъем к перевалу — воротам «Фисташковых гор».

Все вокруг, кроме падающих снежных хлопьев, казалось неподвижным. Лег туман. Скорость наша снизилась до нескольких километров в час. Еще некоторое время мы двигались за едва различимым грузовиком. Потом Бальта остановил машину и выжидающе посмотрел на меня.

— Ехать дальше? — коротко спросил он.

Я окинул взором своих спутников; обычно весьма разговорчивая жена, инициатор этого безумного предприятия, сидела теперь тихо. И хотя она не отдавала себе полного отчета в том риске, который сулит езда по горам в таких условиях, было видно, что плотно окутавшая нас белая мгла потрясла ее. Гжесь дремал на коленях у матери, несмотря на пронизывающий холод и сырость. Ягуся прижалась лицом к моей кожаной куртке. Я полностью утратил самообладание, осталось лишь немного упрямства.

— Вам решать, Бальта, — ответил я. — Если можно — едем, нет — давайте вернемся.

Мы поехали дальше. Вскоре перед нами возник силуэт стоящего впереди грузовика. Подъем становился все круче. Бальта остановил машину, вылез из кабины и побежал к грузовику. Вернувшись, спросил отрывисто:

— Ночуем здесь или возвращаемся?

Меня как громом поразило. Хотел было спросить, что произошло, но Бальта нетерпеливо повторил свой вопрос.

— Возвращаемся,— сказал я, почувствовав, что решать надо немедленно.

Мы развернулись на дороге, которая неизвестно где начиналась и кончалась. Все мужчины — я, Исмаил и Рамазан — помогали шоферу.

Вымокшие по пояс в снегу придорожных канав, подгоняемые окриками Бальты, мы вскочили в кузов. Уже на ходу я пересел в кабину. Успокоив испуганных детей и жену, заговорил с Бальтой.

Стало ясно, что даже самое незначительное промедление отрезало бы всякую возможность вернуться назад. Снег тут же засыпал следы. Вскоре мы выехали из тумана. Видимость улучшилась, стало светлее. Постепенно возвращалось ощущение безопасности, но вместе с тем и угнетенности от сознания понесенного поражения. Суровая природа Афганистана преподала нам еще один урок. Я спросил Бальту о грузовике, оставшемся у перевала. Почему он не возвращается?

— Забуксовал,— ответил шофер.

Наше возвращение вызвало сенсацию.

Раим схватил на руки Гжеся и, ни на кого не глядя, побежал с ним к дому. Мы вернулись в критический для себя момент — дети совершенно продрогли, взрослые, не исключая Бальты, посинели от холода. Из-под покрытого толстым слоем снега брезента вылезли Исмаил и Рамазан. Исмаил, как солдат, был обут в башмаки, а у бедного килинара надеты лишь сандалии на босу ногу. Меня поразили вид человека, ступающего по снегу почти босиком. Между тем здесь ходили так не только молодые люди, но и древние старики. Они не отрицали, что им холодно, однако не настолько, чтобы начать кашлять, чихать или шмыгать носом. Вещь вполне обычная. «Летом жарко, зимой холодно. Так уж устроен мир».

Милейшая пани Якубовская сразу забрала нас к себе, напоила горячим бульоном и усадила возле же-

лезной печурки. Вместе с теплом пришла вера в лучшее будущее. Узнав о нашем возвращении (механизм распространения информации в городке без телефонов всегда оставался для меня загадкой), прибежали из гостиницы Бронек с женой. Поливая гранатовую наливку, принесенную предусмотрительным Бронекком, мы еще раз повторили рассказ о своих злоключениях.

На следующий день снег перестал, но проезд через горы все еще был закрыт. Перед каждой чайханой стояло в ожидании несколько машин. Наши водители беспрестанно собирались в местных ресторанчиках в небольшие группы, постоянно пополняя свою информацию.

На третий день с самого утра светило солнце. На небе — ни облачка. Ослепительный блеск резал глаза. Около полудня на дороге появились первые черные пятна. Рамазан известил, что машины тронулись в путь. Мы стали лихорадочно паковать вещи. Едва они были погружены на машину, как явился Бальта. На этот раз все шло как по маслу, и путешествие среди заснеженных, блестящих на солнце гор можно было смело назвать развлечением.

Когда солнце превратилось в огромный красный, подвешенный над линией горизонта шар, наша машина остановилась перед гостиницей в Баглане. А через мгновение нас уже обнимали счастливые, взволнованные Гумели.

Мое вторичное пребывание в Баглане началось с неприятностей с полицией. Ко мне приходили несколько раз, спрашивали с пристрастием, почему я уехал из Айбака, что собираюсь делать и как могло получиться, что со мной нет переводчика. В конце концов мне предложили обратиться в комендатуру полиции в Новом Баглане.

Бронек все не приезжал. По телефону он сообщил мне о каких-то новых осложнениях.

Я оказался менее приспособленным к местным климатическим условиям, чем худые смуглые местные жители, — во время переезда схватил сильную ангину.

Квартира, которая перешла ко мне от директора сахарного завода, состояла из одной огромной комнаты. Она служила кухней, спальней и гостиной для нас четверых.

Близилось рождество. Надо было устроить что-то для детей.

Из Пули-Хумри я привез мешок апельсинов. Барбара испекла у Гумелей пирог. Исмаил купил на базаре рыбы. Оставалась лишь одна забота — елка.

В саду гостиницы росло несколько азиатских сосенок. Одну из них можно было бы выкопать, пересадить во что-нибудь, а потом вернуть на прежнее место. Но требовалось разрешение директора гостиницы. С тем, которого я знал по первому пребыванию в Баглане, можно было бы договориться, но теперь здесь был новый директор, о котором ходили самые удивительные, почти неправдоподобные слухи. Не будем, однако, забегать вперед. Одно не подлежало сомнению: ради елки я готов был отправиться даже в ад.

Горшок для пересадки был уже приготовлен. Исмаил ждал с лопатой, в полной боевой готовности. Осмелившись, я постучал в дверь кабинета директора.

Меня несколько насторожило произнесенное бархатым голосом разрешение войти. Открыв дверь, я увидел за письменным столом по-европейски одетую женщину редкой красоты. Черные блестящие волосы обрамляли смуглое лицо, на котором виднелись одни только глаза. Впечатление было настолько ошеломляющим, что я хотел уже вернуться назад. Она заметила это и с улыбкой указала на кресло. Через мгновение я забыл о цели своего визита.

— Вы директор? — выпалил я.

— Что привело вас ко мне?

Я начал было объяснять, что, мол, дети, праздник, дерево, наши обычаи, религия и т. д.

Как назло, стремление к правильным оборотам речи превратило мое дари в беспорядочную мешанину фраз. Красивая женщина с напряжением слушала, стараясь понять, к чему я веду, но в конце концов с улыбкой предложила перейти на английский, французский или немецкий.

Я уже немного пришел в себя и по-английски объяснил причину своего визита. Ничуть не удивившись, директор разрешила выкопать деревце.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я немного знаю европейские обычаи и прекрасно понимаю, что отсутствие елки было бы для детей трагедией.

Я впервые видел местную женщину, занимающую административный пост, очень свободно, даже несколько самоуверенно разговаривающую с мужчиной. Дамы, ко-

торых мне пришлось наблюдать на балу в Баглане, сидели как неживые, словно изысканно одетые манекены, и видно было, какие нравственные муки терпят они при каждом движении. И вот передо мной современная афганская женщина. Не окрою, что пережитый мною шок был во многом обусловлен незаурядной красотой директора.

Когда мы торжественно внесли в дом сосенку-елку, то застали там мадам Гумель. Она принесла очередную порцию праздничных венгерских лакомств. Мой рассказ о новом директоре гостиницы ни на кого не произвел впечатления. Только Барбара несколько дольше задержала на мне свой взгляд. Она уже все знала о новом директоре на следующий же день после приезда.

Оказывается, прекрасный шеф багланского «Гранда» состояла во втором браке; от первого она отказалась сама. Ее муж, молодой врач, работал в заводской амбулатории. Все это было удивительно. До сих пор мне приходилось слышать, что по законам ислама только муж может выступить инициатором развода, трижды произнеся: «Я тебя не желаю» — или что-то в этом роде. Но женщина, невольница, лишенная всяких прав? Трудно поверить!

Я принялся расспрашивать мадам Гумель. Восемилетнее пребывание в Афганистане, тесное общение с местными жительницами и врожденная проницательность сделали ее неоценимым источником информации о семейном укладе в этой стране. Впрочем, не она ли первая посмеялась надо мной, когда я отозвался о местных женщинах как о бедных невольницах, притесняемых мужьями, господами над их жизнью и смертью?

Развод? Да, он допустим вполне официально при условии согласия трех семей, урегулировании имущественных проблем (новый муж возмещает прежнему стоимость преподнесенных подарков) и при участии местных властей.

Я вспомнил о вознаграждении, которое по старым обычаям будущий муж выплачивал семье избранницы. В последнее время они отменены королевским указом. Но кто запретит молодому человеку делать подарки будущим тестям, а в случае развода — и бывшему мужу?

Долгое время я думал, что развод — следствие европеизации высших сфер здешнего общества, но год спу-

стя мне довелось выслушать веселый рассказ Экбали о том, как молодая жена требовала развода у старого крестьянина из-под Бамиана.

Экбаль гостил у своего приятеля, хакима * Бамиана, когда к тому явился спорбленный старец, обвиненный женой в супружеской несостоятельности. В изложении кабульского денди история эта звучала юмористически и пикантно.

Крестьянин, которому было жаль лишаться жены и престижа своего мужского достоинства, оправдывался как мог.

— Хахим,—повторял он,—ты мой повелитель. Если ты прикажешь, я смогу...

Визгливая жена старика, прибывшая в сопровождении братьев, то и дело прерывала его:

— Великий хахим, не верь ему, он ничего не может и уж не сможет!

— Ну так как, ты можешь или не можешь?

— Хахим,—тянул старец,—ты мой старший великий брат, если ты прикажешь, я все сделаю.

— Не верь, не верь ему, хахим!..—кричала женщина.

И так несколько часов кряду. В конце концов развод состоялся.

Вернемся, однако, к рождеству в Баглане.

Опустились сумерки, и дрожащее пламя специально привезенных из Варшавы елочных свечей осветило белые стены комнаты, примитивную, сбитую из досок мебель, лица, склоненные над скатертью. Подарки, пожелания... В этот вечер нам было безразлично, находимся ли мы у подножия Гиндукуша или в тихой квартире в Горохове **.

В первый день праздников мы обедали у Гумелей. После десерта раздался стук в дверь.

— Это, наверное, Янош,—сказал хозяин.

Хозяйка пошла открыть дверь и через минуту ввела в комнату толстого пожилого человека, одетого в бедный европейский костюм.

— Янош,—представила она вновь прибывшего.

После некоторого колебания гость снял с головы каракулевую шапку и несмело подал руку мне, Гумелю, потом Барбаре. Видно было, что он очень смущен.

* Ха к и м — начальник округа. — *Прим. ред.*

** Г о р о х о в — город в Польше. — *Прим. ред.*

Растерянно оглядывался по сторонам и наконец присел на краешек кресла.

В разговоре венгров мы участия не принимали. Впрочем, он продолжался недолго. Когда странный гость собрался уходить, Гумели понимающе переглянулись. Хозяйка извлекла из шкафа какую-то старую одежду, завязала в аккуратный узелок и вручила толстяку. Тот смущенно поблагодарил, попрощался и вышел.

Теперь можно было расспрашивать без помех, кто этот человек, похожий и на венгра, и на местного жителя. История его звучала несколько романтически.

Во время первой мировой войны он, солдат австро-венгерской армии, попал в плен к русским, а потом бежал в Афганистан. Здесь его приняли со всей теплотой. Молодого венгра покорила красота этого горного края, гостеприимство и душевная щедрость народа. Может, уже тогда сердце его сильно забилося при виде какой-либо афганской красавицы.

Когда война кончилась, Янош вернулся в Венгрию, но ненадолго. Воспоминания о заснеженных горах, лазурном небе и живущих под ним людях действовали на него как магнит. Здесь, на родине, он был всего лишь одним из многих вернувшихся с войны солдат, там, у Гиндукуша, — всеми уважаемой личностью. Прошло два года, и Янош вернулся в гостеприимную страну. Без денег, зарабатывая при случае по пути, часто голодая, долгие месяцы пробырался он на восток, пока не попал в объятия афганских друзей.

Немного образованности и предприимчивости — и европеец в Афганистане того времени мог стать специалистом почти любого профиля. Но этой-то предприимчивости, как выяснилось, недоставало Яношу. К тому же молодость предъявляла свои права, надо было жениться, а жениться на мусульманке мог только мусульманин.

Друзья и губернатор склоняли его к принятию мусульманства.

«Такой хороший человек, а все еще не исповедует истинной веры», — говорили они.

Вскоре Янош принял ислам, получил афганское подданство и женился на дочери одного из приятелей. Стал полноправным местным жителем.

Тут-то и произошел поворот в его карьере. Случилось нечто удивительное, хотя вполне логическое и законо-

мерное. Он попросту перестал быть гостем. Как мусульманин он носил клеймо неопита, для старожилов сделался пришельцем, для карьеристов — конкурентом. Неожиданно выяснилось, что в афганских условиях он безграмотен — едва может подписаться на дари. По мере того как Яноша начинали считать своим, он утрачивал свой ореол. Не будучи специалистом, он стал подвизаться на второстепенных, низкооплачиваемых должностях. Один за другим пошли дети, жена из прекрасного черноокого ангела превратилась в вечно недовольного, ворчливого преследователя.

Но отступления не было, сохранились лишь смутные воспоминания о детстве, проведенном в Венгрии. Узелок со старой одеждой и полчаса волнующего разговора на родном языке — вот и все его рождество. Впрочем, как знать, будь он теперь в равнинной Венгрии, не тосковал ли бы он так же по снежным вершинам Гиндукуша и голубому небу Афганистана?

В Кундузе как будто живет поляк с подобной биографией. Разница лишь в том, что как специалист он весьма хорошо зарабатывает, даже по европейским представлениям. К сожалению, мне так и не пришлось познакомиться с ним.

Бронек все не приезжал — возникали технические или формальные препятствия. Из-за суровой погоды дальнейшие работы пришлось отложить. Несмотря на мой отъезд, вопрос о разделении нас на две группы все еще не решился. Судить о причинах мне было трудно.

Через пару дней после праздников я получил известие от Бронька, что работы должны быть возобновлены и мне следует приехать в Айбак, чтобы не заслужить упрека в нерадивости. На следующий же день утром я поехал в Пули-Хумри, а оттуда на попутной машине — в Айбак, пятым в шоферской кабине.

Весь январь и февраль я жил в Айбаке, лишь на четверг и пятницу приезжая в Баглан, где мою семью опекали Гумели. Многочисленные ходатайства о разделении нас на две группы дошли до самого Кабула. Начальник управления общественных работ не появлялся, но из телефонных разговоров следовало, что в принципе он придерживается того же мнения, что и я. При конкретных же переговорах он как-то странно

уходил от решения вопроса и давал уклончивые ответы.

Наконец мы дождались инспекции опекающего нас учреждения. Из Кабула приехал Анджей. Каковы были итоги деятельности инспекции Анджея, я не знаю, только сразу же после его отъезда из Айбака в Баглан Саид официально поставил меня в известность, что я с семьей должен выехать в Кабул и там поступить в распоряжение самого министра.

— А инженер Сарата? А другие?

— Инженеры Вжкёсневский и Якубовский останутся здесь, Сарата, видимо, тоже выедет.

Уже умудренный опытом, я попросил изложить все это в письменном виде. Вопреки ожиданиям Саид, несколько не противясь, вынул из кармана какой-то служебный бланк и на обороте написал по-немецки, что мне следует прибыть в Кабул.

Я тут же позвонил в Баглан и обо всем рассказал жене.

— Ну и прекрасно! — слышалось в трубке. — Мы поедем вместе с Анджеем, а вещи придется отправить на грузовой машине.

В Баглане я застал Исмаила, стерегущего наше скромное имущество. Начались лихорадочные поиски транспорта. Этим занимался приехавший вместе со мной Саид. На исходе второго дня я оказался наконец в шоферской кабине пружовика, на который погрузили тюки, ящики, сбитую из досок мебель и прочее имущество.

Когда мы миновали Пули-Хумри, наступила ночь. Температура воздуха упала ниже нуля. Я был единственным пассажиром. Обслуживали машину шофер, который одновременно был ее владельцем, и его подручный — килинар.

Шофер был весьма видным мужчиной лет тридцати, с черными блестящими глазами, орлиным носом, крепко сжатыми губами, немногословный и чрезмерно сдержанный. С самого начала он показался мне несимпатичным, хотя придраться было не к чему. В его поведении, однако, чувствовался какой-то хищный деспотизм. Интуитивно я угадывал в нем сильную, но и небезопасную личность. В отличие от своего начальника килинар — долговязый, худой парень двадцати с небольшим лет — имел вид человека, начисто лишённого собственного взгляда на окружающий его мир. В его

выцветших глазах застыло выражение страха и неуверенности. Все распоряжения он выполнял с необыкновенным усердием. Было холодно, и шофер позвал помощника в кабину. Он сидел, притиснутый к самой двери, как будто хотел сократить до минимума размеры собственного тела.

Сразу за Доши безотказно работавший до сих пор мотор начал барахлить. Машина остановилась, и мы вышли на заснеженную дорогу в диком горном ущелье. Шофер безошибочно определил, что свечи замаслились. Они были черны, как сажа. После замены свечей мы проехали несколько километров, и история повторилась. Теперь водитель велел развести с помощью бензина огонь и обжег на нем сложенные в пирамиду свечи. Их хватило на следующий короткий отрезок пути. Операция повторялась через каждые полчаса. Долговязый килинар буквально читал мысли своего шефа: бросался к ящику с инструментом, подавал, собирал, чистил, голыми руками приносил горячие свечи. Видно было, что он боится каждого неверного движения. Руки у него дрожали, зуб на зуб не попадал.

Поскольку было всего лишь два комплекта свечей, огонь разводили через раз. Несмотря на усердие подручного, шофер погонял его резкими, отрывистыми выкриками. На очередной стоянке выяснилось, что с предыдущей в спешке забыли захватить запасные свечи. Какое-то время бедный парень делал вид, что ищет их в ящике с инструментом, потом в шоферской кабине. Однако вскоре шофер понял, в чем дело. Он отошел от мотора, слегка пригнулся и стал медленно приближаться к килинару. Я остолбенел. Шофер стремительно выпрямился и ударил подручного кулаком между глаз. За первым ударом последовали другие. В остервенении он бил парня вслепую до тех пор, пока тот не повалился на снег. И потом еще пнул лежащего, из уст которого вырывались лишь жалобные стоны.

Я выскочил из кабины, схватил за плечи разъяренного шофера и оттащил от свернувшегося в клубок парня. Мощный детина вырвался и повернулся ко мне лицом. Глаза его были прищурены, вздрагивающие уголки рта свидетельствовали о том, чего стоило ему видимое спокойствие.

— Знаете ли вы, что этот верблюд сделал? — прошипел он.

— Знаю, но ведь он человек.

— «Человек»... Это не человек, а смердящий пес!..— И прежде чем я успел удержать его, он подскочил к лежащему парню и пнул его ногой в голову.

Теперь ярость охватила меня. Не думая о последствиях, которые могло иметь мое вмешательство в эту историю, я толкнул шофера в снег. Он упал на руки в супроб, но тут же вскочил и начал подкрадываться ко мне. Неожиданно он бросился на меня. Левым предплечьем я отбил атаку, правой рукой схватил его за пястье, вывернул руку за спину и подержал так некоторое время. Среди горной тишины слышно было лишь наше учащенное дыхание да всхлипывания килинара, который поднялся на ноги и медленно направился в нашу сторону.

Я ждал от него хотя бы слов простой благодарности. Между тем он навалился на меня, пытаясь высвободить своего шефа. Я с легкостью сбросил его с себя, но шофера отпустил. Не оглядываясь, дошел до машины и занял свое место в кабине.

Через минуту на дороге пылал огонь и обжигались свечи на последующие несколько километров. За всю нашу поездку мне никто не сказал ни слова. Вопросы мои оставались без ответа. Я попросту перестал для них существовать.

На каждой очередной стоянке килинар получал от своего шефа умеренную взбучку. Я больше не вмешивался. Мне вдруг пришло в голову, что они могли бы оставить меня здесь на морозе, на высоте около трех тысяч метров, при минимальных шансах дожидаться какой-либо машины. В это время года движение через Гиндукуш фактически прекращается.

В Дуабе шофер купил три новых комплекта свечей; несмотря на это, путешествие длилось еще двое с половиной суток. Когда позже я рассказал эту историю своим переводчикам в Кабуле, они удивились поступкам шофера, но поведение килинара нашли вполне естественным. Они кое-что разъяснили мне. Во-первых, шофер и его подручный мусульмане, а я нет; во-вторых, килинар — добросовестный подручный. Он просто не мог поступить иначе. А что касается взбучки, так иногда следует проучить нерадивых, правда не так жестоко. Меня несколько удивил вопрос: снял ли подручный, когда его били, чалму с головы и бросил ли ее на

землю? К сожалению, я не обратил на это внимания. Оказалось, что жест этот означает капитуляцию. И никто не позволит себе ударить человека, сдавшегося на милость победителя.

Приезд в Кабул завершил первый этап моей работы в Афганистане, работы на дорогах севера страны.

КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ

Со времени моего последнего пребывания в столице прошло семь месяцев. За этот период здесь произошло много перемен. Закончено наконец здание гостиницы «Кабул», в которой мы временно останавливались. Заасфальтировано несколько улиц. Штат бюро польского торгового советника увеличился почти вдвое.

Барбару в польской колонии встретили, как героиню. Проехать с двумя маленькими детьми пять суток поездом из Москвы, переправиться через Амударью и пустыню! Бедные дети! Наконец-то теперь они среди своих и устроены со всеми удобствами.

На следующий день я представился в министерстве. Меня мучило беспокойство. Информация в этой стране, насколько я успел заметить, поступала по разным каналам и в зависимости от их характера могла быть чрезвычайно разнообразной. Впрочем, это специфическая черта не только Востока.

Я был уверен, что мой вызов в Кабул связан с айбакскими неурядицами. В голову лезли мысли о будущем. Однако Матин даже не упомянул об этом, зато с уважением отозвался о моей работе и сообщил, что как человек, пользующийся доверием самого Кабир-хана, я введен в состав контрольной комиссии при министерстве. Помимо меня к работе в комиссии предполагалось привлечь двух инженеров: Бронца из Чехословакии и Грызина из СССР. В наши задачи входил контроль над качеством и объемом работ, выполняемых подрядчиками. Нечто вроде комиссии по приему объектов. Кроме того, мы должны были производить инженерные работы в черте Кабула.

— Нам особенно радует ваше знание иностранных языков,— сказал далее Матин.— С дари дело у вас, кажется, обстоит весьма благополучно.

Я из деликатности улыбнулся и поблагодарил за оказанное мне доверие.

— Господин Бронек уже на месте, и вам следует сразу же связаться с ним. Господин Грызин прибудет в течение этого месяца.

С симпатичным чехом инженером Владимиром Бронекем я познакомился во время своего последнего пребывания в Кабуле. Это был мужчина лет пятидесяти, с великолепной седеющей шевелюрой и суровым лицом службиста. Держался он просто и пользовался репутацией опытного дорожного инженера. В Афганистане находился уже более двух лет. Через несколько дней мы были с ним на «ты» и даже успели «спрыснуть» сотрудничество в контрольной комиссии великолепной чешской сливовицей.

Дальнейшее проживание в гостинице «Кабул» не отвечало моим финансовым возможностям, необходимо было срочно снять квартиру. На дверях большинства домов в районе Шаринау красовалась надпись по-английски: «to let»* Европейцы жили только в этом районе, и поэтому цены на квартиры были здесь немилосердно взвинчены. Уровень оплаты зависел и от качества крыши. Железный настил при глиняных перекрытиях увеличивал стоимость квартиры вдвое. Подобную роскошь я не мог себе позволить. Наконец выбор был сделан. Дом располагался на краю участка, и все окна выходили в небольшой сад: травка, несколько кустов и деревьев.

План дома незамысловат. В одном крыле — большая гостиная с террасой, передняя и кухня. Пол террасы и гостиной выложен неодинаковыми по форме, отшлифованными мраморными плитками. Доступ в другое крыло дома имела лишь семья хозяина. Там были две солнечные комнаты с деревянным полом, лабиринт коридорчиков и маленький, заросший виноградом дворик, который создавал атмосферу уюта и интимности. Истинная достопримечательность этой части дома — настоящая, выложенная кафелем ванная комната.

В стене, отделявшей гостиную от крыла, где поме-

* «To let» (англ.) — «сдается». — Прим. ред.

щались спальни, помимо завешенной портьерой двери имелось «тюремное» окошечко с узорчатой деревянной решеткой. Через него можно было наблюдать, что делается в гостиной, человек же, находящийся у окна в темной комнате, оставался невидимым. В такие окошечки девушки рассматривали женихов, женщины подслушивали разговоры мужчин. Являясь своего рода шедеврами кустарного мастерства, окна эти очень высоко ценятся на западноевропейских рынках. Стоимость их достигает нескольких сот долларов.

Нашему окончательному выбору в немалой степени способствовала семья хозяина, состоящая из главы дома — милейшего банковского служащего, его жены — черноокой, черноволосой упитанной женщины, трех дочерей в возрасте четырнадцати, шестнадцати, восемнадцати лет и десятилетнего мальчика.

Уступив нам дом, сами они переселились в одноэтажное строение по соседству. Жена хозяина и его дочери — Мириам, Гуль, Фатима — окружили нас теплом и вниманием, считали почти членами семьи; изоляция женщин здесь уже отжила свое. В быту местные женщины и девушки нисколько не отличались, по моим наблюдениям, от наших. Они так же смеялись, шутили, сплетничали, бранили прислугу, подтрунивали друг над другом, играли в карты и жаловались на жизнь. Потом я встречал их на улицах (разумеется, в темных очках) и в кино, порой в обществе невероятно важных или, наоборот, робких юношей. Эмансипация сдвинулась с мертвой точки. Лишь веселая и добродушная наша хозяйка покачивала головой, осуждая новые порядки.

Однажды у нас с ней вышел такой разговор.

— Ханум, — спросил я, — правда ли, что раньше девушка совсем не участвовала в выборе жениха?

— Это не совсем так. Отец и мать очень любят своих детей и хотят, чтобы они были счастливы. Так же, как и у вас. Чаще всего родители считаются с желанием дочерей, которые сами выбирают себе мужей из тех, кто бывает в доме. Задача родителей — приглашать нужных людей.

— Все это хорошо, но разве любовь не имеет у вас прав на существование?

Моя собеседница возмутилась:

— Как это — не имеет? Молодой человек знает свою будущую жену по рассказам матери, сестер. Любит,

еще не видя. Представляет ее себе, поет ей песни. Он знает, что в доме родителей невесты она его уже видела. И хотя беседует, поет, мысленно он с ней. Ему слышится порой ее голос или смех. Он думает о ней по ночам. Да разве для того чтобы полюбить женщину, надо непременно увидеть ее нагой? Все ли ваши браки счастливые, хотя вы и знаете друг друга до свадьбы, часто даже слишком близко? И все ли браки у вас заключаются по любви?

— Хм, действительно, бывает по-разному. Но у вас молодых девушек часто выдают за стариков, порой не однажды женатых в прошлом. Они и в этих случаях бывают счастливы?

— Саиб, я прочла много французских книжек, в которых молодые девушки — любовницы пожилых, женатых людей. Это приводит часто к семейным конфликтам, считается злом, но тем не менее это факт. Такова жизнь, и вы напрасно обманываете сами себя. Разве наши обычаи не более честные? Мужчина, которому мало одной жены, берет себе вторую, третью, четвертую... У вас он заводит любовниц.

— Но как же терпят жены?

— Редко случается, чтобы жены ссорились из-за мужа. В чем виноваты друг перед другом эти женщины? Разве они не могут быть подругами? Разве старшая не может опекать младшую, а младшая — уважать старшую? Я уверена, что у нас не меньше моногамных семей, чем у вас таких, в которых мужья не изменяют женам. Разве не случается у вас, что один мужчина любит сразу двух женщин?

— Случается. Но возникает еще вопрос: а справедливо ли такое положение, при котором мужчина может иметь несколько жен, а женщина всего только одного мужа?

В разговор вмешался хозяин, который до сих пор молча слушал, о чем мы говорили.

— Но ведь мужчина не может родить ребенка и выкормить его грудью? Следовательно, равенства нет, мужчина — это мужчина, женщина — это женщина. Одному — быть королем или князем, другому — водоносом. Один является на свет божий во дворце, другой — в пастушьем шалаше. Так устроен мир, саиб.

Не желая затягивать и обострять беседу, я предложил сделать снимки всей семьи.

В Афганистане любят фотографироваться. Хозяин пошел за дочками, хозяйка же воспользовалась моментом, чтобы лишний раз поддеть меня.¹

— Саиб, разве могла бы женщина уважать мужчину, который делит ее с другим? А что чувствовал бы ребенок, у которого два отца? — спросила она тихим голосом.

К счастью, отвечать мне не пришлось. Прибежали развеселившиеся девушки. Я стал фотографировать, но был, вероятно, несколько рассеян — все размышлял по поводу недавнего разговора. Хозяин заметил это и, улыбнувшись, шепнул мне:

— Не принимайте близко к сердцу, саиб. За нами старина. Теперь новые времена, и к ним надо применяться.

Я кивнул головой и ответил ему улыбкой.

Несколько дней спустя у меня состоялась еще одна подобная беседа. Я возвращался с работы, у калитки мне встретились старшие дочки хозяина.

— Это правда, саиб, что женщины у вас могут иметь двух мужей? — спросили они и фыркнули, как по команде.

— Глупости! — буркнул я и поспешно вошел в сад.

У меня за спиной все еще звучал переливистый смех девушек.

В начале марта приехал Бронек с женой. Мы уступили им одно крыло нашего дома. Бронек хотел вернуться в Польшу до завершения срока контракта. После моего отъезда в Кабул деление на две группы стало невозможно, а следовательно, отпадал переезд из Айбака в Баглан. Позже оказалось, что покинуть этот прелестный уголок совсем не так просто. После длительных хлопот Бронек получил наконец разрешение переехать в Кабул, и через месяц мы провожали своих милых друзей на родину.

ГАЗНИ

Было самое начало лета. Я ехал по делу, на сей раз в город Газни.

Дорога вилась среди серых каменистых плоскогорий. Она то пересекала зеленые долины, то вплотную подходила к затененным циновками чайханам.

Весна принесла с собой много перемен. Теперь я уже работал в министерстве. Имел свой кабинет и трех ассистентов — выпускников технического отделения Кабульского университета. Сотрудничал и с такими признанными знатоками своего дела, как директора Реза и Гафар, которые стали дорожниками под руководством польских инженеров, работавших здесь еще во время войны.

Самым важным заданием, которое мы получили, была реконструкция дороги Кабул — Папман через Каргу.

Вернемся, однако, на дорогу, по которой двигался наш «газик» в направлении Газни. Кроме меня и шофера в нем находились Гафар-хан и двое ассистентов.

Гафар весьма видный мужчина средних лет. Волосы его скорее седые, чем седеющие, и при этом он сохраняет прекрасный цвет лица. Он редко улыбается и кажется мне немного загадочным.

В Газни нам предстояло выбрать место для строительства моста и наметить линию дороги по обе его стороны.

Город, расположенный на трассе Кабул — Кандагар,

вошел в историю как резиденция одного из крупнейших властителей — Махмуда из Газни, покорившего в XI веке обширные районы Ирана и Индии*.

Теперь это центр провинции того же названия, маленький городок, примостившийся у подножия опромной крепости. От древней святыни — в трех километрах на юг — остались лишь две башни, развалины мраморного дворца и прекрасно сохранившаяся, чтимая как религиозный и национальный памятник старинная пробицца великого Махмуда.

Пока солнце еще не село, я принялся за дело. Протекающая через город река Газни — не более двадцати метров шириной. Выбрать место для двух свай при неизменной форме русла не представляло особого труда. Закончив работу, мы должны были переночевать в местной гостинице, а на следующий день нанести визит губернатору.

Набожный Гафар вместе с двумя ассистентами решил посетить на рассвете святыне места. Немного поколебавшись, они согласились на мое участие в экскурсии. Пройдя по улицам еще не пробудившегося города, мы обошли крепость. Дальше по широкой каменистой трассе нас повез «газик». Две башни высотой в несколько десятков метров, как одинокие часовые, стояли у входа в широкую, плоскую долину. По обе стороны дороги висели таблички с надписью: «Всякие земляные работы запрещены». Там, где сотни лет назад бурлила жизнь многотысячной столицы, теперь была мертвая каменистая равнина. Проехав километр, мы остановились перед группой строений — остатками прежних дворцов и святынь. Мраморные чаны, декоративные каменные чаши, в которых собиралась вода, свидетельствовали о былой роскоши. Дорога в деревянную мечеть вела через прекрасный старый сад, обнесенный высокой стеной. Чтобы попасть в него, надо было пройти сквозь темные, крытые ворота со свисающей сверху цепью. Каждый посетитель брался за цепь одной рукой и слегка оттягивал ее. До начала общих молитв все пребывали в полном молчании. Чтобы не оскорблять религиозных чувств верующих, я укрылся на некоторое время в глубине сада. И лишь когда богослужение кончилось,

* Махмуд Газневид правил в 998—1030 гг.— *Прим. ред.*

поспешно приблизился к открытым дверям мечети и остановился в двух метрах от освещенной первыми лучами солнца гробницы.

На полу за металлической декоративной оградой возвышались две мраморные плиты. Великолепный орнамент из арабских букв напоминал, что в гробнице покоятся останки не только полководца-завоевателя, но и покровителя искусств.

Из мечети мы направились к расположенному несколько выше священному источнику, рядом с которым сооружены кабины для омовения.

Сразу же после завтрака мы отправились в обществе местного директора строительных работ на прием к губернатору, резиденция которого помещалась в крепости.

Плоская вершина поднимающейся над городом горы была обнесена стеной, которая образовала площадь в несколько гектаров. Попасть в крепость можно было через массивные деревянные, обитые гвоздями ворота. По ту сторону ограды возвышалось множество хаотически сгрудившихся строений, которые были соединены лестницами и всевозможными переходами, снабженными маленькими калитками и большими воротами. Здесь жил губернатор. Он принял нас в большом светлом зале угловой башни, из окон которой был виден весь город.

Губернатор, пожилой тучный человек, держался сугубо официально. Разговор шел об укреплении старого моста, прозванного обвалиться. Мы вышли на улицу и тщательно осмотрели это историческое сооружение. Казалось удивительным, что по нему еще могут ходить люди и даже ездить машины. Насчитывающая несколько веков конструкция из кирпича была настолько подмыта рекой, что годилась только для разборки. Укрепление древнего моста обошлось бы намного дороже, чем строительство нового. Для временной страховки я предложил вбить несколько свай вдоль провисшего края и показал, как это сделать без помощи механизмов. Набросал несколько эскизов. Мое предложение весьма понравилось губернатору. Между тем я не исключал, что спустя несколько лет машины и люди будут все так же передвигаться по выгнутым пролетам моста, держащегося, казалось, вопреки всем законам механики.

Визит к губернатору закончился около десяти утра. Мне казалось, что теперь мы уже можем без помех вернуться домой. Однако все было совсем не так просто. Гафар и ассистенты непременно хотели остаться в Газни до вечера и приводили всяческие отговорки: покупки, визиты, переговоры, лучший, нежели в Кабуле, воздух (Газни расположен на высоте триста метров над уровнем моря). В их голосах слышались нотки недоумения и даже нетерпения.

— Это невежливо, саиб, приехать и тут же, покончив с делами, уехать. Мы почитаем вас за старшего брата, а вы хотите, чтобы мы вели себя, как неотесанные деревенские парни.

Их аргументация, однако, не убеждала меня. Вчера был нездоров Гжесь. Я попросту беспокоился о семье, но не смел в этом признаться. В конце концов мне пришлось согласиться провести в Газни еще два часа, что, впрочем, не совсем устроило моих спутников, судя по их отчаянной жестикуляции.

С меня было уже достаточно шумного и пестрого базара; хотелось вздремнуть перед дорогой. В местной служебной гостинице у нас была одна комната на всех. Я прилег на постель, не раздеваясь, и закрыл глаза. Но заснуть никак не мог. Спутники мои то и дело приносили с базара какие-то свертки, сумки, корзины и жбаны.

Приближалось намеченное мною время отъезда. Гафар и ассистенты собрались наконец все вместе, тихо переговариваясь между собой. Но вдруг я увидел из-под полуприкрытых век, как они стали потихоньку, на цыпочках один за другим выходить из комнаты. Дверь бесшумно закрылась. Я посмотрел на часы. Через пять минут был назначен выезд.

Ровно в двенадцать я вскочил с постели, схватил дорожную сумку и направился к двери. Но она не открывалась. Что за черт! Заело, что ли? Попробовал еще раз — никакого результата. Навалился всем телом — и опять тот же эффект. Меня охватила ярость. Я подбежал к окну. Наша комната в одноэтажном доме, выстроенном на самом краю откоса, была угловой. Сразу под окном — обрыв глубиной метров в семь, а на дне его — огромные остроконечные камни. Я задыхался от гнева. Прыгать? Это было бы уж совсем безрассудно. Отскакиваю от окна и в бессильной злобе ударяю

ногой в дверь. Она слегка поддается — видимо не заперта на нижний засов. Я отступаю на несколько шагов, разбегаюсь и изо всей силы наваливаюсь плечом. Раздается страшный треск, обе створки широко распахиваются, и я отлетаю к противоположной стене коридора.

Гордость за самого себя, презрение к работавшим на строительстве дома столярам и, наконец, тот факт, что уже нет запертой вопреки моей воле двери, значительно охладили мой пыл. «Ну теперь-то уж, голубчики, дурака вам из меня сделать не удастся», — подумал я.

Не придя еще в себя от возбуждения, с сумкой через плечо, я направился к базару на поиски своих спутников. Сначала, как и предполагал, нашел машину, потом шофера. При виде меня глаза его округлились. Он невнятно объяснил мне, что понятия не имеет, куда делась все остальные.

Но в небольшом городке, где люди разговорчивы и услужливы, всё на виду. В результате уже через пятнадцать минут я оказался лицом к лицу со своими радостно улыбающимися помощниками.

— Как спалось, саиб?

— Прекрасно, благодарю, — сухо произнес я.

— Что случилось, инженер-саиб? Вы сердитесь? — удивленно спросил Гафар.

— С чего вы взяли? Я очень рад видеть вас. Мы можем немедленно ехать?

— Скоро время обеда, саиб. Покушаем, выпьем чаю — тогда и отправимся в путь. Так будет лучше, не правда ли?

Он смотрел на меня снисходительно и терпеливо, но в его голубых глазах то и дело вспыхивали искорки, как у человека, который прилагает все усилия, чтобы не рассмеяться. Я судорожно сжал кулаки, так что ногти впились в ладонь, и неестественно тихим голосом произнес:

— Нет, мудир-саиб, мы не будем здесь обедать. Едем сию же минуточку.

— Но, саиб...

— Прощу вас! — прервал я и, указав рукой на стоящий в нескольких шагах «газик», не оглядываясь, направился к нему.

Интуиция подсказывала мне: продлись разговор еще

минуту, я стал бы в глазах этих людей неотесанным простаком, что привело бы к серьезному подрыву уже и без того пошатнувшегося авторитета. Мы подъехали к гостинице за вещами, и вскоре Газни скрылся из виду в клубах белой пыли.

По дороге меня не спрашивали, как я оказался «на свободе». Начни я первый говорить на эту тему, мои спутники наверняка сделали бы удивленные лица и стали бы присягать, призывая в свидетели Аллаха, что ведать ни о чем не ведают. Не иначе как саиб все это увидел во сне.

Я спешил домой. Квартиру мы сменили сравнительно недавно — наш бывший хозяин выдал дочь замуж и продал участок зятю.

Новый дом мы снимали вместе с немцем Рольфом Шанцем. Я с семьей — внизу, Шанц — наверху. У Рольфа был пес Бюбхен, очень похожий на нашу Чадру. Собаки заполучили в полную собственность небольшой дворик, который, несмотря на многократные попытки, так и не удалось превратить в садик.

Мусу, курьера из министерства, освобожденного от должности, я пригласил в дом в качестве слуги.

Робкий, услужливый мальчик лет четырнадцати-пятнадцати, с черными глазами и тихлым ртом, Муса был чуток ко всякому проявлению доброты. Он носил коричневые шаровары, такую же рубашку и зеленую военную блузу, героическую историю которой могли поведать многочисленные заплаты. Фуражка со свернутым набок козырьком и некогда круглым верхом, стоптанные черные полуботинки на босу ногу дополняли костюм нашего «камердинера».

Муса отличался необыкновенной медлительностью. Всегда молчаливый, он был склонен к глубокой философской задумчивости. Прошло немало времени, прежде чем, освоившись, мальчик начал задавать вопросы. Моей жене, которая принадлежит к разряду людей, стремительных в мыслях, словах и поступках, с Мусой было совсем не просто.

Вернувшись из Газни, я застал у себя в доме гостя — Исмаила, одного из новых ассистентов. Два дня назад, вздыхая и жалуясь на недомогание, он отказался от поездки, а уже вчера явился к Барбаре, предлагая свои услуги в работах по дому, в присмотре за прислугой (бедный Муса прятался от него по углам), ну

и... обещая восполнить пробелы, образовавшиеся в нашей семейной жизни после моего отъезда в Газни. Сегодня он пришел с новыми предложениями, готовый на все ради обожаемого инженера и его жены.

Исмаил — выдающийся представитель кабульских денди. Одевался он с той особой элегантностью, при которой каждая деталь гардероба — самостоятельное, независимое от всех прочих проявление утонченного вкуса. Синие брюки, канареечного цвета жилет и зеленый пиджак соперничали по изысканности с черными носками, разрисованным пальмами галстуком и шляпой, надвинутой на один глаз. У Исмаила большой нос, резко выступающий кадык, липкий взгляд бархатных очей и всего лишь один недостаток — тщедушное телосложение. Истинная цель его визита была совершенно очевидна, но бедняга просчитался. Он не только обманулся в своих надеждах, но и оказался вынужденным беседовать со мной с глазу на глаз, причем условия диктовал я. После этого разговора Исмаил исключил мой дом из сферы своих интересов.

Любопытно, что мусульмане считают жен «неверных» свободными женщинами, а следовательно, и то, что с нашей точки зрения было бы безнравственным поступком, расценивают как добродетель, как нечто достойное мужчины.

Отбить жену у единоверца — преступление. Прежде за это полагалась суровая кара. Если женатый мужчина соблазнял замужнюю женщину, обоих забивали камнями. Если мужчина был холост, а женщина — замужем, забивали камнями ее, а он получал порцию розог. Все прочие варианты рассматривались в узком кругу заинтересованных лиц, ибо речь могла идти только о мести со стороны семьи девушки.

Среди кабульских донжуанов господствует мнение, будто европейские женщины легкодоступны. Справедливость требует признать, что оно не лишено оснований. Жаркий климат, романтический пейзаж в сочетании с женским любопытством и изнуряющей скукой создают условия, при которых бахвальство моих случайных здешних собеседников приобретает вполне реальные черты.

Известны отдельные случаи, когда местные власти обращались в соответствующие дипломатические представительства с просьбой по возможности сократить срок

пребывания в стране той или иной дамы, поскольку ее поведение противоречит принципам морали.

Все без исключения женщины, которым я в шуточной форме говорил о возможности такого приключения, чувствовали себя предельно оскорбленными. «Брак — это другое дело», — говорили они. Однако в Кабуле лишь несколько десятков обеспеченных горожан женаты на европейских женщинах. Вот и попробуй тут разберись...

КОВРЫ

Я сидел в мрачном, тихом дуكانе — ковровой лавке, попивая ароматный чай. Передо мной возвышались кисты ковров, вдоль стен рядами стояли большие и маленькие рулоны. Через освещенный дверной проем доносился приглушенный шум улицы. Рядом со мной сидел дукандар-саиб — владелец лавки. Он не спеша попивал зеленый чай и, понимая, что мысли мои где-то далеко, тактично не возобновлял прерванного разговора.

Я медленно возвращался к действительности. Торговец моментально заметил это и первый мой взгляд, обращенный в его сторону, встретил вопросом:

— Саиб?

— Ну! — произнес я тихо, и вновь воцарилось молчание.

Прямоугольник дверного проема начал окрашиваться в апельсиновые тона.

— Уже поздно, — заметил я.

— Это ничего, — прозвучало в ответ. — Может, еще чаю?

У старого Якуба я бывал чаще, чем у прочих торговцев коврами, которых считал своими друзьями. Он был моим наставником, помогая осваивать сложную науку о коврах.

Под приобретением ковров не следует понимать просто их скупку, в результате которой можно стать обладателем десятков или сотен экземпляров. Приобретение ковра — это длительная крупная игра, каждый ход которой не менее важен, чем ее результат. Достаточно сказать, что покупка мною четырех больших ковров

продолжалась больше года. Человек, который выбирает ковер сразу и заключает сделку в течение нескольких минут, считается в Афганистане глупцом и невеждой. Такому не стоит и показывать, как выглядит настоящая, хорошая вещь. Впрочем, если даже и показать, он не оценит истинную, благородную красоту древнего рисунка, а предпочтет простоту ковров, изготовленных в расчете на туристов с долларами.

Как-то раз мы с Барбарой решили, что поскольку так или иначе придется купить какой-нибудь коврик на память, то уже лучше сделать это сейчас, чтобы украсить скромное убранство двух наших комнат. Спустя пару дней мы посетили с этой целью один из крупных дуكانов.

В большой, темной лавке помимо самого торговца и его помощника сидели два европейца. Склонившись над красно-коричневым прямоугольником ковра, они лениво беседовали на ломаном дари. Завидев новых клиентов, дукандар подбежал к входу:

— Господа хотят приобрести ковер? Прошу. Я могу предложить нечто вполне вас устраивающее.

Не переставая говорить, он схватил один из стоящих у стены рулонов и быстрым, плавным движением развернул его на полу. Брызнули черно-красно-бело-голубые краски — настоящая орпия.

— Бухара, — то и дело повторял торговец, как будто хотел заморозить нас этим словом, засвидетельствовать совершенство предлагаемого образца.

Значительно позже я понял, что названием прославленных ковров пользуется каждый дукандар без малейших упрязений совести, интуитивно угадывая, что в восприятии непосвященных клиентов оно ассоциируется с великолепием и таинствами древнего, сказочного Востока. Позднее, когда я уже сделался почти знатоком, мне не раз приходилось восхищаться «подлинными бухарами» и уверять из сострадания их вновь испеченных обладателей, что это и есть самые настоящие.

Барбаре ковер очень понравился. Он был яркий, «очень восточный» и совсем новенький. Сделка должна была вот-вот состояться, жена хотела лишь немного поторговаться. Но, к счастью, я заметил у стен еще несколько таких же «бухар» и решил, что спешить не стоит. Те двое посетителей, которые уже находились в лавке (из обрывков разговора я понял, что они немцы),

все еще рассматривали ковер того же самого рисунка, что и наш. Что это был за ковер! Старый и явно бывший в употреблении. Я хотел было обратить на это внимание покупателей, но потом решил, что дефект слишком очевиден. Может быть, у них нет денег на новый? А впрочем, какое мне дело? Пусть себе покупают. На фоне нашего цветистого чуда их ковер выглядел так, будто он находился под заколоченным стеклом. По совести говоря, мне даже не хотелось смотреть на него.

Торговец продолжал уверять нас, что во всем Афганистане мы не найдем ничего лучшего, чем его ковер; тем не менее мы вышли из лавки, так и не сделав покупки, вслед за немцами, которые поспешно направились к стоящей неподалеку машине.

Только теперь я заметил их волнение. Один из них, худой, с маленькой головой, распахнул дверцу машины и взял лежащую на сиденье книжку. Полистал ее и вдруг ткнул пальцем в открытую страницу.

— Тот самый! Какой красавец! — крикнул он приятелю.

И они начали возбужденно похлопывать друг друга по спине.

Я в недоумении пожал плечами, однако невольно задумался над таким странным вкусом. Но что, если слеп я, а видят они?

В третьей или четвертой лавке мы вновь столкнулись с теми же немцами. Пока мы выслушивали, как торговец расхваливает очередную «бухару», они высматривали что-то по углам и наконец попросили показать большой ковер. Светлый орнамент образовывал крест во всю его длину и ширину. Немцы посмотрели, покачали головами и вдруг заинтересовались маленьким молитвенным ковриком. По темно-коричневому фону на нем были разбросаны небольшие стилизованные кресты, обрамленные тремя рядами белого и бежевого орнамента. Кайма с одной стороны была вытянута в форме треугольника, имитирующего крышу мечети. Отчетливо выделялись те места, где во время молитвенных поклонов должны находиться руки молящегося.

Пока Барбара была занята разговором с торговцем, я приблизился к немцам.

— Простите, что это за ковер? — обратился я к худому покупателю.

— Это же «балюч». Вы обратили внимание на орнаменты в центре?

— Да, разумеется,— соврал я, не моргнув глазом.

— Эта пирлянда из листьев, она великолепна! Не правда ли?

Так все и началось. В этот день мы не купили ни одной «бухары», зато я познал азы науки о коврах и освоился с ее номенклатурой. Правда, спустя несколько дней мы все же приобрели «бухару», но теперь я уже не мог спокойно проходить мимо ковров. Научился безошибочно отличать серийные штампы от оригинальных, редких узоров, анилиновые красители — от естественных. Количество узлов на дюйм мог определить на глаз. Видел, какой ковер действительно старый, а какой лишь искусно имитирован под старый.

Мне часто приходилось слышать:

— Хэлло, мистер, зайдите! Есть кое-что для вас.

Но — увы! — меня уже нельзя было уговорить купить «настоящую бухару». Теперь я знал, что наименования «бухара», «маури-харат», «балюч», «даулятабад» даются не по названию местности, где изготовлен ковер, а по типу узора и переплетения.

И вот я сижу в лавке с хозяином, с которым уже установил приятельские отношения, и знаю, что если спрошу о цене ковра, то он завысит ее всего на пятнадцать — двадцать процентов, чтобы было из-за чего торговаться, тогда как для новичков ковры оцениваются в два и в три раза дороже настоящей их стоимости.

В Афганистане нет картинной галереи; ее роль в какой-то мере восполняет торговля коврами. Странствующие перекупщики развешивают свой товар прямо на опрадах парков и садов; в больших сераях десятки торговцев раскладывают тысячи ковров; досточтимые дукандары расхваливают туристам «бухары», а где-нибудь по углам держат редкие вещи для знатоков. Опытный торговец всегда поймет, с кем имеет дело, уже по одному тому, как клиент рассматривает товар.

По мере посещения местных «салонов искусства» менялся мой вкус, появлялось понимание истинно восточной красоты. Совсем другими глазами я смотрел теперь на темные, приглушенных тонов «саруки» или красно-черные «даулятабады».

А вот главные критерии оценки ковров:

1. Оригинальность рисунка и время изготовления.

Настоящим ковром при соблюдении некоторых правил можно пользоваться сотни лет; лишь по истечении нескольких десятилетий обнаруживаются некоторые его дефекты. Больше всего ценятся ковры, прослужившие от двадцати до пятидесяти лет.

2. Количество узлов на дюйм или квадратный сантиметр (ибо ковры вяжут, а не ткут!). Этот фактор в значительной мере обуславливает прочность ковра и четкость рисунка. Оно может колебаться от нескольких сотен до нескольких тысяч на квадратный дециметр.

3. Применяемые красители. Выделяются натуральные цвета (шерсть черной, белой, коричневой овцы или верблюда) и натуральные красители: красный — плоды праната, синий — индиго, желтый — шафран и т. д.

4. Разновидность вязки: одинарный или двойной — персидский или турецкий узел.

5. Качество основы: шерстяная, хлопчатобумажная, пеньковая. «Балючи», например, изготавливаются на основе из козьей шерсти. Такая основа эластична. Этим объясняется характерная для этих изделий деформация.

6. Способность «лежать». Хороший ковер должен прилегать к полу всей своей поверхностью. Складки, изломы значительно снижают его качество.

7. Упругость и эластичность. Эти свойства ковра зависят от плотности основы и от качества вязки.

8. Блеск. В зависимости от разновидности ковер может обладать либо умеренным блеском, либо глубокой бархатистой матовостью. В том и в другом случае качество должно быть выражено определенно и равномерно.

В лавке Якуба я покупаю ковер вот уже третью неделю. Мы еще не договорились об окончательной цене, но торговец обещал мне не продавать ковра до тех пор, пока я не решусь на что-то определенное. Речь шла о сумме далеко не пустячной — двенадцати тысячах афгани (около трехсот долларов). Это в значительной мере превосходило мои возможности, но великолепная гармония красок, совершенство узора оказывали на меня поистине магическое действие. Торговец называл ковер «саруком», и, хотя в немецком каталоге он значится в разделе «Ковры с цветным иранским рисунком», я тоже буду придерживаться кабульской номенклатуры.

Темный, интенсивный коричневый цвет служил фоном для пяти окаймляющих полос с очень тонким и сложным рисунком в черно-бежевых тонах. На центральном поле восемь ромбов с неровными краями, цветовая гамма от темного пурпура до светлой киновари создавала эффект флюоресценции. Идеально ровная, бархатистая матовость короткого ворса подчеркивала единство рисунка и красок.

Якуб вдруг поднялся.

— Саиб, прошу вас, возьмите ковер и положите его у себя в квартире. Через месяц, два, три вы отдадите мне либо ковер, либо двенадцать тысяч,— сказал он.

— Но это невозможно, у меня пока нет таких денег, дукандар-саиб.

— Вы ведь знаете, никому другому я бы не продал за эту цену. Вы должны купить ковер, вы его любите, и поэтому только вам я хочу его продать!

Говоря это, он как-то странно тряс седой бородой и был совсем не похож на хитрого торговца, который почти три недели мелочно спорил со мной из-за цены. А может, это какой-нибудь профессиональный трюк? Я поколебался с минуту, но потом протянул ему руку в знак того, что сделка заключена. Сын Якуба свернул ковер и отнес его в машину.

Я уже хотел ехать, как вдруг опять увидел тех двух немцев-знатоков и ощутил неодолимое желание тут же проверить, какова ценность моего приобретения. Я помахал им рукой. Худой немец сразу заметил переброшенный через оба сиденья рулон. Я отвернул самый край, немец вытаращил глаза.

— Фриц, это тот самый, который мы ищем уже два месяца! Где вы его купили? У старого Якуба? Вот прохвост, а нам даже не заикнулся! Покажите!

Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно открыл дверцу машины и стал лихорадочно вытягивать ковер на улицу. На лице у него выступили красные пятна. Фриц помогал, громко сопя. Они разложили мое чудо среди улицы и стали обходить кругом.

— Здесь подштопан,— заметил худой, указывая на не замеченный мною дефект.

— Смотри, Ганс, излом,— немец ткнул ногой в едва заметную волну на самом краю ковра.

— Да, этот старый бездельник обманул вас. Видимо, дорого содрал?

Я не ответил. Меня мучило беспокойство. А что, если Якуб хочет подсунуть мне ничего не стоящую псевдо-старину? Немцы тем временем приступили к детальным исследованиям. Перегибали ковер, рассматривали образующуюся на сгибе бороздку. Ганс достал из кармана маленькую картонку с прорезанным окошечком и приложил к коврику — подсчитывал количество узлов. И вдруг я понял, что дело обстоит не так уж плохо, если, несмотря на обнаруженные штопку и изломы, интерес Фрица и Ганса к коврику несколько не ослабеваает.

Они извлекли какие-то тампончики, смачивали их жидкостью из маленького пузырька и пробовали краски. Потом разглядывали тампоны на свет. Когда экспертиза, проводимая в «полевых условиях», наконец закончилась, лица немцев, как по команде, стали равнодушными.

— Он действительно настоящий, но особого интереса не представляет. Штопанный и с изъянами. Любопытно, сколько с вас содрал этот хитрец Якуб?

— Собственно, я еще не купил ковер, но мы сошлись на двенадцати тысячах.

Немцы быстро переглянулись.

— Двенадцать тысяч — это не мало. Даже весьма солидно. Вы уже окончательно решили взять ковер?

— Не совсем...

— Мы могли бы... — начал было Фриц, но тут же осекся, перехватив прозный взгляд Ганса.

Они свернули ковер и помогли мне донести его до машины.

— Вам можно будет как-нибудь нанести визит? — любезно улыбался Фриц.

— Пожалуйста, только вот адрес у меня сложный.

— Это ничего.

Теперь мне было все ясно. Реакция специалистов, оценивающих ковры с первого взгляда, говорила сама за себя. На ближайшем углу я увидел Якуба. Бог весть как он промелькнул мимо нас незамеченным. Якуб сделал мне знак остановиться. На лице старого торговца играла едва уловимая усмешка. Глаза лукаво поблескивали.

— Ну что, немцы очень плакали? — спросил он.

— Пожалуй.

— Этот ковер не для продажи, а специально для

вас. Понимаете? — сказал Якуб, глядя мне прямо в глаза.

— Понимаю.

Немцы навестили меня дня через два. Они предложили мне перепродать ковер, предлагая одну, две и даже три тысячи сверх установленной цены.

Я развел руками и улыбнулся:

— Это не для продажи, господа.

Когда визит повторился, я попросил Мусу сказать, что хозяев нет дома.

Как-то мне пришлось встретить Фрица и Ганса в Международном клубе. Оба были сильно пьяны. Увидев меня, они сорвались с мест и, слегка балансируя, направились в мою сторону.

— Поздравляем, поздравляем. Вы приобрели редкую вещь! — приговаривали немцы, поочередно похлопывая меня по спине.

БАНДИ-АМИР

В пятницу мы поехали в Махипар. Фельзбахи приняли нас в квартире, сверх меры забитой индонезийскими и местными безделушками. Мы превосходно пообедали на большой, подвешенной над огромной пропастью террасе, по соседству с дикими скалами, под шум протекающей внизу реки.

Эрик представил нас немцам, Биллерам, знакомство с которыми переросло впоследствии в теплую, бескорыстную дружбу. Сам Биллер был директором кабульской гимназии, его жена — заведующей детским садом. До приезда в Афганистан они двадцать лет пробыли в Китае, где пережили и войну.

Темой послеобеденной беседы было путешествие, предпринятое мной вместе с Бронцем. Сама по себе поездка по Каттагану не была для меня чем-либо примечательна, поскольку края эти мне хорошо знакомы. Но на обратном пути мы свернули с трассы, решив осмотреть знаменитые озера Банди-Амира. Мне столько приходилось слышать об этом чуде природы от Экбала и доктора Бампа, что я рискнул уговорить Бронца продлить поездку на один день.

До Банди-Амира надо ехать через Бамнианскую долину, которую я видел еще в прошлом году. Крутой серпантин дороги не под силу преодолеть обычной легкой машине. Вьется она среди желто-коричневых гор, пересекая перевалы в три тысячи метров и выше. Для такой экскурсии нужен «газик» с повышенной проходимостью, которым мы и располагали.

Наш шофер объявил, что там, на горе, у него нет никаких дел и ему лучше подождать в чайхане. При этом у него было такое выражение лица, как будто он хотел сказать: «Мне, голубчики, жизнь дорога. А если кто хочет поиграть в самоубийц, то пусть себе играет на свой страх и риск». Итак, мы двинулись в путь лишь в обществе дрожавшего от страха переводчика. Кинув жребий, установили, что я веду машину в горы, Бронец — обратно.

Волнений было немало. Так, когда мы преодолевали крутой подъем по скалистому уступу над самой пропастью, отказала скорость, и машина покатилась вниз. К счастью, мне удалось задержаться, упершись колесами в скалу. В результате — еще одна отметина на многострадальном «газике», учащенное сердцебиение пассажиров, мгновения напряженной тишины...

В семидесяти километрах от Бамиана, высоко в горах, простираются однообразные песчаные или каменистые пустоши. Грязно-желтые пески и ржавые горы создают унылый пейзаж. И вдруг на этом однообразном фоне какое-то пятно. Далеко внизу заискрилась вода цвета кобальта. Это озера, расположенные террасами, одно над другим. Самое нижнее и самое большое, площадью, по всей вероятности, в три квадратных километра, обрамлено с одной стороны отвесными, высотой в несколько сотен метров скалами, а с другой — зеленой полоской травы, отделяющей синеву озера от ослепительной белизны плоской известковой скалы.

Мы выскочили из машины и через проем в скалах вышли на край отвесного обрыва. В ста метрах под нами морщилось от порывов холодного ветра блестящее на солнце озеро. У самого подножия скал — косяк крупных золотистых рыб; их было видно, как в аквариуме. В том месте, где на озеро падала тень от скалистой стены, темнела непроницаемая толща воды. Я бросил вниз алюминиевую монету — два афгани. Через пару секунд она ударилась о воду, но лишь через минуту с лишним, поблескивая, опустилась на дно.

Влево тянулась широкая долина, от которой озеро отделяла тонкая полоска зелени. Это и было чудо. Полоска травы — гребень естественной плотины в несколько сот метров, через которую множеством каскадов переливается вода из озера. Соскальзывая тонким слоем с ослепительно белой осадочной известняковой плиты,

она образует глубокий ручей, лениво текущий среди сочных зеленых лугов. Сделав несколько снимков, как говорится, «с птичьего полета», мы спустились в долину по отвесной песчаной дороге.

Я влез на гребень естественной плотины и посмотрел на стоящего метров на двадцать ниже Бронца, испытывая странное чувство. Обычно более высокий уровень воды от более низкого отделяет гребень плотины, здесь же я стоял на полоске травы шириной в полметра, и мелкие волны заливали мне сандалии. Эжбаль говорил как-то, что, осматривая Банди-Амир, европейские инженеры удивляются, по какому закону механики это чудо удерживается в равновесии. Шум водяных струй заглушал голос Бронца.

— Какая красота! — кричал он снизу.

О ручье, который принимает воды; переливающиеся через естественную плотину, и спокойно несет их среди зеленых трав, нужно рассказывать особо. Буйная растительность по берегам и рыбы в естественных бассейнах глубиной в несколько метров создают впечатление аквариумов с удивительно прозрачной водой. Необычны и окружающие долину горы. Удаленный на несколько километров от ручья откос — это гигантский, тектонического происхождения обрыв, подвергшийся действию эрозии. А в тысяче метров над нами, на самом краю опрокинутой скалы, — шпиль; его идеально прямая линия — нечто сверхъестественное с инженерной точки зрения. С большим сожалением покидали мы эти места.

На обратном пути еще раз остановились перед стеной Бамиана. Этот древний центр буддизма и по сей день ошеломляет своим величием и красотой*.

Широкую светлую долину замыкает с одной стороны цепь заснеженных горных вершин, с другой — отвесная, высотой в несколько сотен метров красная стена скал. Внизу, в долине, располагаются в шахматном порядке пестрые луга и возделанные поля. В течение многих веков здесь был один из центров буддийской мысли.

* Пещерные храмы и монастыри Бамиана начали строиться в первые столетия нашей эры, в Кушанский период истории Афганистана (I—IV вв.). До арабского завоевания (в VII—VIII вв.) население Бамиана исповедовало буддизм. — *Прим. ред.*

Китайский паломник Сюань-Цзан в VII веке описал в своих дневниках необыкновенную красоту, богатство и могущество Бамиана.

Осматривая сооруженные в скалах колоссы, я понял, какой непомерный страх они могли возбуждать в те давние времена. Самый большой из них — пятидесяти трех метров высоты. В скалистой стене, протянувшейся вдоль всей долины, — окошечки келий-пещер. В общей сложности здесь насчитывается несколько тысяч комнат.

Величественность этого буддийского монастыря, немые изваяния гигантов в сочетании с залитой солнцем долиной и снежными вершинами гор производят неизгладимое впечатление.

МОСТ МАХМУД-ХАНА

В министерство я ездил на автобусе. Каждый день — те же лица, те же места. На одних и тех же остановках садятся одни и те же люди. У пересечения двух тенистых аллей в автобус вошел Экбаль в обществе своего друга Алама.

— Салам алейкум!

Молодые люди присели на краешках уже забитых людьми сидений.

— Что нового, инженер-саиб? Как прошла праздничная пятница?

— Благодарю, мы были в Махипаре.

Я сделал вид, что не замечаю надутой мины Экбалья, и принялся всячески расхваливать профессиональные достоинства инженера Фельзбаха, его гостеприимство. Приятели не сказали ни слова. Правда, круглое лицо Алама все еще украшало подобие улыбки, но его потупленный взор, казалось, говорил о том, что на этот счет у него имеется особое мнение.

Здание министерства — огромное строение, три крыла которого образуют обширный двор. На каждом из трех этажей — своя внутренняя галерея, обнесенная декоративной каменной балюстрадой. С нее можно заглядывать во все комнаты, расположенные со стороны двора, а из комнат, в свою очередь, видно, что делается снаружи. Уже несколько месяцев в министерстве работают девушки-машинистки, пионерки эмансипации. Держатся они вместе. В перерывах между работой собираются на галерею, напротив нашей комнаты.

Женщина — создание пугливое. Географические координаты в этом смысле не играют почти никакой ро-

ли. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы понять: место встречи выбрано в расчете на молодых людей, носящих почетный титул ассистентов. Путем дальнейшего логического анализа удалось установить, что наибольшей силой притяжения обладал Эжбаль.

Этот абсолютно невинный флирт мы назвали бы в наших условиях «воздействием флюидов». Основным техническим приемом было пребывание по соседству. Взгляды, жесты и отдельные, как бы ненароком брошенные слова пускались в ход крайне редко. Так продолжалось несколько месяцев, пока я не увидел одну из избранниц с пухлыми щеками, прятавшуюся под брезентом «газика», который Эжбаль иногда раздобывал для нас. В этот день Эжбаль объявил, что у него специальное поручение от инженера Матина, и исчез.

Три раза в неделю в послеобеденное время мы проводили занятия с будущими техниками. Программа включала элементарные сведения по статике, сопротивлению материалов и техническому черчению. Наши слушатели, юноши в возрасте пятнадцати — двадцати лет, были воспитанниками разных школ и обладали весьма слабыми знаниями английского или немецкого. Занятия велись на этих двух языках, однако мои объяснения становились мало-мальски понятными лишь после того, как я прибегал к помощи ломаного дари.

В середине июля, приблизительно за месяц до праздника независимости, меня вызвал к себе директор Матин. По его более серьезному, чем обычно, лицу и торжественному обращению ко мне я понял, что речь идет о каком-то особом, сверхответственном задании. И я не ошибся.

Грозил обрушиться один из кабульских мостов. Это не было бы сопряжено со слишком большим риском, если бы не затрагивало главную трассу, по которой должно проходить войско на парад, в том числе новые, сорокатонные танки. Проблема приобретала общегосударственное значение. На карту ставились престиж правительства и честь армии. Инженер Матин высказывался весьма осторожно, однако заверил меня, что все средства, которыми располагают министерства обороны и общественных работ, будут предоставлены в мое распоряжение. После его торжественного вступления мы приступили к рассмотрению проекта.

Пули-Махмуд-хан, или мост Махмуд-хана — один из важнейших инженерных объектов как с коммуникационной точки зрения, так и по расположению — он помещается в основной части города. К левой стороне моста сходятся главные улицы. Одна ведет непосредственно к королевскому дворцу, другая — в район Шаринау и аэропорт, третья соединяется с трассой на Танги-Гару, Джелалабад и далее идет на перевал Хайбар. С правой стороны моста начинается артерия Чаман, на которой располагается офицерская школа и различные достопримечательности, в частности возвышающийся над городом мавзолей короля Надир-шаха.

Внешне мост выглядел превосходно. Широкая асфальтированная проезжая часть, тротуары с полукруглыми балконами, каменная балюстрада — все казалось весьма солидным и вполне опрятным. За голову я схватился, лишь спустившись вниз.

Река Кабул, русло которой в весенний период заполняет пенящаяся, рвущаяся вперед вода, летом почти полностью пересыхает. Узенькая, сочащаяся между камнями струйка, приподнятая плотинами для орошения садов, едва ли заслуживает название ручья.

Я осмотрел мост снизу. Каркас из длинных железобетонных балок опирается — вернее, должен опираться — на две сваи и три быка. Четыре пролета, каждый протяженностью в пятнадцать метров, расположены настолько низко, что, стоя на дне пересохшей реки, я мог касаться их пальцами вытянутой руки.

Где же крылась угроза?

Вода подмыла фундамент одного быка. Прямо над высохшим руслом образовался зазор шириной в несколько сантиметров. Фундамент осел, а бык оказался подвешенным к мосту. Я с удивлением наблюдал, как по этому «чуду» спокойно ездят тяжелые грузовики.

Пришлось приложить много усилий, чтобы выяснить, кто автор проекта и создатель моста. К сожалению, поиски мои не увенчались успехом. На основании мало-вразумительных ответов можно было сделать вывод, что такое наследство оставил после себя один из немецких «специалистов». Сразу после войны на афганской земле паразитировало множество подобных сбесжавших из Германии псевдоспециалистов, получавших высокие долларовые гонорары за некачественную рабо-

ту. В архиве министерства я сам видел несколько смехотворных, к счастью, не реализованных проектов бывшего штурмбаннфюрера.

Путем элементарных расчетов я установил, что перекрытия неоднократно обновлялись, устои же находились в состоянии полного запустения. Неустойчивые, из непрочного бетона, не однажды залатанные кирпичами, они поражали небрежностью исполнения.

Русло реки было прикрыто на ширину моста плохого качества бетонной плитой. В результате вода подмыла грунт под этим якобы защитным сооружением и теперь с удвоенной скоростью разрушала так называемые фундаменты. Здесь, внизу, все было сделано кое-как. Я заглядывал в каждую дырку и лишь покачивал головой. По нашим европейским представлениям, мост надлежало немедленно закрыть и приступить к его реконструкции.

Когда я поднялся наверх, инженер Матин разговаривал с несколькими офицерами из министерства обороны.

— Каково ваше мнение? — оживленно спросил меня плотный, седеющий полковник после обмена приветствиями.

Моя рекомендация закрыть мост и приступить к строительству нового вызвала крайнее замешательство. Мне начали наперебой объяснять, что это не входит в планы. Во-первых, за месяц не разобрать старый и не возвести новый мост. Во-вторых, по мосту почти ежедневно проезжает сам король. Он может поинтересоваться, кто так построил мост, что теперь его необходимо разбирать.

— Мы благодарим вас за предложение, — сказал полковник, — но надо найти другое решение. Саперные работы, например. Дерево, людей — все дадим.

— Но, господин полковник, под мостом толстая, почти подвешенная в воздухе, растрескавшаяся бетонная плита. Вы хотите на нее поставить подпорки?

— Может быть, заложить бревнами все свободное пространство? В реке теперь нет воды. Танки должны участвовать в параде.

— Но ведь это несколько тысяч кубометров!

— Пустяки.

— Ну, а если король увидит бревна под мостом?

На мгновение воцарилась тишина.

— Танки должны участвовать в параде, услышал я за своей спиной.

Офицеры, с которыми я до сих пор разговаривал, вытянулись во фронт при виде генеральских погонов. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с двумя пожилыми смуглолицыми господами в зеленых с красными лампасами мундирах.

Разговор, который я вел с полковником, повторился на более высоком, генеральском, уровне, с той лишь разницей, что завершился он вполне конкретным вопросом, обращенным ко мне:

— Что вы предлагаете?

— Ответ я дам завтра.

Генералы перевели взгляд с меня на Матина, потом снова на меня. В этом взгляде крылась тень недоверия. Вполне ли ответствен этот польский инженер? И можно ли ему доверять?

— Пойдут сорокатонные танки, гордость нашей армии! — с нажимом произнес сухопарый седеющий военный.

— Да, я понимаю и именно поэтому не исключаю возможности установки подпорок. Прошу быть готовыми к этому.

— Хорошо, что еще понадобится?

— Завтра, господа, я представляю свой план и перечень материалов, необходимых для выполнения задания.

— Итак, завтра в десять утра мы встречаемся здесь же.

Короткие, «военные» рукопожатия — и группа в зеленых мундирах направилась в сторону расположенного неподалеку министерства обороны.

Еще с минуту стояли мы с Матином, опершись о каменный парапет набережной.

— Каков же ваш план? Может быть, вы скажете хотя бы мне? — спросил шеф.

— Конечно, скажу, только сначала искупаюсь.

— Искушаетесь? Где? — Директор был явно озадачен.

— Вот в той наполненной водой дыре у основания быка.

Большой золотой перстень с печатью блеснул на руке Матина, которой он потер лоб. С инженерной точки зрения намерение мое было вполне оправданно необ-

ходимостью тщательного обследования фундамента быка, но сама по себе идея купания инженера-европейца в центре города грубо противоречила правилам приличия.

— Если речь идет о быке, то можно пригласить людей с шестами,— попробовал урезонить меня Матин.

— Нет, я должен собственными руками проверить, что там под водой.

Мой шеф только пожал плечами:

— Как хотите. Мне подождать?

Я посмотрел на часы. Было около четырех. Рабочий день подходил к концу.

— Спасибо, не надо. Я сам.

Матин попрощался и поспешно направился к машине.

Я огляделся. Движение в это время дня было небольшое. Лишь около пяти улицы заполняли выходящие из учреждений служащие.

Я перелез через парапет. Под низкими пролетами широкого моста царили прохлада и полумрак. Вода, собранная здесь отстоящей на несколько десятков метров плотиной, доходила до самых фундаментов и соединялась с промоинами, оставшимися после весеннего половодья. Мутная, прязная топь не вызывала желания искупаться; неясные очертания исковерканных бетонных конструкций, уходящих под воду, требовали особой осторожности.

Я отогнал начавших было собираться ротозеев, одержимых стремлением увидеть вблизи, что будет делать иностранный саиб в костюме Адама. Без слова протеста они отошли подальше и, заслоняясь руками от солнца, принялись наблюдать, как я погружаюсь в воду.

Под фундаментом, как я и предполагал, была глубокая брешь. Мне пришлось нырнуть дважды, чтобы окончательно убедиться в этом. Для временного пользования мостом надо было залить брешь бетоном. Забетонировать надлежало также щель, образовавшуюся над уровнем дна и разделявшую бык на две части: освещенную и подвешенную к пролету моста.

Железобетонные балки имели достаточный запас прочности, на них изъянов не обнаружилось.

Утром я представил Матину свой план, предусматривающий три этапа работ: предупреждение дальнейшего оседания фундамента, бетонирование горизонталь-

ной трещины, укрепление пролета с помощью стальных клиньев.

Матин недоверчиво покачал головой. Генералы, с которыми мы встретились в назначенное время, также были весьма удивлены. Они еще раз предложили применить систему подпорок или провести дополнительные строительные работы. Опять говорили о танках — гордости армии, о политике и престиже государства, однако в конце концов я получил все полномочия и мощнейшие производственные средства: потовый бетон, а также отряд из пятнадцати молодых храбрых солдат, которые тут же приступили к работе по расчистке русла реки.

Первый конфликт произошел, когда я потребовал прорыва плотины чуть ниже моста. Это было необходимо для откачки воды из промоины под фундаментом. Солдаты отказались выполнить приказ. Все, к кому я обращался по этому вопросу, покачивали головой и утверждали, что затея сопряжена с большими трудностями.

— А нельзя ли обойтись без откачки воды? Ведь это приведет к осушению садов, принадлежащих важным особам. Начнутся жалобы, тяжбы. Советую вам найти другой способ, — сказал мне Эжбаль.

— Другой способ? Ничего себе! О водонепроницаемой перегородке нечего и думать — сооружение ее отнимет массу времени.

Пришлось решиться на бетонирование под водой. Твердая глина с примесью угля, залегающая здесь на глубине нескольких метров, была великолепным строительным грунтом, однако если дно промоины успело покрыться илом, то фундамент уйдет в него, как в масло. На какую часть?

Сомнения множились. На потеху солдатам мне пришлось нырять еще несколько раз. Уж не отказаться ли от почетного задания и не снять ли с себя тяжкое бремя ответственности? А престиж, а марка польского инженера? А моя честь?

Механическое предприятие Джангалак создано и оснащено Советским Союзом. В нескольких цехах размещены кузнечные молоты, токарные, фрезерные и множество других станков для обработки металла. Специалисты из Москвы, Ленинграда и Киева посвящают местных рабочих в тайны обслуживания сложного обо-

рудования. Вход в Джангалак и в большое белое здание администрации, где, как и повсюду в мире, чиновники вершат свои дела — выдают формуляры, адресуют друг другу клиентов, пьют чай, — охраняют часовые.

Несколько любезных служащих внимательно выслушали мой рассказ о мосте, о параде, о танках и стальных клиньях, которые должны были играть роль гидравлических домкратов. В ход пошли телефоны. Результат переговоров сказывался лишь во все более почтительном отношении к моей персоне. Образцы клина и прокладок переходили из рук в руки, от одного письменного стола к другому, вызывая всеобщее одобрение. Лишь по истечении двух часов директор, человек приятной наружности, задал мне два вопроса, к ответам на которые я абсолютно не был готов:

— Кто будет платить за работу и кто даст сталь?

Я возвратился в свое министерство и повторил вопросы Матину. Через два дня я получил задание найти подходящий материал среди металлического лома. Через три дня лом поступил на Джангалак, через пять — приступили к производству клиньев, которое продолжалось ровно две недели.

Тем временем работы по бетонированию подходили к концу. Доставленный на нескольких машинах готовый бетон заполнил промоину. Щель между быком и фундаментом я залил довольно прочным раствором. Из-за отсутствия досок пришлось соорудить специальный глиняный вал, чтобы вводить бетон под давлением. Все дни я проводил под мостом. Где-то подспудно возрастал страх перед позорным провалом. А что, если фундамент уйдет в грунт?

До парада оставалось всего десять дней.

Что делать? Ставить подпорки? На подмытой, расстрескавшейся плите? Или раздробить плиту, вынуть сотни кубических метров шлака и поставить подпорки прямо на грунт? А каким он будет, этот грунт? Мучили десятки вопросов.

За три дня до праздника, убедившись, что бетон достаточно затвердел, я сам заложил клинья между быком и поперечной спайкой балок пролета. По четыре двойных клина с каждой стороны.

С помощью двух нивелиров с полосками миллиметровой бумаги внутри, один из которых укреплен на бы-

ке, а другой — на балке, я должен был контролировать степень смещения.

Не менее меня взволнованные солдаты схватились за молоты. Первые удары прозвучали тихо и глухо. Клинья совмещались почти без сопротивления. Прокладки положения не улучшили. Расстояние между быком и пролетом увеличивалось.

Я с тоской наблюдал в люнет нивелира, как фундамент миллиметр за миллиметром поднимается вверх. Это означало, что он дает осадку, ибо в люнете получается перевернутое изображение.

Около двенадцати я объявил обеденный перерыв. Для всей бригады был приготовлен чай. Моя чашка стояла на плоском камне, который вот уже много дней подряд служил мне стулом, столом и даже чертежной доской. Близкий к состоянию душевного кризиса, я погружился в мрачные размышления. Столько сил и энтузиазма было вложено в этот чертов мост, и вот теперь грозит полное фиаско. Я повернулся спиной к сидящим на корточках солдатам. Мне было неприятно ловить на себе их вопрошающие взгляды. Попросту не было сил делать вид, что все идет как надо. Низко склонившись над чашкой, я прихлебывал свой чай. И вдруг за спиной услышал:

— Сташек, привет! Как дела?

Голос, без сомнения, принадлежал Властику Новаку, чешскому инженеру-дорожнику. Мне был симпатичен этот милый уроженец Брно, я любил его за легкий, веселый нрав и острый ум, но какого черта его принесло теперь сюда?

Чех мгновенно угадал мое настроение. Схватил брошенный солдатами молот и ударил по одному из клиньев. Краем глаза я заметил, как Властик потешно покачал при этом головой.

— Это не твоя вина! — крикнул он. — Ты все делаешь правильно. Виноват тот балбес, который ставил мост.

— Это уж точно, холера его возьми!

— Что, уходит в грунт?

— Не говори, уже на четыре сантиметра.

— Так ты бей, пока не остановится.

— «Остановится!» У меня уже нет прокладок.

— Сделай новые.

— Оставь меня! — буркнул я.

— Салам алейкум, инженер-саиб! — Надо мной склонилось улыбающееся лицо Алама. — Не надо нервничать.

Этот еще откуда взялся со своими утешениями!

— Обед кончился. За работу! — крикнул я солдатам, хотя не прошло еще и получаса.

Люди не торопясь заняли свои места, и вновь раздался стук молотов. Я велел принести чай для Властик и Алама. Разговор зашел об участке дороги от Чарикара до Пули-Матана, на котором работали мои собеседники. Немного неперменных жалоб на ужасную жару, немного — на организацию работы, нехватку оборудования, ну и, разумеется, самая подробная взаимная информация о сроках пребывания в Афганистане.

Принимая участие в беседе, я ни на секунду не переставал прислушиваться к ударам молотов. И вдруг мне показалось, что они стали более короткими и гулкими. Я медленно приподнялся, боясь ошибиться. Ну да, так и есть! Колени мои слегка задрожали.

— Тяжело идет! — объявил кто-то из солдат.

— Ну, давайте еще! — крикнул я и подскочил к нивелиру.

Прибор впервые фиксировал минимальный подъем пролета.

— Властик, посмотри в другой нивелир! — почти завопил я. — А вы бейте сильнее!

Солдатам передалось мое возбуждение. Они работали молотами с удвоенной энергией.

В состоянии крайнего нервного напряжения мы рассматривали видимые в люнеты клеточки миллиметровой бумаги.

— Больше не уходит, — объявил Властик.

Пролет поднялся еще на два миллиметра, когда мне доложили, что основания клиньев расплющиваются, но сами клинья не трогаются с места. Я почувствовал огромное облегчение.

Многодневное напряжение, страхи — все оставалось позади. Даже если за эти несколько дней устои дадут осадку на сантиметр или два, мы легко устраним ее с помощью клиньев. Главное — что устои опираются теперь на твердый грунт, хотя бог весть что может случиться, когда по мосту пройдут сорокатонные гиганты. Я попрощался с Властиком и Аламом. Последний за-

держал на минуту мою руку в своей и сказал с улыбкой:

— Ну вот, стоило ли волноваться?

— Теперь, конечно, уже нет причин для волнений. Жизнь прекрасна! Ребята, на сегодня работа кончена. Двоим остаться с инструментами, остальные свободны до завтра. Только прошу нивелиры не трогать! Властик, Алам-джан, разрешите пригласить вас к себе на рюмку вина!

В день праздника, за час до назначенного времени, я посадил все свое семейство в машину и повез на площадь, где должен был состояться парад. Город украшен красным, зеленым, черным. Празднично одетые люди шли в сторону Чамана. И хотя празднество еще не началось, большая площадь уже была заполнена до отказа. Некоторые семьи даже расположились группами. Дети в национальных костюмах, расстеленные на траве ковры и коврики, яркая голубизна неба, зелень — все это создавало поразительно яркую, неповторимую картину.

Со стороны площади к трибунам прилегало опрочное поле с разбитыми на нем палатками. Король с семьей, государственные мужи, дипломатический корпус, иностранцы, высшие офицерские чины, служащие — все находились на заранее отведенных местах. Опеку над своей семьей я поручил Экбалю, который явился раньше всех и, пользуясь привилегией переводчика, занял палатку, предназначенную для «хариджи».

Все беспокойство последних дней ожило во мне с новой силой. Быстрым шагом я направился к находящемуся в нескольких сотнях метров мосту. Отряд солдат встретил меня, как положено по уставу — щелканьем каблуков и громким «салам алейкум».

Я расставил посты на мосту, выбрав самых сильных и расторопных солдат. Если бы фундамент начал оседать, они должны были бы бить молотами по клиньям, чтобы балки пролетов испытывали достаточное сопротивление со стороны быка. Сам я остался с инструментами, остальных использовал в качестве курьеров. На их обязанности была подробная информация о ходе парада.

Парад открывала пехота. Вопреки моим просьбам отряды шли по мосту строевым шагом, а некоторые отбивали его с такой силой, что просто мороз продира

по коже. Затем последовала артиллерия и части специального назначения. Мост беспокойно вздрагивал. Полоска миллиметровой бумаги в люнете нивелира металась как обезумевшая.

Но вот настал кульминационный момент. Молоденький щуплый солдат возвестил прерывающимся голосом о приближении танков. Рано или поздно это должно было произойти.

Сквозь мощный грохот проходящих по мосту моторизованных частей пробивался все возрастающий гул, который перешел в страшный рев, когда гусеницы стальных чудовищ достигли первого пролета.

Мною овладел беспредельный страх, сердце болезненно сжалось. Ведь по нашим европейским понятиям мост держался буквально на честном слове. Был момент, когда мне хотелось убежать куда глаза глядят, и я бы, наверное, сделал это, если бы не сгрудившиеся вокруг вызывавшего опасения быка солдаты. Бледные, взволнованные, они лихорадочно стискивали в руках молоты и не сводили с меня глаз. Со страхом и самым пристальным вниманием следили солдаты за каждой моей гримасой, ловили каждое движение губ или век.

Доверие их было безгранично. Казалось, начини рушиться вся железобетонная конструкция, никто из них и с места не тронется. С трудом овладев собой, я укрылся за люнетом нивелира.

После первых пяти пар танков наступила короткая пауза, вполне достаточная, однако, для того, чтобы проверить состояние пролетов и фундамента. К великой радости, все оказалось в полном порядке. Итак, моя система с честью выдержала испытание! На лицах одетых в серые мундиры солдат, как в зеркале, отразилось мое ликование.

По мосту пошло следующее танковое подразделение. На этот раз шум был гораздо меньше. Ко мне вернулась прежняя уверенность.

Когда парад кончился, я приказал убрать инструменты (за две недели они впервые оказались в своих футлярах) и поднялся наверх. Там уже ждали оба генерала в окружении большой пруппы офицеров штаба. Улыбающиеся лица, крепкие рукопожатия, горячие выражения благодарности и признательности. Встретиться ни с кем из них мне больше не пришлось. Может

быть, кто-то там еще и вспоминает польского инженера, спасшего праздничный парад с помощью стальных клиньев, нескольких машин бетона и маленького отряда самоотверженных солдат. Не думаю, однако, чтобы кто-либо мог предположить, сколько страшных минут неуверенности и полного отчаяния пришлось пережить нам под вздрагивающим, гудящим мостом Махмудхана.

ВСТРЕЧИ И ПРОВОДЫ

Лето подходило к концу. Правда, дни все еще стояли жаркие, но ночью температура падала. Кабул жил в ожидании прибытия польской правительственной делегации*.

Польская колония, разумеется, гудела, как улей. Женщины лихорадочно обдумывали детали туалета, мужчины с головой ушли в работу.

Я помню визиты иностранных государственных деятелей в Польшу. Приветственные возгласы толпы, среди которой и я сам. Броские заголовки в газетах, снимки на первых страницах, торжественные речи и прочие проявления уважения и гостеприимства, четко предусмотренные дипломатическим протоколом. Все это предполагалось и здесь, в Кабуле.

В Афганистане уже за несколько недель до ожидаемого события мне приходилось отвечать на десятки вопросов друзей и просто случайных знакомых о жизни, обычаях моей страны. Порой я оказывался в затруднительном положении, когда не мог в достаточной мере удовлетворить их любознательность.

Мы с Владимиром разрабатывали теперь трассу через Каргу на Пагман. Приходилось думать, как выпрямить и выровнять прежнюю дорогу; проектировались сотни метров опорных стен, десятки туннелей. Главным

* Визит правительственной делегации Польской Народной Республики в Афганистан состоялся в сентябре 1960 г. В результате переговоров стороны подписали торгово-платежное соглашение, а также соглашение об экономическом и научно-техническом сотрудничестве.— *Прим. ред.*

нашим объектом был дугообразный каменный мост на одиннадцатом километре, наискось переброшенный через реку.

Карга расположена приблизительно на середине живописного пути — одного из двух, соединяющих Кабул с Пагманом. Здесь есть искусственное озеро площадью в несколько десятков квадратных километров, образовавшееся благодаря высокой земляной плотине, построенной советскими инженерами. Поднятие уровня воды позволило обводнить большие участки земли и образовать водный резерв для вечно жаждущего Кабула.

Местность эта необыкновенно живописна. С прибрежных скал видна обширная, бездонная долина, а в самом конце ее, где-то далеко внизу, — Кабул. В прозрачной бездне отражаются заснеженные вершины с собирающимися над ними тучами.

Исполнителем работ была, как обычно, воинская часть, располагающая превосходным парком механического оборудования, доставленного из Советского Союза. Строительство плотины близилось к завершению, и подразделение получило приказ перейти на наш участок дороги, ветка которой должна была проходить как раз по гребню плотины.

Командовал частью молодой капитан, разумеется, приятель Экбаля. Это был, пожалуй, один из самых красивых мужчин, которых мне приходилось когда-либо видеть, не исключая звезд экрана от Рудольфа Валентино до Ежи Зельника.

Однажды в конце рабочего дня мы с капитаном сидели в его скромной канцелярии, обсуждая задание на следующий день.

На площадку между домиком комендатуры и отвесным обрывом въехал на приличной скорости «газик» и остановился перед самым входом. Шофер вел машину совсем как Раим, который ездил, по моим предположениям, где-то на мазари-шарифской или каттаганской дороге.

— Сайб, вы здесь? — услышал я вдруг знакомый голос.

— Раим-джан, ты откуда? Как ты нашел меня?

Я не отрываясь смотрел на своего прежнего шофера. На лице его была многозначительная улыбка, взор скромно потуплен. Он покачивал головой и все время повторял:

— Ай, саиб, саиб!

— Едем домой, Раим, работа на сегодня кончена!

Я поспешно простился с недоумевающим капитаном, сел в свою «шкоду» и направился в сторону Кабула. Раим ехал следом за мной.

При виде старого знакомого дети подняли крик, Барбара тоже очень обрадовалась. Раима нельзя было не любить. Нахлынули воспоминания о совместной работе в Каттагане и Айбаке. Раим несколько не изменился за это время. Все та же уверенность движений и неприменная смущенная улыбка, но вместе с тем открытый взгляд и искрящийся юмор при каждом слове, каждом жесте. «Газик», на котором ездил Раим, был поставлен на капитальный ремонт; водитель его дождался наконец желанного отпуска и блаженного состояния безделья. Открывалась приятная перспектива проведения долгих часов в чайхане, визитов к родственникам и знакомым.

Я пригласил Раима пожить у нас. Он поблагодарил, приложив руки к груди, и сказал, что вынужден отказаться. Братья смертельно обидятся, да и что за жизнь мы ведем! Разумеется, он будет приезжать время от времени, чтобы поболтать, но жить здесь — это же смертельная скука!

Раим, как и обещал, часто навещал нас. Уже через несколько дней благодаря регулярным посещениям чайханы он знал все кабульские новости. Самой важной из них был ожидавшийся визит в Афганистан польской правительственной делегации.

В домашних беседах часто принимал участие наш Муса, с которым Раим быстро нашел общий язык.

В один из дней внизу раздался стук в дверь. Жена попросила меня открыть — ведь если пойдет Муса, то его придется потом разыскивать целый час.

Через минуту я ввел в комнату большого плотного человека в черной чалме, с густой растрепанной бородой. Это был шлифовщик камней. По моему приглашению он сел за стол и вынул из кармана, скрытого в складках широких одежд, маленькие складные весы, а следом за ними замотанные в тряпицы сокровища — поблескивающие камешки.

Лазурит — полудрагоценный камень насыщенного голубого цвета. Стоимость его зависит от однородности структуры и от интенсивности окраски. Больше всего

ценятся темно-голубые камни, усеянные микроскопическими золотыми крапинками.

Горы Бадахшана в Афганистане — одно из немногочисленных мест в мире, где добывается лазурит. Необработанный минерал выглядит невзрачно: он похож на обломок старой скалы, смоченный с одного конца чернилами. Чем дальше от темно-голубого ядра, тем окраска слабее, а на расстоянии пяти-шести сантиметров от него камень уже не представляет никакой ценности. Необработанный лазурит примерно в двадцать раз дешевле готового изделия, которое идет почти наравне с золотом. На ювелирном рынке Запада за лазурит дают от пяти до десяти долларов за грамм.

Большое искусство не только обработка камня и придание ему соответствующей формы, но — и это, пожалуй, главное — такое разделение куска лазурита на части, чтобы сохранилась равномерная окраска изделия хотя бы «с лица». Шлифовка маленьких камешков для колец и прочих украшений — кропотливая и трудоемкая работа для тех, у кого нет электрических шлифовальных машин. Камень держат с помощью хлебной корки. Старые ручные шлифовальные машины, как, впрочем, и токарные, — это остроумно придуманные, хотя и примитивные приспособления. Состоят они из вала, укрепленного с помощью двух подшипников, махового колеса с одной стороны и шлифовального камня — с другой. Маховое колесо и вал вращаются то в одну, то в другую сторону.

Мы просмотрели десятки камней, прежде чем Барбара выбрала себе один для кольца и заказала несколько широких, плоских пластин для браслета. Настала финальная стадия — торги с возвратом выбранных камней, денег, жалобами на невыгодность операции и т. д. Когда же и это осталось позади, добрые отношения были восстановлены с помощью нескольких чашек чая, после чего бородатый мастер направился к выходу.

Последние дни перед приездом польской правительственной делегации были особенно насыщенными для нашей маленькой польской колонии. Общество, собиравшееся в послеобеденные часы для игры в бридж, теперь оживленно обсуждало, кто поедет встречать, кто вручит цветы, придется ли нам вообще участвовать во

встрече. Появилось много новых лиц — журналисты, квартирмейстеры и т. п.

Накануне радостных событий мы узнали, что вся кабульская польская колония едет встречать делегацию на аэродром Баграм. На другой день в посольстве должна была состояться встреча гостей с находящимися в Афганистане поляками. В доме у нас теперь постоянно появлялись самые различные люди. Заходили, разумеется, Раим, Экбаль и Алам — якобы справиться о здоровье, на самом же деле им хотелось разузнать хоть какую-нибудь новость, чтобы потом с важным видом хорошо осведомленных особ поделиться ею за чашкой чая с друзьями.

Всех охватило лихорадочное возбуждение. Общее волнение передалось и мне. Чтобы как-то убить бесконечно тянувшееся время, я поднялся с постели в два часа ночи и отправился в гараж еще раз помыть машину.

Военный аэродром Баграм находится в двадцати километрах от Кабула. К нему ведет асфальтированное шоссе.

Главный гражданский аэродром в Кабуле только еще строился*. Правда, там уже совершали посадку самолеты внутренних рейсов, а также индийские и советские, двухмоторные, однако о приеме здесь ТУ-104, да еще с такими пассажирами, не могло быть и речи.

Несмотря на ранний час, по шоссе в сторону аэродрома одна за другой ехали дипломатические машины. Опрямные «шевроле» и «мерседесы» с государственными флагами на крыльях двигались бесшумно и не спеша. Скорость их не превышала шестидесяти километров в час. Разумеется, я без труда обгонял их, за что получил выговор от торгового советника. Как выяснилось, это было нарушением дипломатического этикета. Поистине человеку всегда чему-то приходится учиться.

Военный аэродром — огромное ровное поле, обрам-

* Сооружение Кабульского аэропорта, осуществлявшееся при содействии Советского Союза, завершено в 1963 г. Построенный по последнему слову техники аэропорт является самым крупным в Афганистане. — *Прим. ред.*

ленное прерывистой линией горной цепи,— был полностью подготовлен к приему гостей. Повсюду флаги, цветы, машины. Поблескивают эполеты и медали генералов, темные костюмы резко контрастируют с белой сорочек. Дамы блистают роскошными туалетами.

Мы присоединяемся к группе поляков, собравшихся у большого белого навеса. Тут же вертятся трое крепких десятилетних мальчишек, прозванных «ковбоями». Хлопот у них полон рот: надо рассмотреть каждого генерала; проверить, хорошо ли натянуты веревки навесов, а заодно и поразмыслить, что произойдет, если снять их с колышков; попытаться сказать что-либо в микрофон и успеть еще многое. Девочки кончиками пальцев приглаживают свои модные платица, а малыши не переставая спрашивают, когда же наконец придет делегация. Все взоры обращены к северу, и лишь изредка кто-нибудь задает корюткие вопросы.

Точно в назначенное время над горами появляется серебристая, сверкающая на солнце точка и начинает разрастаться прямо на глазах. А через несколько минут двери огромного лайнера распахиваются, и по трапу спускаются гости.

После официальных приветствий они подходят к польской группе. Их окружают радостные, улыбающиеся лица. Дети теснятся рядом со взрослыми, «ковбой», конечно, в первых рядах. Заведующий протокольным отделом молниеносно наводит порядок, и далее все идет строго по плану.

В соответствии с протоколом отправляются в Кабул черные лимузины: министры — с министрами, послы — с послами, и т. д. В таком порядке великолепный эскорт поравнялся с шеренгами людей, выстроившимися за чертой порога. В районе Шаринау моторизованный кортеж рассыпался. Лишь немногие имели приглашение на прием в королевский дворец.

Дюма Муса все еще нес вахту на крыше. С нее был виден кусок улицы, ведущей с аэродрома.

За какой-нибудь час наша квартира заполнилась друзьями, которые сочли своим святым долгом поздравить нас с приездом высоких гостей. Признаться, я никак этого не ожидал. Само собой разумеется, благодарил, пожимая руки, но что делать дальше, просто

не знал. Уходить как будто никто не собирался; все, видимо, ждали утешения. Я послал Мусу за кебабом и хлебом. Барбара развела оба примуса и кипятила воду для чая. Импровизированный раут со множеством добрых слов, сказанных в адрес польской делегации, продлился до вечера.

На следующий день в посольстве был устроен прием для всех находящихся в Афганистане поляков. С отлетом на родину польской правительственной делегации официальные «польские дни» в Афганистане закончились, однако атмосфера необыкновенно теплого отношения к нашей стране сохранилась.

Тем временем настроение в нашей семье стало грустным. Ягуся плохо переносила климат Кабула. Врач уже давно советовал ей вернуться в Европу. Неожиданно представилась возможность отослать девочку в Варшаву, где ее ждали две бабушки и дед.

Ягуся прощалась с Мусой, паковала всевозможные камешки, собранные на афганской земле; в последний раз ложилась на примитивных чарпаях, считала вершины окружающих нас гор. По пути на аэродром я должен был, по ее просьбе, останавливаться почти на каждой улице: и рядом с игрушечным магазином, и по соседству с овощным базаром, и около торговца, который продавал «настоящие» копченые бараны колбасы. Ягуся махала рукой пестро одетым детям и дремлющим в тени домов старикам, хлопала в ладошки уныло плетущимся осликам — словом, по-своему, по-детски прощалась с ярко расцвеченным миром Востока.

На кабульском аэродроме — полный сбор поляков. Мы с Барбарой стараемся держаться молодцами, но слезы текут сами собой. От Ягуси нас отделяет всего лишь низенький заборчик. Худенькая маленькая девочка уже стоит с сопровождающими ее на время поездки попутчиками. И вдруг бросается ко мне, обхватывает за шею:

— Папа, не плачь, вы ведь тоже скоро приедете.

— Да, да, доченька, только будь умницей! — с трудом произношу я.

Последние поцелуи, прощание с матерью, с необычно серьезным в этот день братом, и вот уже объявили

посадку. Ягуся направляется к самолету. Оборачивается, машет нам рукой и... неожиданно останавливается. Я слежу за ее взглядом и вижу Раима. Он стоит в стороне, перегнувшись через заборчик. Руки его сложены на груди. Мгновение колебания, и небольшая кожаная сумка брошена на траву аэродрома. Девочка бежит назад, к провожающим, останавливается перед Раимом и гладит его по лицу.

— До свидания, Раим-джан!

— До свидания, Ягуся-джан!

Ягуся подхватывает на бегу брошенную сумку и, не останавливаясь больше, догоняет своих спутников у самого самолета.

Последний взмах руки, и трап отходит от серебряного лайнера. Заработали моторы, машина не спеша двинулась с места. «Бурубайр!»

Все провожающие уже вернулись к своим автомобилям, и только мы с женой все еще смотрим туда, где за горами видна блестящая точка.

После отъезда Ягуси мы начали готовиться к возвращению на родину.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор предлагаемой книги — не востоковед. Будучи специалистом в области дорожного строительства, он прибыл в Афганистан во второй половине 50-х годов нашего столетия для участия в выполнении проектов модернизации автодорог, связывающих отдельные экономические районы этого развивающегося государства, а также обеспечивающих его внешнеторговые перевозки.

Необычайно яркие пейзажи горной страны, своеобразие ее городов и селений, изобилующих памятниками минувших веков, удивительное смешение традиционных и современных черт в быту и общественной жизни людей, наконец самобытная художественная культура, каждодневно заявляющая о себе великолепными изделиями местного ремесла, — все это не может оставить равнодушным иностранного наблюдателя.

По роду своей «подвижной» работы автор книги побывал во многих районах Афганистана. Пройдя пешком и проехав на автомобиле многие сотни километров по афганским дорогам (а нередко — по бездорожью), он узнал нестерпимый зной каменных пустынь и студеной ветер снежных перевалов, буйную силу горных рек и живительную прохладу по-южному щедрых садов, возвращенных на каменистой земле упорным трудом человека.

Проведя долгие месяцы на отдаленных трассах строящихся магистралей, живя и работая в больших и маленьких городах Афганистана, инженер из народной Польши с глубоким интересом и вниманием наблюдал за жизнью окружающих его людей — простых тружеников и чиновников центральных государственных учреждений, солдат строительных батальонов и жителей горных кишлаков, столичных торговцев и своих коллег — иностранных инженеров, работавших в необычных для себя географических и социальных условиях.

Посвятив свою книгу прежде всего рассказу о людях, с которыми ему довелось трудиться на дорогах и других строительных объектах Афганистана, Станислав Мярковский стремится познакомить читателя с бытовым укладом, экономическим положением, социальными отношениями различных групп населения страны, в последние десятилетия настойчиво стремящейся преодолеть вековую отсталость.

Время, когда автор наблюдал афганскую действительность,— рубеж 50—60-х годов — отмечено важными сдвигами в общественной истории Афганистана.

Успехи мирового социалистического содружества, подъем национально-освободительных движений, сопровождавшийся распадом колониальной системы империализма, создали новые условия в мире, чрезвычайно благоприятствующие проведению освободившимися странами Азии и Африки суверенной внутренней и внешней политики. Ход международных событий на Востоке, последовательная поддержка антиколониальной борьбы его народов социалистическими государствами оказали глубокое воздействие на обстановку в Афганистане, укрепив позиции национально-патриотических сил этой страны.

В 1953 г. в Кабуле было сформировано правительство во главе с Мухаммадом Даудом *, выдвинувшее программу ускоренного развития национального хозяйства при поддержке государства. Провозгласив политику «руководимой экономики», правительство осуществило важные преобразования государственно-капиталистического типа (усиление контроля над внешней торговлей, расширение кредитной системы путем создания новых банков, составление программы промышленного строительства при участии государству и т. д.).

В 1956 г. в Афганистане был принят пятилетний план развития экономики, в котором наряду с созданием индустриальных и сельскохозяйственных объектов предусматривались крупные работы по расширению и реконструкции автодорожной сети страны. Заметное место в плане было отведено и мероприятиям в области просвещения и подготовки национальных кадров.

Важнейшим фактором, способствующим выполнению Афганистаном его экономических программ, стало значительно расширившееся со второй половины 50-х годов сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социализма. Упрочение равноправных и взаимовыгодных связей с социалистическими государствами существенным образом укрепило позиции Афганистана на пути независимого развития. Серьезный пересмотр Кабулом характерной для первых послевоенных лет преимущественной ориентации на США и другие страны капитализма в вопросах технической помощи, финансового кредитования, подготовки специалистов и т. д. открыл практические возможности для создания тех отраслей производства, которые на-сущо необходимы национальной экономике.

За годы первого пятилетнего плана (1956—1961) в Афганистане при сотрудничестве СССР, Польши, Чехословакии и других социалистических государств были построены либо начали строиться энергетические, металлообрабатывающие, цементные, горнодобывающие, пищевкусовые предприятия, крупные ирригационные и дорожно-транспортные объекты. На этих стройках, а также в учебных заведениях социалистических стран была организована массовая подготовка афганских технических специалистов и рабочих-строителей. Темпы развития производительных сил Афганистана заметно возросли: более чем в три раза увеличилась выработка электроэнергии, удвоилась добыча угля, были открыты значительные месторождения газа, созданы новые для страны производства, расширилась сеть путей сообщения и средств связи.

* В июле 1973 г., после ликвидации монархии, Сардар Мухаммед Дауд стал президентом республики Афганистан.

Строительство различных объектов в сотрудничестве с социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом, заняло важнейшее место в программе работ по второму пятилетнему плану (1962—1967). При этом, если в годы первой афганской пятилетки СССР предоставил 54% всех финансовых средств, поступивших в Афганистан из-за рубежа на нужды хозяйственного развития, то в ходе осуществления второй пятилетки эта доля составила 66%.

Проведенные в Афганистане к началу 60-х годов государственные экономические мероприятия заметно активизировали процессы изживания патриархально-феодалных пережитков в экономике и общественных отношениях, способствовали широкому развитию местного предпринимательства. Рост фабрично-заводского производства, значительный по афганским масштабам размах строительства, в том числе дорожно-транспортного, ускорили формирование экономических районов, складывание общенационального рынка.

Тем не менее общественные процессы в развивающемся Афганистане полны глубоких противоречий, постоянным источником которых внутри страны является противоборство антагонистических интересов отмирающих и формирующихся классов и классовых прослоек. Так, серьезные социальные проблемы порождаются здесь нерешенностью аграрного вопроса. Политика правящих классов страны в этой области определяется стремлением постепенно, «безболезненно» для помещиков приспособить существующие аграрные отношения к потребностям капиталистического развития. Всё более серьезные вопросы встают перед официальной политикой в связи с расширением рынка наемного труда, прежде всего в городах. В 50-х годах обострились проблемы реформирования унаследованных от времен феодализма племенных институтов, ликвидация привилегий верхушки кочевых и полукочевых племен, настроенной сепаратистски по отношению к центральной власти. Внутриполитическая обстановка в Афганистане во многом продолжает зависеть от отношения влиятельного мусульманского духовенства к национально-буржуазным мероприятиям в области экономики, права, просвещения, методов управления и т. д. Позиции той части местных служителей культа, которые придерживаются крайне консервативных воззрений и проповедают нетерпимость к любым новшествам, все еще весьма значительны.

В предлагаемой книге немало живых зарисовок, иллюстрирующих сложность общественных проблем современного Афганистана, борьбу нового со старым, противоречивость социальных воззрений, носителями которых выступают представители различных слоев населения. Читатель ощутит специфику социальных связей, служебных отношений, домашнего быта в обществе, традиционные устои которого подвергаются бурному натиску неведомых прежде интересов и конфликтов в сфере производства, культуры, идеологии.

Афганистан добился политической независимости в 1919 г. в результате длительной борьбы против английских колонизаторов. Прошедшие десятилетия независимого развития Афганистана отмечены постоянными попытками империалистических государств навязать этой стране чуждые ее национальным интересам неокOLONIALИСТИСКИЕ программы в области экономики и международных отношений. Отказываясь от какого бы то ни было участия в агрессивных военно-политических группировках, созданных колонизаторами в Азии, Афганистан следует своему традиционному курсу миролюбия и непри-

соединения. Эта суверенная позиция Кабула, будучи важным вкладом в дело мира и безопасности на Среднем Востоке и в Центральной Азии, пользуется пониманием и поддержкой социалистических государств.

Вопреки экономическим расчетам неокOLONиализма Афганистан выступает сторонником таких форм международного сотрудничества в хозяйственной сфере, которые опираются на принципы равноправия и уважения суверенитета. Именно на такой основе на протяжении более чем полувека успешно развиваются советско-афганские экономические связи, а в последние десятилетия — сотрудничество Афганистана с мировой социалистической системой. Как известно, 70-е годы ознаменовались новыми плодотворными результатами в области экономических, культурных и научных связей этой страны с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

На страницах книги Станислава Мярковского запечатлено множество ярких свидетельств тех дружеских чувств и доверия, с которыми встречаются в Афганистане внешнеполитические и внешнеэкономические мероприятия социалистических государств, их неустанные усилия, направленные на укрепление сотрудничества в интересах народов. Могучее дыхание нашего времени многократно отмечается автором книги, когда он рассказывает о больших и малых событиях, участником и свидетелем которых был в период своего пребывания в Афганистане, а главное — о людях этой страны. Повествование о трудолюбии, незаурядном мужестве, человеческой доброте и отзывчивости простых тружеников афганских городов и деревень вызывает теплую симпатию к свободолюбивому народу Афганистана — страны, переживающей ныне сложный этап общественных перемен на пути преодоления ущерба, нанесенного ей колониализмом.

Книга Станислава Мярковского, очевидца и участника экономической работы, проводимой при содействии социалистических стран в Афганистане, поможет читателю ближе познакомиться с некоторыми современными проблемами этого развивающегося государства.

Р. Т. Ахрамович

СОДЕРЖАНИЕ

Как родилась эта книга?	3
Более четырех тысяч километров на юго-восток	5
Қаттаган	23
Гундал *	48
Любовь по-местному	53
Наводнение	63
Айбак * и окрестности	81
Джашн *	100
Нет плохой дороги...	121
Цена экзотики	136
Зима	143
Контрольная комиссия	156
Газни	161
Ковры	169
Банди-Амир	177
Мост Махмуд-хана	181
Встречи и проводы	194
<i>Р. Т. Ахрамович.</i> Послесловие	202

Станислав Марковский
НА ДОРОГАХ АФГАНИСТАНА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Э. О. Секар
Младший редактор Л. З. Шварц
Художник А. В. Вереvская
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Т. А. Патеюк
Корректор Г. В. Стругова

Сдано в набор 7/V 1973 г.
Подписано к печати 20/VII 1973 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага № 2
Печ. л. 6,5. Усл. п. л. 10,92
Уч.-изд. л. 10,85. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 2917. Зак. № 454, Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер. 4

Цена 55 коп.